

Н. НОСОВ
**ВИТЯ МАЛЕЕВ
В ШКОЛЕ И ДОМА**

Издательство „Детская литература“

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

Н. НОСОВ

ВИТЯ МАЛЕЕВ
В ШКОЛЕ И ДОМА

Рисунки Г. Позина

Издательство „Детская литература“
Москва 1964

Дорогие ребята!

Книга Николая Николаевича Носова «Витя Малеев в школе и дома» впервые была прочитана школьниками, которые теперь уже учатся в институтах или работают. А на тех же школьных партах сегодня сидите вы и тоже с удовольствием читаете эту повесть о школе, о смешных друзьях — Вите и Косте, которые причиняли немало огорчений всему классу и родителям.

Если вы внимательно будете читать, то заметите, что в книге говорится о важных вопросах. Например, о таких: можно ли считать хорошим, настоящим другом того, кто скрывает ошибки своего товарища? Что лучше: говорить всегда правду или хитрить — и многие другие вопросы, на которые вы сами найдёте ответы, прочитав вдумчиво книгу.

Напишите нам, есть ли в вашем классе ребята, похожие на Витю и Костю, и как вы им помогаете.

Наш адрес: Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Глава первая

Подумать только, как быстро время летит!¹ Не успел я оглянуться², как каникулы кончились и пришла пора идти в школу. Целое лето я только и делал, что бегал по улицам да играл в футбол, а о книжках даже позабыл думать. То есть я читал иногда книжки, только не учебные, а какие-нибудь сказки или рассказы, а так чтоб позаниматься по русскому языку или по арифметике — этого не было. По русскому я и так хорошо учился, а арифметики не любил. Хуже всего для меня было — это задачи решать. Ольга Николаевна даже хотела дать мне работу на лето по арифметике, но потом пожалела меня и перевела в четвертый класс так, без работы.

— Не хочется тебе лето портить, — сказала она. — Я переведу тебя так, но ты дай обещание, что сам позанимаешься по арифметике летом.

¹ Время летит — время проходит очень быстро.

² Не успел оглянуться — так говорят, когда что-то очень быстро, незаметно наступает. Оглянуться — обернуться, посмотреть назад.

И, конечно, обещание дал, но как только занятия кончились, вся арифметика выскочила у меня из головы¹, и я, наверно, так и не вспомнил бы о ней, если б не пришла пора идти в школу. Стыдно было мне, что я не исполнил своего обещания, но теперь уж всё равно ничего не поделаешь.

Ну и вот, значит, пролетели каникулы! В одно прекрасное утро — это было первого сентября — я встал пораньше, сложил свои книжечки в сумку и отправился в школу. В этот день на улице было шумно и весело. Все мальчики и девочки, и большие и маленькие, как по команде, высыпали² на улицу и шагали в школу. Они шли и по одному, и по двое, и даже целыми группами по несколько человек. Кто шёл не спеша, вроде меня, кто мчался как на пожар. Малыши тащили цветы, чтобы украсить класс. Девчонки визжали. И ребята тоже некоторые визжали и смеялись. Всем было весело. И мне было весело. Я был рад, что снова увижу свой пионерский отряд, всех ребят-пионеров из нашего класса и нашего вожатого Володю, который работал с нами в прошлом году. Мне казалось, будто я путешественник, который когда-то давно уехал в далёкое путешествие, а теперь возвращается обратно домой и вот-вот скоро уже увидит родные берега и знакомые лица родных и друзей.

Но всё-таки мне было не совсем весело, так как я знал, что не встречу среди старых школьных друзей Фёдю Рыбкина — моего самого лучшего друга, с которым мы в прошлом году сидели за одной партой. Он недавно уехал со своими родителями из нашего города, и теперь уж никто не знает, увидимся мы с ним когда-нибудь или нет. И ещё мне было грустно, как как я не знал, что скажу Ольге Николаевне, если

¹ Арифметика выскочила из головы — забыл, не вспомнил, что надо заниматься арифметикой.

² Высыпали (высыпать) — здесь: появились все сразу, в одно время.

онá меня спрóсит, занимáлся ли я лётюм по арифмётике. Ох, уж ésta мне арифмётика! Из-за неё у меня настроёние совсём испóртилось.

Яркое солнышко сияло на нёбе по-лётнему, но прохладный осённый вётер срывáл с деревьев пожелтёвшие листьё. Онí кружились в вóздухе и пáдали вниз. Вётер гнал их по тротуáру, и казалось, что листóчки тóже кудá-то спешáт.

Ещё издали я увидел над входом в шкóлу большóй краснóй плакáт. Он был увит со всех сторóн цветáми, а на нём бýло написано больш́ими бёлыми б́уквами: «Добрó пожáловать!» Я вспóмнил, что та-кóй же плакáт висёл в ётот день здесь и в прошлóм годú, и в позапрошлóм, и в тот день, когдá я совсём ещё малёньким пришёл пёрвый раз в шкóлу. И мне вспóмнились все прошлые гóды. Как мы учились в пёрвом клáссе и мечтáли поскорёй подрастí и стать пионёрами.

Всё ёто вспóмнилось мне, и кáк-то радóстно стáло на сёрдце, б́удто случилось чтó-то хорóшее-хорóшее! Нóги мой сáми собóй зашагáли быстрёй, и я ёле удержáлся, чтоб не побежáть. Но ёто б́удто мне не к лицу: ведь я не какóй-нибудь первоклáссник — как-никáк всё-таки четвёртый класс!

Во дворё шкóлы ужé б́удто было полно ребят. Ребáта собирались грúппами. Кáждый класс отдёльно. Я б́удто разыскáл свой класс. Ребáта увидели меня и с радóстным кр́иком побежáли навстрёчу, стáли хлопáть по плечáм, по спинё. Я и не думал, что все так обрадуются моему приходу.

— А где же Фёдя Рыбкин? — спросил Гр́иша Васильев.

— Прáвда, где Фёдя? — закричáли ребáта. — Вы всегдá вмёсте ходили. Где ты его потерял?

— Нёту Фёди, — отвётил я. — Он не б́удет бóльше у нас учиться.

— Почему?

— Он уёхал из нáшего гóрода со своими родителёями.

-- Как так?

--- Очень просто.

— А ты не врешь? — спросил Алик Сорочкин.

— Вот ещё! Стану я врать!

Ребята смотрели на меня и недоверчиво улыбались.

— Ребята, и Вани Пахомова нет, — сказал Лёня Астафьев.

— И Серёжи Букатина! — закричали ребята.

— Может быть, они тоже уехали, а мы и не знаем, — сказал Тёля Дёжкин.

Тут, как будто в ответ на это, отворилась калитка, и мы увидели, что к нам приближается Ваня Пахомов.

— Ура! — закричали мы.

Все побежали навстречу Ване и набросились на него.

— Пустите! — отбивался от нас Ваня. — Человека никогда в жизни не видели, что ли?

Но каждому хотелось похлопать его по плечу или по спине. Я тоже хотел хлопнуть его по спине, но по ошибке попал по затылку.

— А, так вы ещё драться! — рассердился Ваня и изо всех сил принялся вырываться от нас.

Но мы ещё плотней окружили его.

Не знаю, чем бы всё это кончилось, но тут пришёл Серёжа Букатин. Все убежали от Вани и накиннулись на Букатина.

— Вот теперь, кажется, уже все в сборе, — сказал Жёня Комаров.

— Все, если не считать Фёди Рыбкина, — ответил Игорь Грачёв.

— Как же его считать, если он уехал?

— А может, это ещё и неправда. Вот мы у Ольги Николаевны спросим.

— Хотите верить, хотите нет. Очень мне нужно обманывать! — сказал я.

Ребята принялись разглядывать друг друга и рассказывать, кто как провёл лето. Кто ездил в

Во дворе школы уже было полно ребят.

пионерла́герь, кто жил с роди́телями на да́че. Все мы за́ лето вы́росли, заго́рели. Но бо́льше всех заго́рел Глеб Скаме́йкин. Лицо́ у него́ бы́ло тако́е, бу́дто его́ над ко́стром копти́ли. То́лько све́тлые бро́ви сверка́ли на нём.

— Где э́то ты заго́рел так? — спроси́л его́ То́ля Де́жкин. — Небо́сь це́лое ле́то в пионерла́гере жил?

— Нет. Снача́ла я был в пионерла́гере, а пото́м в Крым по́ехал.

— Как же ты в Крым попа́л?

— Очень пр́осто. Па́пе на заво́де да́ли путе́вку в дом о́тдыха, а он приду́мал, чтоб мы с ма́мой то́же по́ехали.

— Зна́чит, ты в Крыму́ побыва́л?

— Побыва́л.

— А мо́ре ви́дел?

— Ви́дел и мо́ре. Все́ ви́дел.

Реба́та обступи́ли Гле́ба со всех сторо́н и ста́ли разгля́дывать, как каку́ю-нибу́дь дико́винку¹.

— Ну так расска́зывай, како́е мо́ре. Чего́ ж ты молчи́шь? — сказа́л Серге́жа Букати́н.

— Мо́ре — оно́ большо́е, — нача́л расска́зывать Глеб Скаме́йкин. — Оно́ тако́е большо́е, что е́сли на одно́м бере́гу стои́шь, то друго́го бе́рега да́же не ви́дно. С одной́ сторо́ны́ есть бе́рег, а с друго́й сторо́ны́ ника́кбо́го бе́рега нет. Вот как мно́го воды́, ребя́та! Одно́м сло́вом, одна́ вода́! А со́лнце там печёт так, что с меня́ сошла́ вся ко́жа.

— Врёшь!

— Че́стное сло́во! Я сам да́же испуга́лся снача́ла, а пото́м оказа́лось, что у меня́ под э́той ко́жей есть ещё́ одна́ ко́жа. Вот я тепе́рь и хожу́ в э́той второ́й ко́же.

— Да ты не про ко́жу, а про мо́ре расска́зывай!

— Сейча́с расскажу́... Мо́ре — оно́ грома́дное!

¹ Дико́винку (дико́винка) — что́-то удиви́тельное, то, что не ча́сто уви́дишь.

А воды в море пропасть!¹ Одним словом — целое море воды.

Неизвестно, что ещё рассказал бы Глеб Скамейкин про море, но в это время к нам подошёл Володя. Ну и крик тут поднялся! Все обступили его. Каждый спешил рассказать ему что-нибудь о себе. Все спрашивали, будет он у нас в этом году вожатым или нам дадут кого-нибудь другого.

— Что вы, ребята! Да разве я отдам вас кому-нибудь другому? Будем работать с вами, как и в прошлом году. Ну, если я сам надоюм вам, тогда дело другое! — засмеялся Володя.

— Вы? Надоедите?.. — закричали мы все сразу. — Вы нам никогда в жизни не надоедите! Нам с вами всегда весело!

Володя рассказал нам, как он летом со своими товарищами комсомольцами ездил в путешествие по реке на резиновой лодке. Потом он сказал, что ещё увидится с нами, и пошёл к своим товарищам старшеклассникам. Ему ведь тоже хотелось поговорить со своими друзьями. Нам было жалко, что он ушёл, но тут к нам подошла Ольга Николаевна. Все очень обрадовались, увидев её.

— Здравствуйте, Ольга Николаевна! — закричали мы хором.

— Здравствуйте, ребята, здравствуйте! — улыбнулась Ольга Николаевна. — Ну как, нагулялись за лето?

— Нагулялись, Ольга Николаевна!

— Хорошо отдохнули?

— Хорошо.

— Не надоело отдыхать?

— Надоело, Ольга Николаевна! Учиться хочется!

— Вот и прекрасно!

— А я, Ольга Николаевна, так отдохнул, что даже устал! Если б ещё немного — совсем бы из сил выбился², — сказал Алик Сорочкин.

¹ Пропать — здесь: очень много.

² Из сил бы выбился — совсем бы стал слабым, больным.

— А ты, Алик, я вижу, совсѣм не переменялся. Такой же шутник, как и в прошлом году был.

— Такой же, Ольга Николаевна, только подрос немного.

— Ну, подрос-то ты порядочно, — усмехнулась Ольга Николаевна.

— Только умá не набрался¹, — добавил Юра Касаткин.

Все ребята засмеялись.

— Ольга Николаевна, Фёдя Рыбкин не будет больше у нас учиться, — сказал Дима Балакирев.

— Я знаю. Он уехал со своими родителями в Москву.

— Ольга Николаевна, а Глеб Скамейкин в Крыму был и море видел.

— Вот и хорошо. Когда будем сочинение писать, Глеб напишет про море.

— Ольга Николаевна, а с него сошла кожа.

— С когó?

— С Глёбки.

— А, ну хорошо, хорошо. Об этом поговорим после, а сейчас постройтесь в линейку, скоро в класс идти надо.

Мы построились в линейку. Все остальные классы тоже построились. На крыльце школы появился директор Игорь Александрович. Он поздравил нас с началом нового учебного года и пожелал всем ученикам в этом новом учебном году хороших успехов. Потом классные руководители стали разводить учеников по классам. Сначала пошли самые маленькие ученики — первоклассники, за ними второй класс, потом третий, а потом уж мы, а за нами пошли старшие классы.

Ольга Николаевна привела нас в класс. Все ребята решили сесть как в прошлом году, поэтому я оказался за партой один, у меня не было пары. Всем казалось, что в этом году нам достался

¹ Умá не набрался — не стал умнее.

мáленький класс, горáздо мéньше, чем в прóшлом годú.

— Класс такой же, как и в прóшлом годú, тóчно таких же размéров, — объясни́ла Ольга Никола́евна. — Все вы за лето вы́росли, вот вам и ка́жется, что класс мéньше.

Это была́ прáвда. Я потóм нарóчно на перемёнке пошёл посмотре́ть на трéтий класс. Он был тóчно такой же, как и четвёртый.

На пёрвом уро́ке Ольга Никола́евна сказа́ла, что в четвёртом клáссе нам придётся рабóтать горáздо бóльше, чем рáньше, так как у нас бúдет мнóго предмéтов. Крóме рúсского языка́, арифмéтики и други́х предмéтов, кото́рые бы́ли у нас в прóшлом годú, те́перь прибавля́ются ещё географ́ия, истóрия и естествознáние. Поэто́му на́до браться за учёбу как слéдует с са́мого нача́ла го́да. Мы записа́ли расписа́ние уро́ков. Потóм Ольга Никола́евна сказа́ла, что на́до вы́брать ста́росту клáсса и его́ помóщника.

— Гле́ба Скаме́йкина ста́ростой! Гле́ба Скаме́йкина! — закрича́ли ребя́та.

— Тише! Шúму-то ско́лько! Ра́зве вы не зна́ете, как выбира́ть? Кто хо́чет сказа́ть, до́лжен подня́ть ру́ку.

Мы ста́ли выбира́ть организо́ванно и вы́брали ста́ростой Гле́ба Скаме́йкина, а помóщником — Шу́ру Ма́ликова.

На второ́м уро́ке Ольга Никола́евна сказа́ла, что внача́ле мы бúдем повто́рять то, что проходи́ли в прóшлом годú, и она́ бúдет проверя́ть, кто что забы́л за лето. Она́ тут же нача́ла провер́ку, и вот оказа́лось, что я да́же табли́цу умно́жения забы́л. То есть не всю, конечно́, а то́лько с конца́. До се́мью семь — со́рок де́вять я хорошо́ помнил, а да́льше пúтался.

— Эх, Малéев, Малéев! — сказа́ла Ольга Никола́евна: — Вот и ви́дно, что ты за лето да́же в ру́ки кни́жку не брал!

Это моя́ фами́лия Малéев, Ольга Никола́евна,

когда сердится, всегда меня по фамилии называет, а когда не сердится, то зовёт просто Витя.

Я заметил, что в начале года учиться почему-то всегда трудней. Уроки кажутся длинными, будто их кто-то нарочно растягивает. Если б я был главным начальником над школами, я бы сделал как-нибудь так, чтоб занятия начинались не сразу, а постепенно, чтоб ребята понемногу отвыкали гулять и понемногу привыкали к урокам. Например, можно было бы сделать так, чтоб в первую неделю было только по одному уроку, во вторую неделю — по два урока, в третью — по три, и так далее. Или ещё можно было бы сделать так, чтоб в первую неделю были одни только лёгкие уроки, например физкультура, во вторую неделю к физкультуре можно добавить пение, в третью неделю можно добавить русский язык, и так, пока не дойдёт до арифметики. Может быть, кто-нибудь подумает, что я ленивый и вообще не люблю учиться, но это неправда. Я очень люблю учиться, но мне трудно начать работать сразу: то гулял, гулял, а тут вдруг стоп машина¹ — давай учиьсь.

На третьем уроке у нас была география. Я думал, что география — это какой-нибудь очень трудный предмет, вроде арифметики, но оказалось, что она совсем лёгкая. География — это наука о Земле, на которой мы все живём; про то, какие на Земле горы и реки, какие моря и океаны. Раньше я думал, что Земля наша плоская, как будто блин, но Ольга Николаевна сказала, что Земля вовсе не плоская, а круглая, как шар. Я уже и раньше слышал об этом,¹ но думал, что это, может быть, сказки или какие-нибудь выдумки. Но теперь уже точно известно, что это не сказки. Наука установила, что Земля наша — это огромнейший-преогромнейший шар, а на этом шаре вокруг живут люди. Оказывается, что Земля притягивает к себе всех людей и зверей и всё, что на ней находится, поэтому люди, которые живут внизу, ни-

¹ Стоп машина — остановись, стой, машина. Здесь: прекрати, перестань гулять.

куда не падают. И вот еще что интересно: те люди, которые живут внизу, ходят вверх ногами, то есть вниз головой, только они сами этого не замечают и воображают, что ходят правильно. Если они опустят голову вниз и посмотрят себе под ноги, то увидят землю, на которой стоят, а если задерут голову вверх, то увидят над собой небо. Вот поэтому им и кажется, что они ходят правильно.

На географии мы немножечко развеселились, а на последнем уроке случилось интересное происшествие. Уже прозвонил звонок и в класс пришла Ольга Николаевна, как вдруг отворилась дверь и на пороге появился совсем незнакомый ученик. Он постоял нерешительно возле двери, потом поклонился Ольге Николаевне и сказал:

— Здравствуйте!

— Здравствуй, — ответила Ольга Николаевна. — Что ты хочешь сказать?

— Ничего.

— Зачем же ты пришел, если ничего не хочешь сказать?

— Так просто.

— Что-то я не пойму тебя!

— Я учиться пришел. Здесь ведь четвертый класс?

— Здесь.

— Вот мне и надо в четвертый.

— Так ты новичок, должно быть?

— Новичок.

Ольга Николаевна заглянула в журнал:

— Твоя фамилия Шíšкин?

— Шíšкин, а зовут Кóстя.

— Почему же ты, Кóстя Шíšкин, так поздно пришел? Разве ты не знаешь, что в школу надо с утра являться?

— Я и явился с утра. Я только на первый урок опоздал.

— На первый урок? А теперь уже четвертый. Где же ты пропал два урока?

— Я был там... в пятом классе.

— Чего же ты в пятый класс попал?

— Я пришёл в школу, слышу — звонок, ребята бегут в класс... Ну, и я за ними, вот и попал в пятый класс. На перемене ребята спрашивают: «Ты новичок?» Я говорю: «Новичок». Они ничего не сказали мне, и я только на следующем уроке понял, что не в свой класс попал. Вот.

— Вот садись на место и не попадай больше в чужой класс, — сказала Ольга Николаевна.

Шишкин подошёл к моей парте и сел рядом со мной, потому что я сидел один и место было свободно.

Весь урок ребята оглядывались на него и потихоньку посмеивались. Но Шишкин не обращал на это внимания и делал вид, будто с ним ничего смешного не произошло. Нижняя губа у него немного выпячивалась вперёд, а нос как-то сам собой задирался кверху. От этого у него получался какой-то презрительный вид, будто он чем-то гордился.

После уроков ребята обступили Шишкина со всех сторон.

— Как же ты попал в пятый класс? Неужели учительница не проверяла ребят? — спросил Слава Ведёрников.

— Может быть, и проверяла на первом уроке, а я ведь пришёл на второй урок.

— Почему же она не заметила, что на втором уроке появился новый ученик?

— А на втором уроке уже другой учитель был, — ответил Шишкин. — Там ведь не так, как в четвертом классе. Там на каждом уроке другой учитель, и, пока учителя не знают ребят, получается путаница¹.

— Это только с тобой получилась путаница, а вообще никакой путаницы не бывает, — сказал Глеб Скамейкин. — Каждый должен знать, в какой ему класс надо.

¹ П у т а н и ц а — что-нибудь неясное, ошибочное.

— А ёсли я новичок? — говорит Шйшкин.

— Новичок, так не надо опаздывать. И потом, разве у тебя языка нету? Мог спросить.

— Когда же спрашивать? Вижу — ребята бегут, ну и я за ними.

— Ты так и в десятый класс мог попасть!

— Нет, в десятый я не попал бы. Это я сразу бы догадался: там ребята большие, — улыбнулся Шйшкин.

Я взял свои книжки и пошёл домой. В коридоре меня встретила Ольга Николаевна.

— Ну, Витя, как ты думаешь учиться в этом году? — спросила она. — Пора тебе, дружок, браться за дело как следует. Тебе нужно приналечь¹ на арифметику. А таблицы умножения стыдно не знать. Ведь её во втором классе проходят.

— Да я ведь знаю, Ольга Николаевна. Я только с конца немножко забыл!

¹ Приналечь — здесь: больше заниматься.

— Таблицу всю от начала до конца надо хорошо знать. Без этого нельзя в четвертом классе учиться. К завтрашнему дню выучи, я проверю.

Глава вторая

Все девочки воображают¹, что они очень умные. Не знаю, отчего у них такое большое воображение! Моя младшая сестра Лика перешла в третий класс и теперь думает, что меня можно совсем не слушаться, будто я ей вовсе не старший брат и у меня нет никакого авторитета². Сколько раз я говорил ей, чтоб она не садилась за уроки сразу, как только придет из школы. Это ведь очень вредно! Пока учишься в школе, мозг в голове устаёт, и ему надо сначала дать отдохнуть часа два, полтора, а потом уже можно садиться за уроки. Но Лике хоть говори, хоть нет, она ничего слушать не хочет.

Вот и теперь: пришёл я домой, а она тоже уже вернулась из школы, разложила на столе книжки и занимается.

Я говорю:

— Что же ты, голубушка, делаешь? Разве ты не знаешь, что после школы надо мозгу давать отдых?

— Это, — говорит, — я знаю, только мне так удобней. Я сделаю уроки сразу, а потом свободна: хочю — гуляю, хочю — что хочю делаю.

— Экая, — говорю, — ты бестолковая! Мало я тебе в прошлом году твердил! Что я могу сделать, если ты своего старшего брата не хочешь слушать? Вот вырастет из тебя тупица³, тогда узнаешь!

— А что я могу сделать? — сказала она. — Я ни минутки не могу посидеть спокойно, пока дела не сделаю.

¹ Воображают (воображать) — здесь: думают.

² Авторитета (авторитет) — значения, влияния.

³ Тупица — глупая, ничего не понимающая.

— Бүдто потóm нельзѣ сдѣлать!— отвѣтил я. — Вѣдержку¹ нѣдо имѣть.

— Нет, уж лүчше я сначѣла сдѣлаю и бѣду спо-
кóйна. Вѣдь уро́ки у нас лёгкае. Не то что у вас, в
четвѣртом клѣссе.

— Да, — говорю, — у нас не то что у вас. Вот
перейдѣшь в четвѣртый класс, тогда узнаѣшь, где ра́-
ки зимуют².

— А что тебѣ сегóдня задано? — спросила она.

— Это не твоегó умѣ дѣло, — отвѣтил я. — Ты все
равно ничегó не поймѣшь, так что и рассказывать не
стóит.

Не мог же я сказа́ть ей, что мне задано повторѣть
таблицу умножѣния! Еѣ вѣдь во вторóм клѣссе про-
хóдят.

Я реши́л с сѣмого начѣла взѣться за учѣбу как
слѣдует и срѣзу засѣл повторѣть таблицу умножѣния.
Конѣчно, я повторѣл еѣ про себѣ, чтоб Лѣка не слы-
шала, но она скóро окóнчила своѣ уро́ки и убежала
игрѣть с подру́гами. Тогда я принялся учѣть таблицу
как слѣдует, вслух, и вѣучил еѣ так, что меня хоть
разбудѣ нóчью и спросѣ, скóлько бѣдет сѣмью семь
или вóсемью дѣвѣть, я без запѣнки отвѣчу.

Затó на другóй дѣнь Ольга Николаѣвна вѣзва-
ла меня и проверила, как я вѣучил таблицу умно-
жѣния.

— Вот вѣдишь, — сказа́ла она, — когда ты хó-
чешь, то мóжешь учѣться как слѣдует! Я вѣдь знаю,
что у тебѣ спосóбности есть.

Всѣ бѣло бы хорошó, е́сли б Ольга Николаѣвна
спросѣла меня тóлько таблицу, но ей ещѣ захотѣлось,
чтоб я задачу на доскѣ реши́л. Этим она, конѣчно,
все дѣло испóртила.

Я вѣшел к доскѣ, и Ольга Николаѣвна продикто-
вала задачу про какѣх-то плóтников, котóрые строи-
ли дом. Я записѣл услóвие задачи на доскѣ мѣлом

¹ Вѣдержку (вѣдержка) — здесь: терпѣние.

² Узнаѣшь, где ра́ки зимуют — узнаѣшь, как
трѣдно.

и стал думать. Но это, конечно, только так говорится, что я стал думать. Задача попала такáя трудная, что я всё равно не решил бы её. Я только нарочно наморщил лоб, чтоб Ольга Николаевна видела, будто я думаю, а сам стал украдкой поглядывать на ребят, чтоб они подсказали мне. Но подсказывать тому, кто стоит у доски, очень трудно, и все ребята молчали.

— Ну, как ты станешь решать задачу? — спросила Ольга Николаевна. — Какой будет первый вопрос?

Я только сильнее наморщил лоб и, повернувшись вполоборота к ребятам, изо всех сил заморгал одним глазом. Ребята сообразили, что моё дело плохо, и стали подсказывать.

— Тихе, ребята, не подсказывайте! Я сама помогу ему, если надо, — сказала Ольга Николаевна.

Она стала объяснить мне задачу и сказала, как сделать первый вопрос. Я хотя́ ничего не понял, но всё-таки решил на доске первый вопрос.

— Правильно, — сказала Ольга Николаевна. — Теперь какой будет второй вопрос?

Я снова задумался и заморгал глазом ребятам. Ребята опять стали подсказывать.

— Тихе! Мне ведь всё слышно, а вы только ему мешаете! — сказала Ольга Николаевна и принялась объяснить мне второй вопрос.

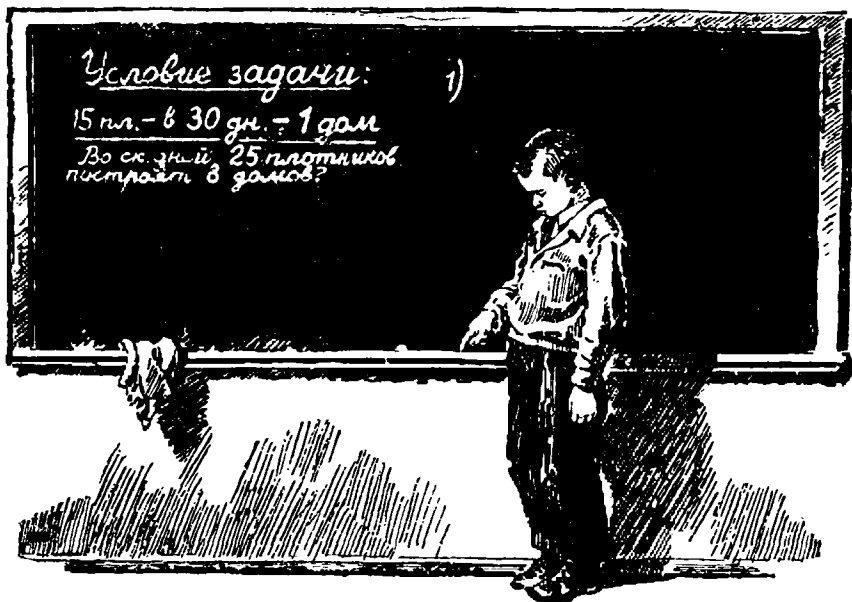
Таким образом, постепенно, с помощью Ольги Николаевны и с подсказкой ребят, я решил наконец задачу.

— Теперь ты понял, как нужно решать такие задачи? — спросила Ольга Николаевна.

— Понял, — ответил я.

На самом деле я, конечно, совсем ничего не понял, но мне стыдно было признаться, что я такой беспомощный, к тому же я боялся, что Ольга Николаевна поставит мне плохую отметку, если я скажу, что не понял. Я сел на место, списал задачу в тетрадь и решил ещё дома подумать над ней как следует.

После урока говорю ребятам:

— Что же вы подсказываете так, что Ольга Николаевна всё слышит? Орут на весь класс! Разве так подсказывают?

— Как же тут подскажешь, когда ты возле доски стоишь! — говорит Вáся Ерóхин. — Вот если б тебя с мéста вызвали...

— «С мéста, с мéста!» Потихóньку нáдо.

— Я и подсказывал тебе сначала потихóньку, а ты стоишь и ничего не слышишь.

— Так ты, навéрно, себе пóд нос шептáл, — говорю я.

— Ну вот! Тебе и грóмко нехорошó и тóхо нехорошó! Не разберёшь, как тебе нáдо!

— Совсém никак не нáдо, — сказал Вáня Пахóмов. — Самому нáдо соображáть, а не слóшать подскáзку.

— Зачём же мне свою гóлову утруждáть, если я всё равнó ничего в éтих задáчах не понимáю? — говорю я.

— Оттого и не понимаешь, что не хочешь соображать, — сказал Глеб Скамейкин. — Надеешься на подсказку, а сам не учишься. Я лично никому больше подсказывать не буду. Надо, чтоб был порядок в классе, а от этого один вред.

— Найдутся и без тебя, подскажут, — говорю я.

— А я всё равно буду бороться с подсказкой, — говорит Глеб.

— Ну, не больно-то задавайся! — ответил я.

— Почему «задавайся»? Я староста класса! Я добьюсь, чтоб подсказки не было.

— И нечего, — говорю, — воображать, если тебя старостой выбрали! Сегодня ты староста, а завтра я староста.

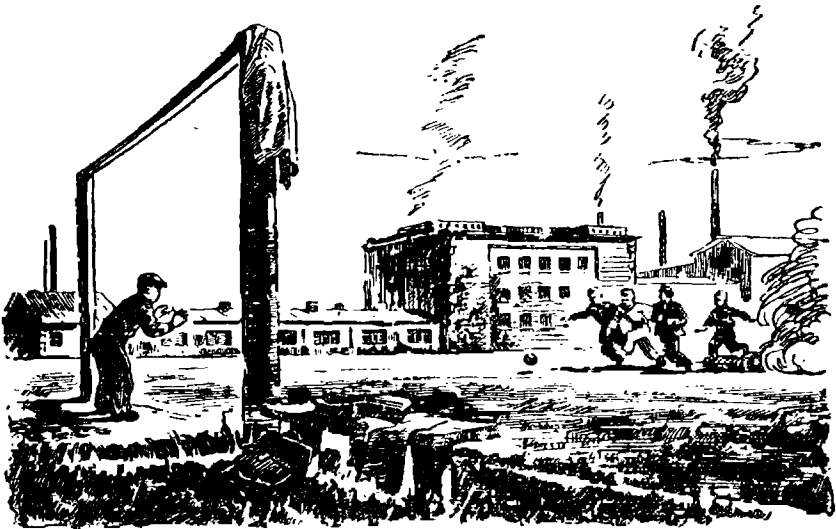
— Ну вот, когда тебя выберут, а пока ещё не выбрали.

Тут и другие ребята вмешались и стали спорить, нужно подсказывать или нет. Но мы так ни до чего и не dospорились. Прибежал Дима Балакирев. Он узнал, что летом позади школы старшие ребята устроили футбольное поле. Мы решили прийти после обеда и сыграть в футбол. После обеда мы собрались на футбольном поле, разбились на две команды, чтоб играть по всем правилам, но тут в нашей команде произошёл спор, кому быть вратарём. Никто не хотел стоять в воротах. Каждому хотелось бегать по всему полю и забивать голы. Все говорили, чтоб вратарём был я, но мне хотелось быть центром нападения или хотя бы полузащитником. На моё счастье, Шишкин согласился сделаться вратарём. Он сбросил с себя куртку, стал в воротах, и игра началась.

Сначала перевес¹ оказался на стороне противников. Они всё время атаковали² наши ворота. Вся наша команда смешалась в кучу. Мы без толку носились по полю и только мешали друг другу. На наше счастье, Шишкин оказался замечательным вратарём.

¹ Перевес — здесь: лучшее положение, успех.

² Атаковали (атаковать) — нападали.

Он прыгал, как кошка или какая-нибудь пантера¹, и не пропустил в наши ворота ни одного мяча. Наконец нам удалось завладеть² мячом, и мы погна́ли его к воротам противника. Кто-то из наших пробил по воротам, и счёт оказался 1:0 в нашу пользу. Мы обрадовались и с новыми силами начали нажимать³ на вражеские ворота. Скоро нам удалось забить ещё гол, и счёт оказался 2:0 в нашу пользу. Тут игра почему-то снова перешла на нашу половину поля. Нас опять стали теснить, и мы никак не могли отогнать мяч от наших ворот. Тогда Шйшкин схватил мяч руками и помчался с ним прямо к воротам противника. Там он положил мяч на землю и уже хотел забить гол, но тут Игорь Грачёв ловко отыграл у него мяч, передал его Славе Ведёрникову, Слава Ведёрников — Ване Пахомову, и не успели мы оглянуться, как мяч уже был в наших воротах. Счёт стал 2:1. Шйшкин со всех ног побежал на своё место. но,

¹ Пантера — крупный хищный зверь.

² Завладеть — захватить.

³ Нажимать — здесь: нападать.

пока он бежал, нам снова забили гол, и счёт стал 2:2. Мы принялись ругать на все лады Шйшкина за то, что он оставил свой ворот, а он оправдывался и говорил, что теперь будет играть по всем правилам. Но из этих обещаний ничего не вышло. Он то и дело выскакивал из ворот, и как раз в это время нам забивали голы. Игра продолжалась до позднего вечера. Мы забили шестнадцать голов, а нам забили двадцать один. Нам хотелось ещё поиграть, но темнота наступила такая, что мяча не стало видно, и пришлось разойтись по домам. По дороге все только и говорили, что мы проиграли из-за Шйшкина, потому что он всё время выскакивал из ворот.

— Ты, Шйшкин, замечательный вратарь, — сказал Юра Касаткин. — Если бы ты исправно стоял в воротах, наша команда была бы непобедимой.

— Не могу я стоять спокойно, — ответил Шйшкин. — Я люблю играть в баскетбол, потому что там можно каждому бегать по всему полю и никакого вратаря не полагается и к тому же все могут хватать мяч руками. Вот давайте организуем баскетбольную команду.

Шйшкин начал рассказывать о том, как нужно играть в баскетбол, и, по его словам, эта игра была не хуже футбола.

— Надо поговорить с нашим преподавателем физкультуры, — сказал Юра. — Может быть, он поможет нам оборудовать площадку для баскетбола.

Когда мы подошли к скверу, где нужно было поворачивать на нашу улицу, Шйшкин вдруг остановился и закричал:

— Батюшки! ¹ Я ведь свою куртку на футбольном поле забыл!

Он повернулся и бросился бегом назад. Удивительный это был человек! Вечно с ним случались какие-нибудь недоразумения. Бывают же такие люди на свете!

¹ Б а т ю ш к и! — восклицание испуга, удивления.

Домой я вернулся в девятом часу. Мама стала бранить меня за то, что я задержался так поздно, но я сказал, что ещё не поздно, потому что теперь уже осень, а осенью всегда темнеет раньше, чем летом, и если бы это было летом, то никому не показалось бы, что уже поздно, потому что летом дни гораздо длиннее, и в это время было бы ещё светло, и всем казалось бы, что ещё рано.

Мама сказала, что у меня вечно какие-нибудь отговорки, и велела делать уроки. Я, конечно, засел за уроки. То есть я засел за уроки не сразу, так как я очень устал на футболе и мне хотелось немножечко отдохнуть.

— Чего же ты не делаешь уроки? — спросила Лика. — Ведь твой мозг, наверно, давно отдохнул.

— Я сам знаю, сколько нужно моему мозгу отдыхать! — ответил я.

Теперь я уже не мог тут же сесть за уроки, чтоб Лика не вообразила, будто это она меня заставила заниматься. Поэтому я решил ещё немножечко отдохнуть и стал рассказывать про Шишкина, какой он растяпа¹ и как он забыл на футбольном поле свою куртку. Скоро пришёл с работы папа и стал рассказывать, что их завод получил заказ на изготовление новых машин для Куйбышевского гидроузла, и я снова не мог делать уроки, потому что мне интересно было послушать.

Мой папа работает на сталелитейном заводе модельщиком. Он делает модели. Что такое модель, наверно, никто не знает, а я знаю. Чтоб отлить какую-нибудь деталь для машины из стали, всегда нужно сделать сначала такую же деталь из дерева, и вот такая деревянная деталь называется моделью. Для чего нужна модель? А вот для чего: модель возьмут, поставят в опоку, то есть в такой вроде железный ящик, только без дна, потом насыплют в опоку земли, и, когда модель вынут, в земле получается углубление

¹ Р а с т я п а — неловкий человек.

по форме модели. В это углубление заливают расплавленный металл, и когда металл застынет, то получится деталь, точно такая же по форме, как была модель. Когда на завод приходит заказ на новые детали, инженеры чертят чертежи, а модельщики делают по этим чертежам модели. Конечно, модельщик должен быть очень умным, потому что он по простому чертежу обязан понять, какую нужно делать модель, а если он сделает модель плохо, то по ней нельзя будет отливать детали. Мой папа очень хороший модельщик. Он даже придумал электрический лобзик, чтоб выпиливать из дерева разные мелкие части. А теперь он изобретает шлифовальный прибор для шлифовки деревянных моделей. Раньше шлифовали модели вручную, а когда папа делает такой прибор, все модельщики будут шлифовать модели этим прибором. Когда папа приходит с работы, он всегда сначала отдохнет немного, а потом садится за чертежи для своего прибора или читает книжки, чтоб узнать, как что нужно сделать, потому что это не такая простая вещь — самому придумывать шлифовальный прибор.

Папа поужинал и засел за свои чертежи, а я засел делать уроки. Сначала я выучил географию, потому что она самая легкая. После географии я принялся учить русский язык. По русскому языку нужно было списать упражнение и подчеркнуть в словах корень, приставку и окончание. Корень — одной чертой, приставку — двумя, а окончание — тремя. Потом я выучил английский язык и взялся за арифметику. На дом была задана такая скверная задача, что я никак не мог догадаться, как её решить. Я сидел целый час, пялил¹ глаза в задачник и изо всех сил напрягал мозг, но ничего у меня не выходило. Вдобавок мне страшно захотелось спать. В глазах у меня щипало, будто мне кто-нибудь в них песку насыпал.

— Довольно тебе сидеть, — сказала мама, — пора

¹ Пялил (пялнить) — смотрел долго, внимательно.

спать ложиться. У тебя глаза уже сами собой закрываются, а ты всё сидишь!

— Что же я, с несделанной задачей завтра в школу придёшь? — сказал я.

— Днём надо заниматься, — ответила мама. — Нечего приучаться по ночам сидеть! От таких занятий никакого толку не будет. Ты всё равно уже ничего не соображаешь.

— Вот и пусть сидит, — сказал папа. — Будет знать в другой раз, как уроки на ночь откладывать.

И вот я сидел и перечитывал задачу до тех пор, пока буквы в задачнике не стали кивать, и кланяться, и прятаться друг за дружку, словно играли в жмурки. Я протёр глаза, снова стал перечитывать задачу, но буквы не успокоились, а даже почему-то стали подпрыгивать, будто затеяли игру в чехарду.

— Ну, что там у тебя не получается? — спросила мама.

— Да вот, — говорю, — задача попалась какая-то скверная.

— Скверных задач не бывает. Это ученики бывают скверные.

Мама прочтала задачу и принялась объяснить, но я почему-то ничего не мог понять.

— Неужели вам в школе не объясняли, как делать такие задачи? — спросил папа.

— Нет, — говорю, — не объясняли.

— Удивительно! Когда я учился, нам учительница всегда объясняла сначала в классе, а потом задавала на дом.

— Так то, — говорю, — когда ты учился, а нам Ольга Николаевна ничего не объясняет. Всё только спрашивает и спрашивает.

— Не понимаю, как это вас учат!

— Вот так, — говорю, — и учат.

— А что вам рассказывала Ольга Николаевна в классе?

— Ничего не рассказывала. Мы решали на доске задачу.

— Ну-ка, покажи, какую задачу.

Я показal задачу, которую списал в тетрадь.

— Ну вот, а ты тут ещё на учительницу наговариваешь! — воскликнул папа. — Это ведь такая же задача, как на дом задана. Значит, учительница объясняла, как решать такие задачи.

— Где же, — говорю, — такая? Там про плотников, которые строили дом, а здесь про каких-то жестянщиков, которые делали ведра.

— Эх, ты, — говорит папа. — В той задаче нужно было узнать, во сколько дней двадцать пять плотников построят восемь домов, а в этой нужно узнать, во сколько шесть жестянщиков сделают тридцать шесть ведер. Обе задачи решаются одинаково.

Папа принялся объяснить, как нужно сделать задачу, но у меня уже всё в голове спуталось, и я совсем ничего не понимал.

— Экий ты бестолковый! — рассердился наконец папа. — Ну разве можно таким бестолковым быть!

Мой папа совсем не умеет объяснять задачи. Мама говорит, что у него нет никаких педагогических способностей, то есть он не годится в учителя. Первые полчаса он объясняет спокойно, а потом начинает нервничать, а как только он начинает нервничать, я совсем перестаю соображать и сижу на стуле, как деревянный чурбан.

— Ну что же тут непонятного? — говорит папа. — Кажется, всё понятно.

Когда папа видит, что на словах никак не может объяснить, он берёт лист бумаги и начинает писать.

— Вот, — сказал он. — Ведь это всё просто. Смотри, какой будет первый вопрос.

Он записал вопрос на бумажке и сделал решение.

— Это понятно тебе?

По правде сказать, мне совсем ничего не было понятно, но я до смерти уже хотел спать и поэтому сказал:

— Понятно.

— Ну вот, наконец-то! — обрадовался папа. — Думать надо как следует, тогда всё будет понятно.

Он решил на бумажке второй вопрос:

— Понятно?

— Понятно, — говорю я.

— Ты скажи, если непонятно, я ещё объясню.

— Нет, понятно, понятно.

Наконец он сделал последний вопрос. Я списал задачу начисто в тетрадку и спрятал в сумку.

— Кончил дело — гуляй смело, — сказала Лика.

— Ладно, я с тобой завтра поговорю! — проворчал я и пошёл спать.

Глава третья

За лето нашу школу отремонтировали. Стены в классах заново побелили, и были они такие чистенькие, свежие, без единого пятнышка, просто любо посмотреть. Всё было как новенькое. Приятно всё-таки заниматься в таком классе! И светлей кажется, и привольней, и даже, как бы это сказать, на душе веселей.

И вот на следующий день, когда я пришёл в класс, то увидел, что на стене рядом с доской нарисован углём морячок. Он был в полосатой тельняшке¹, брюки клёш² развевались по ветру, на голове — бескозырка³, во рту — трубка, и дым из неё кольцами поднимался кверху, как из паровой трубы. У морячка был такой вид, что на него нельзя было без смеха смотреть.

— Это Игорь Грачёв нарисовал, — сообщил мне Васька Ерохин. — Только, чур, не выдавать!

— Зачем же мне выдавать? — говорю я.

¹ В тельняшке (тельняшка) — в рубашке, которая надевается на голое тело.

² Брюки клёш — брюки, широкие внизу.

³ Бескозырка — фуражка без козырька.

Ребята сидели за партами, любовались морячком, посмеивались и отпускали разные шуточки:

— Морячок с нами будет учиться! Вот здорово!

Перед самым звонком прибежал в класс Шишкин.

— Видел морячка? — говорю я и показываю на стену.

Он взглянул на него.

— Это Игорь Грачёв нарисовал, — сказал я. — Только не выдавать.

— Ну ладно, сам знаю! Ты по русскому упражнение сделал?

— Конечно, сделал, — ответил я. — Что же я, с несделанными уроками буду в класс приходиться?

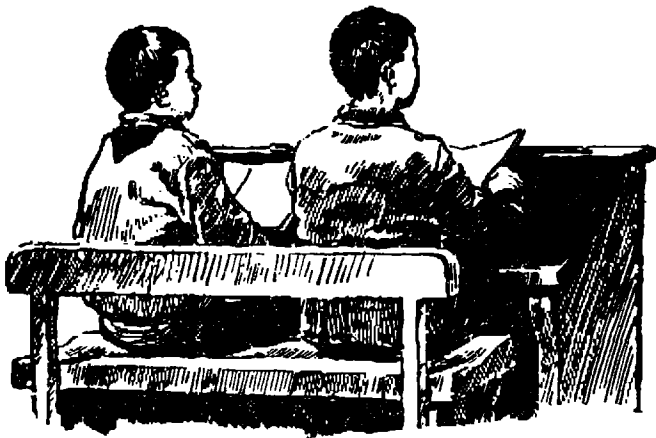
— А я, понимаешь, не сделал. Не сумел, понимаешь. Дай списать.

— Когда же ты будешь списывать? — говорю я. — Скоро урок начнётся.

— Ничего. Я во время урока спишу.

Я дал ему тетрадку по русскому языку, и он начал списывать.

— Послушай, — говорит. — А зачем ты в слове «светлячок» приставку одной чертой подчеркнул? Корень одной чертой надо подчёркивать.

— Много ты понимаешь! — говорю я. — Это и есть корень.

— Что ты! «Свет» — корень? Разве корень бывает впереди слова? Где тогда, по-твоему, приставка?

— А приставки нет в этом слове.

— Разве так бывает, чтобы приставки не было?

— Конечно, бывает.

— То-то я ломал вчера голову: приставка есть, корень есть, а окончания не получается.

— Эх, ты! — говорю я. — Мы ведь это ещё в третьем классе проходили.

— Да я уж не помню. Значит, у тебя тут всё правильно? Я так и спишу.

Я хотел рассказать ему, что такое корень, приставка и окончание, но тут прозвонил звонок, и в класс вошла Ольга Николаевна. Она сразу увидела на стене морячка, и лицо у неё сделалось строгое.

— Это что ещё за художества? — спросила она и обвела класс взглядом. — Кто это нарисовал на стене?

Все ребята молчали.

— Тот, кто испортил стену, должен встать и признаться, — сказала Ольга Николаевна.

Все сидели молча. Никто не вставал и не признавался. Брови у Ольги Николаевны нахмурились.

— Разве вы не знаете, что класс надо в чистоте держать? Что будет, если каждый станет рисовать на стенах? Самым ведь неприятно в грязи сидеть. Или, может быть, вам приятно?

— Нет, нет! — раздалось несколько нерешительных голосов.

— Кто же это сделал?

Все молчали.

— Глеб Скамёйкин, ты староста класса и должен знать, кто это сделал.

— Я не знаю, Ольга Николаевна. Когда я пришёл, морячок уже был на стене.

— Удивительно! — сказала Ольга Николаевна. — Кто-нибудь да нарисовал же его. Вчера стена была чистая, я последней уходила из класса. Кто сегодня пришёл в класс первым?

Никто из ребят не признавался. Каждый говорил, что он пришёл, когда в классе было уже много ребят.

Пока шёл разговор об этом, Шёшкин старательно списывал упражнение в свою тетрадь. Кóнчил он тем, что посадил в моёй тетради кляксу и отдал тетрадь мне.

— Что же это такое? — говорю я. — Брал тетрадь без кляксы, а отдаёшь с кляксой!

— Я ведь не нарочно посадил кляксу.

— Какое мне дело, нарочно или не нарочно! За чём мне клякса?

— Как же я отдам тебе тетрадь без кляксы, когда уже есть клякса? В другой раз будет без кляксы.

— В какой, — говорю, — другой раз?

— Ну, в другой раз, когда буду списывать.

— Так ты что, — говорю, — каждый раз у меня собираешься списывать?

— За чём каждый раз? Иногда только.

На этом разговор кончился, потому что как раз в это время Ольга Николаевна вызвала Шёшкина к доске и велела решать задачу про маляров, которые красили в школе стены, и нужно было узнать, сколько школы израсходовала денег на окраску всех классов и коридоров.

«Ну, — думаю, — пропал бедный Шёшкин! На доске задачу решать — это тебе не с чужьёй тетрадки списывать!»

К моему удивлению, Шёшкин очень хорошо справился с задачей. Правда, решал он её долго, до

конца уро́ка, потому́ что зада́ча была́ длинная и трудо́вая.

Мы все, конечно́, догада́лись, что Ольга Никола́евна нарочно задала́ нам такую́ зада́чу, и чувствовали, что на этом де́ло не кончится. На последнем уро́ке к нам в класс пришёл дире́ктор шко́лы Игорь Алекса́ндрович. С ви́ду Игорь Алекса́ндрович совсе́м не сердитый. Лицо́ у него́ всегда́ споко́йное, го́лос ти́хий и да́же како́й-то до́брый, но я лично́ всегда́ поба́иваюсь Игоря Алекса́ндровича, потому́ что он о́чень большо́й. Ро́стом он с моего́ па́пу, то́лько ещё пове́ше, пиджа́к у него́ широ́кий, просторный, застёгивается на три пу́говицы, а на носу́ очки́.

Я ду́мал, что Игорь Алекса́ндрович раскричи́тся на нас, но он споко́йно сказа́л нам, ско́лько госуда́рство тра́тит де́нег на обуча́ние ка́ждого ученика́ и как ва́жно хорошо́ учи́ться и бере́чь шко́льное иму́щество и саму́ шко́лу. Он сказа́л, что тот, кто по́ртит шко́льное иму́щество и стёны, наносит уще́рб¹ наро́ду, потому́ что все сре́дства на шко́лы даёт наро́д. Под ко́нec Игорь Алекса́ндрович сказа́л:

— Тот, кто нарисова́л на стёнке, наве́рно, не хоте́л нанесе́ть уще́рб шко́ле. Если он чистосерде́чно призна́ется, то дока́жет, что он челове́к че́стный и сде́лал это́ не поду́мавши.

На меня́ о́чень поде́йствовало всё, что сказа́л Игорь Алекса́ндрович, и я ду́мал, что Игорь Граче́в тут же вста́нет и призна́ется, что это́ сде́лал он, но Игорю́, ви́дно, во́все не хоте́лось доказы́вать, что он че́стный челове́к, и он мо́лча сидёл за своёй па́ртой. Тогда́ Игорь Алекса́ндрович сказа́л, что тому́, кто разрисова́л стёну, наве́рно, сты́дно призна́ться сейча́с, но пусть он поду́мает над своим посту́пком, а пото́м набере́тся сме́лости и приде́т к нему́ в ка́бинет.

По́сле уро́ков председа́тель сове́та на́шего пионеротря́да То́ля Де́жкин подошёл к Граче́ву и сказа́л:

¹ Уще́рб — убы́ток, вред.

— Эх, ты! Кто тебя просил стѣну портить? Видишь, что вышло!

Игорь развёл руками:

— Да я что? Я разве хотѣл?

— Зачѣм же нарисовал?

— Сам не знаю. Взял и нарисовал не подумавши.

— «Не подумавши!»! Из-за тебя пятно на всѣм классе¹.

— Почему на всѣм классе?

— Потому что на каждаго могут подумать.

— А может, это кто-нибудь из другого класса к нам забежал и нарисовал.

— Смотри, чтоб этого больше не было, — сказал Гбля.

— Ладно, ребята, я больше не буду, я ведь так только — хотѣл попробовать, — оправдывался Игорь.

Он взял тряпку и принялся стирать морячка со стѣны, но от этого получилось только хуже. Морячок всё-таки был виден, а вокруг него образовалось большое грязное пятно. Тогда ребята отняли у Игоря тряпку и не позволили больше размазывать грязь по стѣне.

После школы мы снова пошли играть в футбол и играли опять до темноты, а когда пошли домой, Шйшкин затащил меня к себе. Оказалось, что он живёт на той же улице, что и я, в небольшом деревянном двухэтажном домике, совсем недалеко от нас. На нашей улице все дома большие, четырёхэтажные и пятиэтажные, как наш. Я давно уже думал: что это за люди, которые живут в таком маленьком деревянном доме? А вот теперь, оказывается, здесь жил как раз Шйшкин.

Мне не хотѣлось идти к нему, потому что уже было поздно, но он сказал:

— Понимаешь, меня дома станут ругать за то, что

¹ Пятно на всѣм классе — здесь: неприятность, позор всем ученикам этого класса.

и так долго играл, а если ты придёшь, меня не так будут ругать.

— Меня ведь тоже будут ругать, — говорю я.

— Ничего. Если хочешь, зайдём сначала ко мне, а потом вместе зайдём к тебе, вот и тебя не будут ругать и меня тоже.

— Ну хорошо, — согласился я.

Мы вошли в парадное, поднялись по скрипучей деревянной лестнице, и Шишкин постучал в дверь, обитую чёрной клеёнкой, из-под которой в некоторых местах виднелись клочки рыжего войлока.

— Что же это такое, Костя! Где ты пропадёшь так поздно? — спросила его мать, открывая нам дверь.

— Вот познакомься, мама, это мой школьный товарищ, Малеев. Мы с ним за одной партой сидим.

— Ну заходите, заходите, — сказала мать уже не таким строгим голосом.

Мы вошли в коридор.

— Батюшки! Где же вы извозились так? Вы только на себя посмотрите!

Я посмотрел на Шишкина. Лицо у него было всё красное. По щекам и по лбу шли какие-то грязные разводы. Кончик носа был чёрный. Наверно, и я был не лучше, потому что мне попало мячом по лицу. Шишкин толкнул меня локтем:

— Пойдём умоемся, а то тебе достанется, если ты в таком виде домой явишься.

Мы вошли в комнату, и он познакомил меня со своей тётей:

— Тётя Зина, вот это мой школьный товарищ, Малеев. Мы в одном классе учимся.

Тётя Зина была совсем молодая, и я сначала даже принял её за старшую сестру Шишкина, но она оказалась не сестра вовсе, а тётя. Она смотрела на меня с улыбкой. Наверно, я очень смешной был, потому что грязный. Шишкин толкнул меня в бок. Мы пошли к умывальнику и принялись умываться.

— Ты зверей любишь? — спрашивал меня Шишкин, пока я намыливал лицо мылом.

— Смотря каких, — говорю я. — Если таких, как тигры или крокодилы, то не люблю. Они кусаются.

— Да я не про таких зверей спрашиваю. Мышей любишь?

— Мышей, — говорю, — тоже не люблю. Они портят вещи: грызут всё что ни попадётся.

— И ничего они не грызут. Что ты выдумываешь?

— Как — не грызут? Один раз они у меня даже книжку на полке изгрызли.

— Так ты, наверно, не кормил их?

— Вот ещё! Стану я мышей кормить!

— А как же! Я каждый день их кормлю. Даже дом им выстроил.

— С ума, — говорю, — сошёл! Кто же мышам дома строит?

— Надо же им где-нибудь жить. Вот пойдём посмотрим мышиный дом.

Мы кончили умываться и пошли на кухню. Там под столом стоял домик, склеенный из пустых спичечных коробков, со множеством окон и дверей. Какие-то маленькие белые зверушки то и дело вылезали из окон и дверей, ловко карабкались по стенам и снова залезали обратно в домик. На крыше домика была труба, а из трубы выглядывала точно такая же белая зверушка.

Я удивился.

— Что это за зверушки? — спрашиваю.

— Ну, мыши.

— Так мыши ведь серые, а эти какие-то белые.

— Ну, это и есть белые мыши. Что ты, никогда белых мышей не видел?

Шишкин поймал одного мышонка и дал мне подержать.

Мышонок был белый-пребелый, как молоко, только хвост у него был длинный и розовый, как будто облезлый. Он спокойно сидел у меня на ладони и шевелил своим розовым носиком, как будто нюхал,

чем пахнет воздух, а глаза у него были красные, точно коралловые бусинки.

— У нас в доме белые мыши не водятся, у нас только серые, — сказал я.

— Да они ведь в домах не водятся, — засмеялся Шйшкин. — Их покупать надо. Я купил в зоомагазине четыре штуки, а теперь видишь, сколько их расплодилось. Хочешь, подарю тебе парочку?

— А чем их кормить?

— Да они всё едят. Крупой можно, хлебом, молоком.

— Ну ладно, — согласился я.

Шйшкин разыскал где-то картонную коробочку, посадил в неё двух мышёй и сунул коробку в карман.

— Я их сам понесу, а то ты, по неопытности, раздавишь, — сказал он.

Мы стали натягивать куртки, чтоб идти ко мне.

— Куда это ты снова собираешься? — спросила Костю мама.

— Я сейчас вернусь, только на минутку зайду к Вите, я обещал ему.

Мы вышли на улицу и через минуту уже были у меня. Мама увидела, что я не один пришёл, и не стала бранить меня за то, что я поздно вернулся.

— Это мой школьный товарищ, Костя, — сказал я ей.

— Ты новичок, Костя? — спросила мама.

— Да, я только в этом году поступил.

— А до этого где учился?

— В Нальчике. Мы жили там, а потом тётя Зина окончила десятилетку и захотела поступить в театральное училище, тогда мы переехали сюда, потому что в Нальчике театрального училища нет.

— А где тебе больше нравится, здесь или в Нальчике?

— В Нальчике лучше, а здесь тоже хорошо. И ещё мы жили в Краснозаводске, там тоже было хорошо.

— Значит, у тебя хороший характер, раз тебе везде хорошо.

— Нет, у меня плохой характер. Мама говорит, что я слабохарактерный и ничего не добьюсь в жизни.

— Почему же мама так говорит?

— Потому что я никогда вовремя уроков не делаю.

— Значит, ты такой, как наш Витя. Он тоже не любит делать вовремя уроки. Вам надо взяться вместе и переделать свой характер.

В это время пришла Лика, и я сказал:

— А это вот, познакомься, моя сестра Лика.

— Здравствуйте! — сказал Шишкин.

— Здравствуйте! — ответила Лика и стала разглядывать его, будто он был не простой мальчишка, а какая-нибудь картина на выставке.

— А у меня сестры нет, — сказал Шишкин. — И брата у меня нет. Никого у меня нет, я совсем одинокий.

— А вы хотели бы, чтоб у вас была сестра или брат? — спросила Лика.

— Хотел бы. Я делал бы для них игрушки, дарил бы им зверей, заботился бы о них. Мама говорит, что я беззаботный. А почему я беззаботный? Потому что мне не о ком заботиться.

— А вы о маме заботьтесь.

— Как же о ней заботиться? Она как уедет на работу, так её ждёшь, ждёшь — вечером придёт, а потом вдруг и вечером уедет.

— А кем ваша мама работает?

— Моя мама шофёр, на автомобиле ездит.

— Ну, вы о себе заботьтесь, вашей маме было бы легче.

— Это я знаю, — ответил Шишкин.

— А вы свою куртку нашли? — спросила Лика.

— Какую куртку? Ах, да! Нашёл, конечно, нашёл. Она так и лежала на футбольном поле, где я оставил.

— Вы так когда-нибудь простудитесь, — сказала Лика.

— Нет, что вы!

— Конечно, простудитесь. Забудете зимой где-нибудь шапку или пальто.

— Нет, пальто я не забуду... Вы мышёй любите?

— Мышей..., м-м-м, — замялась Лика.

— Хотите, подарю вам парочку?

— Нет, что вы!

— Они очень хорошие, — сказал Шышкин и вынул из кармана коробку с белыми мышами.

— Ой, какие хорошенькие! — завизжала Лика.

— Что ж ты ей моих мышёй даришь? — испугался я. — Сначала подарил мне, а теперь ей!

— Да я ей только показываю этих, а подарю других, у меня ведь ещё есть, — сказал Шышкин. — Или, если хочешь, подарю ей этих, а тебе других подарю.

— Нет, нет, — сказала Лика, — пусть эти Витины будут.

— Ну хорошо, я вам завтра других принесу, а этих вы только посмотрите.

Лика протянула руки к мышам:

— А они не кусаются?

— Что вы! Совсем ручные.

Когда Шышкин ушёл, мы с Ликой взяли коробку из-под печёнья, прорезали в ней окна и дверцы и посадили в неё мышёй. Мышки выглядывали из окон, и на них было очень интересно смотреть.

За уроки я опять принялся поздно. По своему обыкновению, я сделал сначала то, что было легче, а после всего принялся делать задачу по арифметике.

Задача опять оказалась трудная.

Поэтому я закрыл задачник, сложил все книжки

в сумку и решил на другой день списать задачу у кого-нибудь из товарищей. Если бы я стал решать задачу сам, то мама увидела бы, что я до сих пор не сделал уроки, и стала бы упрекать меня, что я откладываю уроки на ночь, папа взялся бы объяснить мне задачу, а зачем мне отрывать его от работы! Пусть лучше чертит чертежи для своего шлифовального прибора или обдумывает, как лучше сделать какую-нибудь модель.

Пока я делал уроки, Лика положила в мышинный домик ваты, чтобы мышки могли устроить себе гнездышко, насыпала им крупы, крошила хлеба и поставила маленькое блюдечко с молоком. Если заглянуть в окошечко, можно видеть, как мышки сидят в домике и жуют крупы. Иногда какая-нибудь мышка садилась на задние лапки, а передними начинала умываться. Она так быстро терла лапками свою рожицу, что нельзя было без смеха смотреть. Лика все время сидела перед домиком, заглядывала в окно и смеялась.

— Какой у тебя хороший товарищ, Витя! — сказала она, когда я подошел посмотреть.

— Это Костя-то? — говорю я.

— Ну да.

— Чем же он такой хороший?

— Вежливый. Так хорошо разговаривает. Даже со мной поговорил.

— Отчего же ему не поговорить с тобой?

— Ну, я ведь девчонка.

— Что ж, если девчонка, так и разговаривать с ней нельзя?

— А другие ребята не разговаривают. Гордятся, наверно. Ты с ним дружи.

Я хотел ей сказать, что Шишкин не такой уж хороший, что он уроки списывает и мне в тетради даже посадил кляксу, но я почему-то сказал:

— Будто я сам не знаю, что он хороший! У нас в классе все ребята хорошие.

Глава четвёртая

Прошло́ дня три, или четы́ре, или, мо́жет быть, пять, сейча́с уже́ не по́мню то́чно, и вот оди́н раз на уро́ке наш реда́ктор Серге́жа Букати́н сказа́л:

— Ольга Никола́евна, у нас в редколле́гии никто́ не уме́ет хорошо́ рисо́вать. В про́шлом году́ всегда́ рисо́вал Фёдя Ры́бкин, а тепе́рь совсе́м не́кому, и стенгазе́та получа́ется неинтересе́ная. На́до нам вы́брать худо́жника.

— Худо́жником на́до вы́бирать того́, кто уме́ет хорошо́ рисо́вать, — сказа́ла Ольга Никола́евна. — Дава́йте сде́лаем так: пусть ка́ждый принесе́т за́втра свой рисо́нки. Вот мы и вы́берем, кто лу́чше рисо́ет.

— А у ко́го нет рисо́нков? — спроси́ли ребя́та.

— Ну, нарисуйте се́годня, пригото́вьте хоть по рисо́нку. Это ведь нетру́дно.

— Конечно́, — согласи́лись мы все.

На друго́й день все принесли́ рисо́нки. Кто принёс ста́рые, кто нарисова́л но́вые; у не́которых бы́ли це́лые па́чки рисо́нков, а Грачёв принёс це́лый альбо́м. Я то́же принёс не́сколько карти́нок. И вот мы разложи́ли все свой рисо́нки на па́ртах, а Ольга Никола́евна подо́шла ко всем и рассма́тривала рисо́нки. Наконе́ц она́ подо́шла к Игорю́ Грачёву и ста́ла смотре́ть его́ альбо́м. У него́ там бы́ли нарисова́ны все́ моря́, парохо́ды, подво́дные ло́дки, корабли́.

— Игорьь Грачёв лу́чше всех рисо́ет, — сказа́ла она́. — Вот ты и бу́дешь худо́жником.

Игорь улыба́лся от ра́дсти. Ольга Никола́евна переверну́ла страни́чку и уви́дела, что там у него́ нарисова́н моря́к в тельня́шке, с тру́бкой во рту, то́ч-в-то́чь тако́й же, как на стене́ был. Ольга Никола́евна нахму́рилась и при́стально погляде́ла на Игоря́. Игорьь заволнова́лся, покрасне́л и тут же сказа́л:

— Это я нарисова́л моря́чка на стёнке.

— Ну вот, а когда́ спра́шивали, так ты не признава́лся! Нехорошо́, Игорьь, нече́стно! За́чем ты это сде́лал?

— Сам не зна́ю, Ольга Никола́евна! Ка́к-то так, неча́янно. Я не подúмал.

— Ну хорошó, что хоть тепе́рь призна́лся. По́сле уро́ков пойдí к дире́ктору и попросí прощё́ния.

По́сле уро́ков Игорь поше́л к дире́ктору и стал проси́ть у него́ прощё́ния. Игорь Алекса́ндрович сказа́л:

— Госуда́рство уже́ израсхо́довало на ремо́нт шко́лы мно́го де́нег. Второ́й раз ремо́нтировать не́кому. Идí домо́й, пообе́даешь и придёшь.

По́сле обе́да Игорь прише́л в шко́лу, ему́ да́ли ведро́ с кра́ской и кисти́чку, и он побели́л стéну так, что моря́чка не ста́ло ви́дно.

Мы думали, что Ольга Никола́евна тепе́рь уже́ не разреши́т ему́ быть худо́жником, но Ольга Никола́евна сказа́ла:

— Лу́чше быть худо́жником в стенгазéте, чем порти́ть стéны.

Тогда́ мы вы́брали его́ в редколлэ́гию худо́жником, и все бы́ли ра́ды, и я был рад, то́лько мнэ́-то, е́сли сказа́ть по пра́вде, ра́доваться не сле́довало, и я расскажу́ почему́.

По ши́шкинскому приме́ру, я совсе́м переста́л до́ма де́лать зада́чи и все́ стара́лся списа́ть их у ребя́т. Вот то́чно, как в посло́вице говори́тся: «С кем поведе́шься, от того́ и набере́шься».

«Заче́м мне лома́ть го́лову¹ над э́тими зада́чами? — думал я. — Все́ равно́ я их не понима́ю. Лу́чше я спишу́, и де́ло с концóм. И быстре́й, и до́ма никто́ не се́рдится, что я не справляю́сь с зада́чами».

Мне всегда́ удава́лось списа́ть зада́чу у когó-нибудь из ребя́т, но наш председа́тель сове́та отря́да, То́ля Дёжкин, упрека́л меня́.

— Ты ведь никогда́ не на́учишься де́лать зада́чи, е́сли все́ вре́мя бу́дешь списыва́ть у други́х! — говори́л он.

— А мне и не ну́жно, — отвеча́л я. — Я к ариф-

¹ Ломать го́лову — уси́ленно думать.

мѣтике неспособный. Авось как-нибудь и без арифметики проживу.

Конечно, списать домашнее задание было легко, а вот когда вызовут в классе, то тут только одна надежда на подсказку. Ещё спасибо, что хоть ребята подсказывали. Только Глеб Скамейкин, с тех пор как сказал, что будет бороться с подсказкой, всё думал и думал и наконец придумал такую вещь: подговорил ребят, которые выпускали стенгазету, нарисовать на меня карикатуру¹. И вот в один прекрасный день в стенгазете на меня появилась карикатура с длинными ушами, то есть был нарисован я возле доски, вроде я решаю задачу, а уши у меня длинные-предлинные. Это, значит, для того, чтобы лучше слышать, что мне подсказывают. И ещё какие-то стишки противные под этой карикатурой были подписаны:

Витя наш подсказку любит,
Витя в дружбе с ней живёт,
Но подсказка Витю губит
И до двойки доведёт.

Или что-то вроде этого, не помню точно.

Я, конечно, страшно рассердился и сразу догадался, что это Игорь Грачёв нарисовал, потому что пока его в стенгазете не было, то и никаких карикатур не было.

Я подошёл к нему и говорю:

— Сними сейчас же эту карикатуру, а то худо будет!

Он говорит:

— Я не имею права снимать. Я ведь только художник. Мне сказали, я и нарисовал, а снимать не моё дело.

— Чьё же это дело?

— Это дело редактора. Он у нас всем распоряжается.

¹ Карикатуру (карикатура) — рисунок, на котором кто-нибудь или что-нибудь изображено в смешном виде.

Тогда я говорю Серёже Букатину:

— А, значит, это твоя работа? На себя небось не поместил карикатуры, а на меня поместил!

— Что же ты думаешь, я сам помещаю, на кого хочу? У нас редколлегия. Мы всё вместе решаем. Глеб Скамейкин написал на тебя стихи и сказал, чтоб карикатуру нарисовали, потому что надо с подкачкой бороться. Мы на совете отряда решили, чтобы подкачки не было.

Тогда я бросился к Глебу Скамейкину.

— Снимай, — говорю, — сейчас же, а то из тебя получится бараний рог!

— Как это — бараний рог? — не понял он.

— В бараний рог тебя согну и в порошок изотру!¹

— Подумаешь! — говорит Глэбка. — Не очень-то тебя испугались!

— Ну, тогда я сам из газеты карикатуру вырву, если не испугались.

— Вырывать не имеешь права, — говорит Толя Дёжкин. — Ведь это правда. Если б на тебя написали неправду, то и тогда не имеешь права вырывать, а должен написать опровержение.

— А, — говорю, — опровержение? Сейчас вам будет опровержение!

Все ребята подходили к стенгазете, любовались на карикатуру и смеялись. Но я решил не оставлять этого дела так и сел писать опровержение. Только у меня ничего не вышло, потому что я не знал, как его написать. Тогда я пошёл к нашему пионервожатому Володе, рассказал ему обо всём и стал спрашивать, как написать опровержение.

— Хорошо, я тебя научу, — сказал Володя. — Напиши, что ты исправишься и станешь учиться лучше, так что не нужна будет подкачка. Твою заметку поместят в стенгазете, а я скажу, чтобы карикатуру сняли.

¹ В бараний рог тебя согну и в порошок изотру — очень плохо тебе будет, получишь строгое наказание.

Я так и сделал. Написал в газету заметку, в которой давал обещание начать учиться лучше и больше не надеяться на подсказку.

На другой день карикатуру сняли, а мою заметку напечатали на самом видном месте. Я был очень рад и даже на самом деле собирался начать учиться лучше, но всё почему-то откладывал, а через несколько дней у нас была письменная работа по арифметике, и я получил двóйку. Конечно, не я один получил двóйку. У Сáши Медвѣдкина тоже была двóйка, так что мы вдвоём отличились. Ольга Николаевна записала нам эти двóйки в дневники и сказала, чтоб в дневниках была подпись родителей.

Печальный возвращался я в этот день домой и всё думал, как избáвиться от двóйки или как сказать маме, чтоб она не очень сердилась.

— Ты сделай так, как делал наш Митя Круглов, — сказал мне по дороге Шишкин.

— Кто это Митя Круглов?

— А это был у нас ученик, когда я учился в Нальчике.

— Как же он делал?

— А он так: придёт домой, получив двойку, и ничего не говорит. Сидит с унылым видом и молчит. Час молчит, два молчит и никуда гулять не идёт. Мать спрашивает:

«Что это с тобой сегодня?»

«Ничего».

«Чего же ты такой скучный сидишь?»

«Так просто».

«Небось натворил в школе чего-нибудь?»

«Ничего я не натворил».

«Подрался с кем-нибудь?»

«Нет».

«Стекло в школе расшиб?»

«Нет».

«Странно!» — говорит мать.

За обедом сидит и ничего не ест.

«Почему ты ничего не ешь?»

«Не хочется».

«Аппетита нет?»

«Нет».

«Ну пойдй погуляй, аппетит и появится».

«Не хочется».

«Чего же тебе хочется?»

«Ничего».

«Может быть, ты больной?»

«Нет».

Мать потрогает ему лоб, поставит градусник. Потом говорит:

«Температура нормальная. Что же с тобой, наконец? С ума ты меня сведёшь!»

«Я двойку по арифметике получил».

«Тыфу! — говорит мать. — Так ты из-за двойки всю эту комедию выдумал?»

«Ну да».

«Ты бы лучше сел да учился, вместо того чтоб комедию играть¹. Вот двойки и не было бы».

¹ Комедию играть — здесь: хитрить, притворяться.

И больше ничего ему не скажет. А Круглову только это и надо.

— Ну хорошо, — говорю я. — Один раз он так делает, а в следующий раз мать ведь сразу догадается, что он получил двойку.

— А в следующий раз он что-нибудь другое придумает. Например, приходит и говорит матери:

«Знаешь, у нас Петров сегодня получил двойку».

Вот мать и начнёт этого Петрова пробирать:

«И такой он и сякой. Родители его стараются, чтоб из него человек вышел, а он не учится, двойки получает...»

И так далее. Как только мать умолкнет, он говорит:

«И Иванов у нас сегодня получил двойку».

Вот мать и начнёт отделывать¹ Иванова:

«Такой-сякой, не хочет учиться, государство на него даром деньги тратит!..»

А Круглов подождёт, пока мать всё выскажет, и снова говорит:

«Гаврилову сегодня тоже двойку поставили».

Вот мать и начнёт отчитывать² Гаврилова, только бранит его уже меньше. Круглов, как только увидит, что мать уже устала браниться, возьмёт и скажет:

«У нас сегодня просто день такой несчастливый. Мне тоже двойку поставили».

Ну, мать ему только и скажет:

«Болван!»

И на этом конёц.

— Видать, этот Круглов у вас был очень умный, — сказал я.

— Да, — говорит Шишкин, — очень умный. Он часто получал двойки и каждый раз выдумывал разные истории, чтоб мать не бранила слишком строго.

¹ Отделывать (отделать) — здесь: сильно бранить.

² Отчитывать (отчитать) — делать строгие замечания, ругать.

Я вернулсѧ домой и решил сделать так, как этот Митѧ Круглов: сел сразу на стул, свесил голову и скорчил унылую-преунылую физиономию. Мама это сразу заметила и спрашивает:

— Что с тобой? Двойку небось получил?

— Получил, — говорю.

Вот тут-то она и начала меня пробирать.

Но об этом рассказывать неинтересно.

На следующий день Шишкин тоже получил двойку, по русскому языку, и была ему за это дома головомойка¹, а еще через день на нас обоих опять появилась в газете карикатура. Вроде как будто мы с Шишкиным идѧ по улице, а за нами следом бегут двойки на ножках.

Я сразу разозлился и говорю Серѧже Букатину:

— Что это за безобразиѧ! Когда это наконец прекратится?

— Чего ты кипятышься?² — спрашивает Серѧжа. — Это ведь правда, что вы получили двойки.

— Будто мы одни получили! Саша Медведкин тоже получил двойку. А где он у вас?

— Этого я не знаю. Мы сказали Игорю, чтоб он всех троих нарисовал, а он нарисовал почему-то двоих.

— Я и хотел нарисовать троих, — сказал Игорь, — да все трѧе у меня не поместились. Вот я и нарисовал только двоих. В следующий раз третьего нарисую.

— Все равно, — говорю я. — Я этого дела так не оставлю. Я напишу опровержение!

Говорю Шишкину:

— Давай опровержение писать.

— А как это?

— Очень просто: нужно написать в стенгазету обещание, что мы будем учиться лучше. Меня так в прошлый раз научил Володя.

¹ Головомойка — здесь: брань, наказанье.

² К и п я т и ш ь с я (кипятыться) — здесь: сердиться, злыться.

— Ну ладно, — согласился Шйшкин. — Ты пиши, а я потом у тебя спишу.

Я сел и написал обещание учиться лучше и никогда больше не получать двоек. Шйшкин списал у меня это обещание и ещё от себя прибавил, что будет учиться не ниже чем на четверку.

— Это, — говорит, — чтоб внушительней было.

Мы отдали обе заметки Серёже Букатину, и я сказал:

— Вот, можешь снимать карикатуру, а заметки наши наклей на самом видном месте.

Он сказал:

— Хорошó.

На другой день, когда мы пришли в школу, то увидели, что карикатура висит на месте, а наших обещаний нет. Я тут же бросился к Серёже. Он говорит:

— Мы твоё обещание обсудили на редколлегии и решили пока не помещать в газете, потому что ты уже раз писал и давал обещание учиться лучше, а сам не учишься, даже получил двойку.

— Всё равно, — говорю я. — Не хотите помещать заметку — не надо, а карикатуру вы обязаны снять.

— Ничего, — говорит, — мы не обязаны. Если ты воображаешь, что можно каждый раз давать обещания и не выполнять их, то ты ошибаешься.

Тут Шйшкин не вытерпел:

— Я ведь ещё ни разу не давал обещания. Почему вы мою заметку не поместили?

— Твою заметку мы поместим в следующем номере.

— А пока выйдет следующий номер, я так и буду висеть?

— Будешь висеть.

— Ладно, — говорит Шйшкин.

Но я решил не успокаиваться на достигнутом. На следующей перемене я пошёл к Володе и рассказал ему обо всём.

Он сказал:

— Я поговорю с ребятами, чтоб они поскорее

выпустили новую стенгазету и поместили обе ваши статьи. Скоро у нас будет собрание об успеваемости, и ваши статьи как раз ко времени выйдут.

— Будто нельзя сейчас карикатуру вырвать, а на её место наклеить заметки? — спрашиваю я.

— Это не полагается, — ответил Володя.

— Почему же в прошлый раз так сделали?

— Ну, в прошлый раз думали, что ты исправишься, и сделали в виде исключения. Но нельзя же каждый раз портить стенную газету. Ведь все газеты у нас сохраняются. По ним потом можно будет узнать, как работал класс, как учились ученики. Может быть, кто-нибудь из учеников, когда вырастет, станет известным мастером, знаменитым художником, лётчиком или учёным. Можно будет посмотреть стенгазеты и узнать, как он учился.

«Вот так штука! — подумал я. — А вдруг, когда я вырасту и сделаюсь знаменитым путешественником или лётчиком (я уже давно решил стать знаменитым лётчиком или путешественником), вдруг тогда кто-нибудь увидит эту старую газету и скажет: «Братцы, да ведь он в школе получал двойки!»

От этой мысли настроение у меня испортилось на целый час, и я не стал больше спорить с Володиёй. Только потом я понемногу успокоился и решил, что, может быть, пока вырасту, газета куда-нибудь затеряется на моё счастье, и это спасёт меня от позора.

Глава пятая

Карикатура наша провисела в газете целую неделю, и только за день до общего собрания вышла новая стенгазета, в которой уже карикатуры не было и появились обе наши заметки: моя и шйшкинская. Были там, конечно, и другие заметки, только я сейчас уже не помню про что.

Володя сказал, чтоб мы все подготовились к общему собранию и обсудили вопрос об успеваемости

каждого ученика. На большой перемене наш звеньевой Юра Касаткин собрал нас, и мы стали говорить о нашей успеваемости. Говорить тут долго было не о чем. Все сказали, чтоб мы с Шишкиным свои двойки исправили в самое короткое время.

Ну, мы, конечно, согласились. Что ж, разве нам самим интересно с двойками ходить?

На другой день у нас было общее собрание класса.

Ольга Николаевна сделала сообщение об успеваемости. Она рассказала, кто как учится в классе, кому на что надо обратить внимание. Тут не только двобчникам досталось, но даже и тробчникам, потому что тот, кто учится на тройку, легко может получить и двойку.

Потом Ольга Николаевна сказала, что дисциплина у нас ещё плохая — в классе бывает шумно, ребята подсказывают друг другу.

Мы стали высказываться. То есть это только я так говорю — «мы», на самом деле я не высказывался, потому что мне с двойкой нечего было лезть вперед, а надо было сидеть в тени.

Первым выступил Глеб Скамейкин. Он сказал, что во всем виновата подсказка. Это у него вроде болезнь такая — «подсказка». Он сказал, что если бы никто не подсказывал, то и дисциплина была бы лучше и никто не надеялся бы на подсказку, а сам бы взялся за ум и учился бы лучше.

— Теперь я нарочно буду подсказывать неправильно, чтоб никто не надеялся на подсказку, — сказал Глеб Скамейкин.

— Это не по-товарищески, — сказал Вася Ерохин.

— А вообще подсказывать по-товарищески?

— Также не по-товарищески. Товарищу надо помочь, если он не понимает, а от подсказки вред.

— Так уж сколько говорилось об этом! Все равно подсказывают!

— Ну, надо выводить на чистую воду тех, кто подсказывает.

— Как же их выводíть?

— На́до про них в стенгазету писа́ть.

— Пра́вильно! — сказа́л Глеб. — Мы начнём кампа́нию в стенгазете протíв подсказки.

Наш звеньевóй Юра Каса́ткин сказа́л, что всё на́ше звено́ реши́ло учё́ться совсе́м без двоек, а ребята́ из пе́рвого и второ́го звена́ сказа́ли, что обеща́ют учё́ться то́лько на пятёрки и четвёрки.

Ольга Никола́евна ста́ла объяснить нам, что, для того́ что́бы успе́шно учё́ться, на́до пра́вильно распреде́лять свой день. На́до порáньше ложíться спать и порáньше встава́ть. Утром де́лать заря́дку, поча́ще быва́ть на све́жем во́здухе. Уро́ки ну́жно де́лать не сейча́с же по́сле шко́лы, а снача́ла часа́ полтора́-два отдохну́ть. (Вот как раз то, что я говори́л Ли́ке.) Уро́ки обяза́тельно де́лать днём. По́здно ве́чером занима́ться вре́дно, так как мозг к э́тому вре́мени уже́ устаёт, и за́нятия не бу́дут успе́шными. Снача́ла на́до де́лать уро́ки, кото́рые потрудне́й, а пото́м те, что по́лэгче.

Сла́ва Ведёрников сказа́л:

— Ольга Никола́евна, я вот понима́ю, что по́сле шко́лы ну́жно отдохну́ть часа́ два, а вот как отды́хать? Я не уме́ю так прот́о сидеть и отды́хать. От тако́го отды́ха на меня́ напада́ет тоска́.

— Отды́хать — э́то во́все не значíт, что на́до сидеть сложа́ ру́ки. Мо́жно пойти́ погуля́ть, поигра́ть, чём-нибудь за́няться.

— А в футбо́л мо́жно игра́ть? — спроси́л я.

— Очень хоро́ший отды́х — игра́ в футбо́л, — сказа́ла Ольга Никола́евна, — то́лько не на́до, конечно́, игра́ть весь день. Если поигра́ешь часо́к, то о́чень хорошо́ отдохнёшь и учё́ться бу́дешь лу́чше.

— А вот ско́ро начнё́тся дождли́вая пого́да, — сказа́л Ши́шкин, — футбо́льное по́ле от дождя́ раскíснет¹. Где мы тогда́ бу́дем игра́ть?

¹ По́ле раскíснет — по́ле размóкнет, сде́лается грязным.

— Ничего, ребята, — ответил Володя. — Скоро мы оборудуем спортивный зал в школе, можно будет даже зимой играть в баскетбол.

— Баскетбол! — воскликнул Шийшкин. — Вот здорово! Чур, я буду капитаном команды! Я уже был раз капитаном баскетбольной команды, честное слово!

— Ты вот сначала подтянись¹ по русскому языку, — сказал Володя.

— А я что? Я ничего... Я подтянусь, — сказал Шийшкин.

На этом общем собрании закончилось.

— Эх, и оплошали² же вы, ребята! — сказал Володя, когда все разошлись и осталось только наше звено.

— А что? — спрашиваем мы.

— Как «что»? Взялись учиться без двоек, а все остальные звенья обещают учиться только на четвёрки и пятёрки.

— А чем мы хуже других? — говорит Лёня Астафьев. — Мы тоже можем на пятёрки и четвёрки.

— Подумаешь! — говорит Ваня Пахомов. — Ничем они не лучше нас.

— Ребята, давайте и мы возьмёмся, — говорит Вася Ерохин. — Вот даю честное слово, что буду учиться не ниже чем на четвёрку. Мы не хуже других.

Тут и я говорю:

— Верно! Я тоже берусь. До сих пор я не брался как следует, а теперь возьмусь, вот увидите. Мне, знаете, стоит только начать.

— Стоит только начать, а потом будешь плакать да кончать, — сказал Шийшкин.

— А ты что, не хочешь? — спросил Володя.

— Я не берусь на четвёрки, — сказал Шийшкин. — То есть я берусь по всем предметам, а по русскому берусь только на тройку.

¹ Подтянись (подтянуться) — здесь: побольше занимайся.

² Оплошали (оплошать) — сделали ошибку.

— Ты что ещё выдумал! — говорит Юра. — Весь класс берётся, а он не берётся! Подумаешь, какой умник нашёлся!

— Как же я могу браться? У меня по русскому никогда лучшей отметки, чем тройка, не было. Тройка — и то хорошо.

— Послушай, Шишкин, почему ты отказываешься? — сказал Володя. — Ты ведь уже дал обещание учиться по всем предметам не ниже чем на четверку.

— Когда я дал обещание?

— А вот, это твоя записка в стенгазете? — спросил Володя и показал газету, где были напечатаны наши обещания.

— Верно! — говорит Шишкин. — А я и забыл уже.

— Ну, так как же теперь, берёшься?

— Что ж делать, ладно, теперь берусь, — согласился Шишкин.

— Ура! — закричали ребята. — Молодец, Шишкин! Не подвёл нас! Теперь все вместе будем бороться за честь своего класса.

Шишкин всё-таки был недоволен и по дороге домой даже не хотел разговаривать со мной: дулся на меня за то, что я подговорил его написать в газету записку.

Глава шестая

Не знаю; как Шишкин, а я решил сразу взяться за дело. Самое главное, подумал я, это режим. Спать буду ложиться пораньше, часов в десять, как Ольга Николаевна говорила. Вставать тоже буду пораньше и повторять перед школой уроки. После школы буду играть часа полтора в футбол, а потом на свежую голову буду делать уроки. После уроков буду заниматься чем захочется: или с ребятами играть, или книжки читать, до тех пор пока не придёт время ложиться спать.

Так, значит, я подумал и пошёл играть в футбол,

перед тем как дѣлать уроки. Я твёрдо решил играть не больше чем полтора часа, от силы — два, но как только я попал на футбольное поле, у меня всё из головы вылетело, и я очнулся, когда уже совсем наступил вечер. Уроки я опять стал дѣлать поздно, когда голова уже плохо соображала, и дал сам себе обещание, что на слѣдующий день не буду так долго играть. Но на слѣдующий день повторилась та же история. Пока мы играли, я всё время думал: «Вот забьём ещё один гол, и я пойду домой», но почему-то так получалось, что, когда мы забивали гол, я решал, что пойду домой, когда мы ещё один гол забьём. Так и тянулось до самого вечера. Тогда я сказал сам себе: «Стоп! У меня что-то не то получается!» И стал думать, почему же у меня так получается. Вот я думал, думал, и наконец мне стало ясно, что у меня совсем нет воли. То есть у меня воля есть, только она не сильная, а совсем-совсем слабая воля. Если мне надо что-нибудь дѣлать, то я никак не могу заставить себя это дѣлать, а если мне не надо чего-нибудь дѣлать, то я никак не могу заставить себя этого не дѣлать. Вот, например, если я начну читать какую-нибудь интересную книжку, то читаю и читаю и никак не могу оторваться. Мне, например, надо дѣлать уроки или пора уже ложиться спать, а я всё читаю. Мама говорит, чтоб я шёл спать, папа говорит, что пора уже спать, а я не слушаюсь, пока нарочно не потушат свет, чтоб мне нельзя уже было больше читать. И вот то же самое с этим футболом. Не хватает у меня силы воли кончить вовремя игру, да и только!

Когда я всё это обдумал, то даже сам удивился. Я воображал, будто я человек с очень сильной волей и твёрдым характером, а оказалось, что я человек безвольный, слабохарактерный, вроде Шишкина. Я решил, что мне надо развивать сильную волю. Что нужно дѣлать для этого? Для этого я буду дѣлать не то, что хочется, а то, чего вовсе не хочется. Не хочется утром дѣлать зарядку — а я буду дѣлать. Хочется идти играть в футбол — а я не пойду. Хочется

почитáть интересную кни́жку — а я не стáну. Начáть решил срáзу, с э́того же дня. В э́тот день вéчером мáма испеклá к ча́ю моё сáмое любíмое пирóжное. Мне достáлся сáмый вку́сный кусо́к — из середíнки. Но я решил, что раз мне хóчется съесть э́то пирóжное, то я не б́уду его́ есть. Чай я попи́л пр́осто с хлéбом, а пирóжное так и остáлось.

— Почему́ же ты не стал есть пирóжное? — спроси́ла мáма.

— Пирóжное б́удет лежа́ть здесь до послезáвтрашнего вéчера — рóвно два дня, — сказа́л я. — Послезáвтра вéчером я его́ съем.

— Что э́то ты, обеща́ние дал? — говори́т мáма.

— Да, — говори́ю. — Если не съем ра́ньше назна́ченного срóка э́то пирóжное, зна́чит, у меня́ си́льная во́ля.

— А если съешь? — спра́шивает Ли́ка.

— Ну, е́сли съем, тогда́, зна́чит, сла́бая. Б́удто са́ма не понима́ешь!

— Мне ка́жется, ты не вы́держишь, — сказа́ла Ли́ка.

— А вот посмо́трим.

Нау́тро я встал — мне о́чень не хоте́лось де́лать заря́дку, но я все́-таки сде́лал, пото́м поше́л под кран облива́ться холо́дной водо́й, потому́ что облива́ться мне то́же не хоте́лось. Потóм позáвтракал и поше́л в шко́лу, а пирóжное так и остáлось лежа́ть на тарéлочке. Когда́ я прише́л, оно́ так и лежа́ло, то́лько мáма накры́ла его́ стекля́нной кры́шкой от са́харницы, чтоб оно́ не засо́хло до за́втрашнего дня. Я откры́л его́ и посмотре́л, но оно́ ничу́ть да́же ещё́ не нача́ло со́хнуть. Мне о́чень захоте́лось тут же его́ прико́нчить, но я поборо́л в себе́ э́то жела́ние.

В э́тот день я решил в футбо́л не игра́ть, а пр́осто отдохну́ть ча́сика полтора́ и тогда́ уже́ взя́ться за уро́ки. И вот по́сле обе́да я стал отды́хать. Но как отды́хать? Пр́осто так отды́хать ведь не стáнешь. Отдых — э́то игра́ и́ли како́е-нибудь интересное за́нятие. «Чем же за́няться? — ду́маю. — Во что поигра́ть?»

Потом думаю: «Пойду-ка поиграю с ребятами в футбол».

Не успел я это подумать, как ноги сами вынесли меня на улицу, а пирожное так и осталось лежать на тарелке.

Иду я по улице и вдруг думаю: «Стоп! Что же это я делаю? Раз мне хочется играть в футбол, то не нужно. Разве так воспитывают сильную волю?» Я тут же хотел повернуть назад, но подумал: «Пойду и посмотрю, как ребята играют, а сам играть не буду». Пришел, смотрю, а там уже игра в самом разгаре. Шишкин увидел меня, кричит:

— Где же ты ходишь? Нам уже десять голов насажали! Скорей выручай!

И тут уж я сам не заметил, как ввязался в игру.

Домой снова вернулся поздно и думаю:

«Эх, безвольный я человек! С утра так хорошо начал, а потом из-за этого футбола всё испортил!»

Смотрю — пирожное лежит на тарелке. Я взял его и съел.

«Всё равно, — думаю, — у меня никакой силы воли нет».

Лица пришла, смотрит — тарелка пустая.

— Не выдержал? — спрашивает.

— Чего «не выдержал»?

— Съел пирожное?

— А тебе что? Съел, ну и съел. Не твоё ведь я пирожное съел.

— Чего же ты сёрдишься? Я ничего не говорю. Ты и то слишком долго терпел. У тебя большая сила воли. А вот у меня никакой силы воли нет.

— Почему же это у тебя нет?

— Самá не знаю. Если б ты не съел до завтрашнего дня этого пирожного, то я самá бы, наверно, его съела.

— Значит, ты считаешь, что у меня есть сила воли?

— Конечно, есть.

Я немножко утёшился и решил с завтрашнего дня снова приняться за воспитание воли, несмотря на сегодняшнюю неудачу. Не знаю, какой бы получился из этого результат, если бы погода была хорошая, но как раз в этот день с утра зарядил дождь, футбольное поле, как и ожидал Шышкин, раскисло, и играть было нельзя. Раз играть было нельзя, то меня и не тянуло¹. Удивительно, как человек устроен! Вот бывает: сидишь дома, а ребята в это время в футбол играют; ты, значит, сидишь и думаешь: «Бедный я, бедный, несчастный-разнесчастный! Все ребята играют, а я дома сижу!» А вот если сидишь дома и знаешь, что все остальные ребята тоже сидят по домам и никто не играет, то ничего такого не думаешь.

Так и на этот раз. За окном моросил мелкий осенний дождь, а я сидел себе дома и спокойно занимался. И очень успешно у меня занятия шли, пока я не дошёл до арифметики. Но тут я решил, что не стоит мне самому особенно ломать голову, а лучше просто пойти к кому-нибудь из ребят, чтоб мне помогли арифметику сделать.

Я быстро собрался и пошёл к Алику Сорочкину. Он в нашем звене лучше всех по арифметике учится. У него всегда по арифметике пять.

¹ Не тянуло — здесь: не хотелось.

Прихожу я к нему, а он сидит за столом и сам с собою играет в шахматы.

— Вот хорошо, что ты пришёл! — говорит. — Сейчас мы с тобой сыграем в шахматы.

— Да я не за тем пришёл, — говорю я. — Вот помоги мне лучше арифметику сделать.

— Ага, хорошо, сейчас. Только знаешь что? Арифметику мы успеем сделать. Я тебе всё объясню в два счёта. Давай сначала сыграем в шахматы. Тебе всё равно надо научиться играть в шахматы, потому что шахматы развивают способности к математике.

— А ты не врешь? — говорю.

— Нет, честное слово! Ты думаешь, почему я хорошо по арифметике учусь? Потому что играю в шахматы.

— Ну, если так, тогда ладно, — согласился я.

Расставили мы фигуры и стали играть. Только я тут же увидел, что играть с ним совсем невозможно. Он не мог спокойно относиться к игре, и, если я делал неверный ход, он почему-то сердился и всё время кричал на меня:

— Ну кто так играет? Куда ты полёз? Разве так ходят? Тьфу! Что это за ход?

— Почему же это не ход? — спрашиваю я.

— Да потому, что я съем твою пешку.

— Ну и ешь, — говорю, — на здоровье, только не кричи, пожалуйста!

— Как же на тебя не кричать, когда ты так глупо ходишь!

— Тебе же, — говорю, — лучше: скорее выиграешь.

— Мне, — говорит, — интересно у умного человека выиграть, а не у такого игрока, как ты.

— Значит, по-твоему, я не умный?

— Да, не очень.

Так он оскорблял меня на каждом шагу, пока не выиграл партию, и говорит:

— Давай ещё.

А я и сам ужé раззадóрился и óчень хотёл обыграть его, чтоб он не задава́лся.

— Давáй, — говорю, — то́лько так, чтоб без кри́ка, а е́сли бу́дешь крича́ть на меня, бро́шу всё и уйду́.

Ста́ли мы сно́ва игра́ть. На э́тот раз он не крича́л, но и мо́лча игра́ть не уме́л, ви́дно, и по́этому всё вре́мя болта́л, как попуга́й, и стро́бил насме́шки:

— Ага́! Так вот как вы пошл́и! Ага́! Угу́! Вот ка́кие вы тепе́рь у́мные ста́ли! Скажи́те пожа́луйста!

Прóсто прот́ивно было сл́шать.

Я проигра́л и э́ту па́ртию и ещё не по́мню ско́лько.

Потóм мы ста́ли занима́ться по арифме́тике, но и тут прояви́лся его́ скве́рный ха́рактер. Ничего́-то он споко́йно не мог объясни́ть:

— Да ведь э́то прóсто, ну как ты не понима́ешь! Да э́то ведь ма́лые ребята́ понима́ют! Что ж тут непоня́тного? Эх ты! Вычита́емого от уменьша́емого не мо́жет отличи́ть! Мы э́то ещё в тре́тьем кла́ссе прохóдили. Ты что, с луны́, что ли, свали́лся?

Я говорю́:

— Если тебе́ трóдно объясни́ть прóсто, то я к кому́-нибудь друго́му могу́ пойти́.

— Да я ведь объясню́ прóсто, а ты не понима́ешь!

— Где же, — говорю́, — прóсто? Объясняй, что на́до. Како́е тебе́ де́ло, с луны́ я свали́лся и́ли не с луны́!

— Ну ла́дно, ты не сердись, я бу́ду прóсто.

Но прóсто у него́ никак не выходило. Пробился́ я с ним до в́ечера и всё-таки ма́ло что по́нял. Но обиднее всего́ было́ то, что я ни ра́зу не обыгра́л его́ в ша́хматы. Если б он не так задава́лся, то мне и обидно бы не́ было. Тепе́рь мне обяза́тельно хотело́сь обыграть его́, и с тех пор я ка́ждый день ходи́л к нему́ занима́ться по арифме́тике, и мы по це́лым часам сража́лись в ша́хматы.

Постепенно́ я подучи́лся игра́ть, и мне иногда́ удава́лось выиграть у него́ па́ртию. Э́то, пра́вда, случáлось ре́дко, но доставля́ло мне большóе удовóльствие.

Во-первых, когда он начинал проигрывать, то переставал болтать, как попугай; во-вторых, страшно нервничал: то вскочит, то сядет, то за голову схватится. Просто смешно было смотреть. Я, например, не стану так нервничать, если буду проигрывать, но и не стану радоваться, если проигрывает товарищ. А вот Алик наоборот: он не может сдерживать свою радость, когда выигрывает, а когда проигрывает, то готóв на себе волосы рвать от досады.

Для того чтобы научиться играть как следует, я играл в шахматы дома с Ликой, а когда дома был папа, то даже и с папой. Однажды папа сказал, что у него когда-то была книжка, учебник шахматной игры, и если я хочу научиться играть хорошо, то мне следует прочитать эту книжку. Я сейчас же принялся искать этот учебник и нашёл его в корзинке, где лежали разные старые книжки. Сначала я думал, что ничего не пойму в этой книге, но когда начал читать, то увидел, что она написана очень просто и понятно. В книге говорилось, что в шахматной игре, как на войне, нужно стараться поскорей действовать первому, поскорей выдвинуть свои фигуры вперёд, ворваться в расположение противника и напасть на его короля. В книжке рассказывалось, как нужно начинать шахматные партии, как подготавливать нападение, как защищаться, и другие разные полезные вещи.

Я читал эту книжку два дня, а когда пришёл на третий день к Алику, то стал выигрывать у него партию за партией. Алик просто не понимал, в чём дело. Теперь положение переменилось. Через несколько дней я играл уже так, что ему даже случайно не удавалось меня обыграть.

Из-за этих шахмат на арифметику у нас оставалось мало времени, и Алик объяснял мне всё наспех, как говорится — на скóрую рúчку, комком да в кúчку¹. В шахматы играть я научился, а вот не заметил,

¹ На скóрую рúчку, комком да в кúчку — что-нибудь сделать кое-как, наспех, плохо.

чтоб это улóчило мои способности к арифмётике. С арифмётикой у меня по-прéжнему обстояло плóхо, и я решил брóсить шáхматную игрú. К тому же шáхматы мне ужé надоели. С Аликом неинтерéсно было игрáть, потому что он всё врéмя проигрывал. Я сказáл, что бóльше не бóду игрáть в шáхматы.

— Как! — сказáл Алик. — Ты решил брóсить шáхматы? Да у тебя ведь замечáтельные шáхматные способности! Ты стáнешь знамени́тым шахматíстом, е́сли бóдешь продолжáть игрáть!

— Никаки́х у меня способностей нет! — говорю я. — Ведь я вóвсе не своим умóм обы́грывал тебя. Всемú э́тому я научился из кни́жки.

— Из какой кни́жки?

— Есть такая кни́жка — учебник шáхматной игрú. Если хочешь, я тебе дам почитáть э́ту кни́жку, и ты стáнешь игрáть не хóже меня.

Алику захотéлось поскорéй прочитáть э́ту кни́жку. Мы пошли с ним ко мне. Я дал ему учебник шáхматной игрú, и он сейчáс же убежáл домóй, чтоб начáть читáть.

А я решил не игрáть бóльше в шáхматы до тех пор, пока не подтяну́сь по арифмётике.

Глава седьмая

Наш вожа́тый Воло́дя затéял устрóить в шко́ле ве́чер самоде́ятельности. Не́которые ребята решили вы́учить наизу́сть стихи и прочитáть их на сцéне. Другие решили показáть на сцéне физкульту́рные упражне́ния. Гри́ша Васи́льев сказáл, что бóдет игрáть на балала́йке, а Па́влик Қозло́вский бóдет танцевáть гопа́к. Но са́мую интересную вещь придумали Ва́ня Пахо́мов и Игорь Грачёв. Они́ решили поста́вить отрывок «Бой Руслáна с головой» из по́эмы Пу́шкина «Руслáн и Людми́ла». Этот отрывок был напеча́тан в на́шей кни́ге для чтéния «Родна́я речь» для четвёртого клáсса. Мы как раз недáвно его читáли. Игорь

Грачёв сказа́л, что го́лову велика́на он вы́режет из фанёры и разрису́ет её пострашнёй, а сам, спря́тавшись позади́ неё, бу́дет говорить́ что на́до. А Ва́ня сыгра́ет Русла́на. Он сде́лает себѣ дере́вянное копьѣ и бу́дет дра́ться с голово́й.

Нам с Ши́шкиным то́же захоте́лось уча́ствовать в самоде́ятельности, но Ольга Никола́евна не разреши́ла.

— Вам сна́чала на́до испра́вить свой отме́тки, — сказа́ла она́, — а пото́м мо́жно бу́дет и на сце́не игра́ть.

И вот все ребя́та приня́лись разу́чивать свой ро́ли и репети́ровать на сце́не, а мы с Ши́шкиным толкли́сь в за́ле и с за́вистью смотре́ли на всех. Игорь вы́резал из це́лого фанёрного листа́ го́лову велика́на. Ни́жнюю че́люсть он сде́лал из фанёры отде́льно и прикрепи́л гвозде́м так, что голова́ мо́гла открыва́ть рот. Пото́м он разрисова́л го́лову кра́сками и сде́лал ей вы́таращенные глаза́. Ко́гда он прятался за не́ю и шевели́л фанёрной че́люстью, а сам в э́то вре́мя рыча́л и разгова́ривал, то каза́лось, что голова́ сама́ рычит и разгова́ривает. А как интере́сно бы́ло смотре́ть, ко́гда Русла́н, то е́сть Ва́ня, на́скакивал с копьѣм в рука́х на го́лову, а голова́ ду́ла на него́, и его́ как бу́дто бы ве́тром относило́ в сто́рону.

Одна́жды Ши́шкину в го́лову пришла́ о́чень хоро́шая мысль.

— Я, — говори́т, — вчера́ чита́л «Русла́на и Людми́лу», там напи́сано, что Русла́н е́здил на коне́, а у нас он ходи́т по сце́не пешко́м.

— Где же ты возьме́шь коня́? — говори́ю я. — Да́же е́сли бы и был конь, всё равно́ его́ на сце́ну не вта́щишь.

— У меня́ есть замеча́тельная мысль, — говори́т он. — Мы с тобо́й бу́дем представля́ть коня́.

— Как же мы бу́дем представля́ть коня́?

— У меня́ есть жу́рна́л «Зате́йник», там напи́сано, как дво́е ребя́т мо́гут изобре́зить на сце́не коня́. Для э́того де́лается из мате́рии така́я врёде лошади́ная

шкура. Впереді дѣлается лошадиная голова, сзади — хвост, а внизу — четыре ноги. Я, понимаешь, залезаю в эту шкуру спереди и просовываю свою голову в лошадиную голову, а ты залезаешь в шкуру сзади, нагибаешься и держишься руками за мой пояс, так что твой спина получается вроде лошадиная спина. У лошади четыре ноги, и у нас с тобой тоже четыре ноги. Куда я иду, туда и ты, вот и получается лошадь.

— Как же мы сошьем такую шкуру? — говорю я. — Если бы мы были девочки, то, может быть, сумели бы сшить. Девочки всегда шить умеют. У них в школе рукоделие проходят.

— А ты попроси свою сестру Лёку, она нам поможет.

Мы рассказали обо всем Лёке и попросили помочь.

— Ладно, — говорит Лёка, — я вам помогу, но для этого ведь надо достать материи.

Мы долго думали, где бы достать материи, а потом Шишкин нашёл у себя на чердаке какой-то старый, никому не нужный матрац. Мы вытряхнули из матраца всю начинку и показали его Лёке. Лёка сказала, что из него, пожалуй, что-нибудь выйдет. Она распоролла матрац, так что получилось два больших куска материи. На одном куске она велела нам нарисовать большую лошадь. Мы взяли кусок мела и нарисовали на материи лошадь с головой и с ногами — всё как полагается. После этого Лёка сложила оба куска и вырезала ножницами, так что сразу получились две лошадиные выкройки из материи. Эти две выкройки она стала сшивать по спине и по голове. Мы с Костей тоже вооружились иглами и принялись помогать ей шить. Особенно много было возни с ногами, потому что каждую ногу нужно было сшить отдельно трубочкой. Мы все пальцы искололи себе иглами. Наконец сшили всё. На другой день мы достали мочалы и сена и стали продолжать работу. В лошадиную голову мы напихали сена, чтоб она лучше держалась, а из мочалы сделали хвост и гриву.

Когда всё это было сделано, мы с Костей залезли в лошадиную шкуру через дырку, которая была оставлена на животѣ, и попробовали ходить. Лика засмеялась и сказала, что лошадь получилась хоро́шая, только надо кое-гдѣ подложить ваты, а то у неё получились очень то́щие бока́, и, крѳме того́, её надо покрасить, так как видно, что она́ сделана из материи. Тогда́ мы вылезли из этой лошадиной шку́ры. Лика принялась подшивать куда́ надо вату, а Шишкин принёс из дому масти́ку, ко́торой натира́ют полы, и мы покрасили шку́ру этой масти́кой. Получился настоя́щий гнедо́й лошадиный цвет. Потѳм мы взяли краски и нарисовали на головѣ глаза́, нѳздри, рот. На нога́х нарисовали копы́та. Ещѳ Лика придумала пришить к лошадиной головѣ у́ши, так как без уше́й голова́ получалась не очень краси́вая. После́ этого мы снова залезли в лошадиную шку́ру.

— И-го-го-го!—заржа́л по-лошадиному Кѳстя.

Лика захло́пала в ладо́ши и чуть не захлебну́лась от сме́ха.

— Прямо настоя́щая лошадь получи́лась! — крича́ла она́.

Мы попробовали ходить по ко́мнате и брыка́ться нога́ми. Наверно́, это́ очень интере́сно получалось, потому́ что Лика всё вре́мя смея́лась. Потѳм пришла́ ма́ма и то́же очень смея́лась, глядя на на́шу лошадь. Тут верну́лся с рабо́ты па́па, и он то́же смея́лся.

— Для чего это вы сделали? — спросил он нас.

Мы рассказали, что в школе у нас будет спектакль и мы с Костей будем на сцене представлять коня.

— Это очень хорошо, что у вас в школе придумывают для ребят такие развлечения. Ребята приучаются заниматься полезным делом. Вы скажите, когда будет представление, я тоже приду, — сказал папа.

Потом мы пошли к Шишкину, чтоб показать лошадь его маме и тете.

— Ну вот, — сказал я, — папа придёт, а вдруг нам не позволят играть.

— Ты молчи, — говорит Шишкин. — Никому ничего говорить не надо. Мы придём заранее и спрячемся за сценой, а Ваню Пахомова предупредим, чтоб он, перед тем как выходить на сцену, сел на лошадь.

— Правильно! — говорю я. — Так и сделаем.

С тех пор мы с нетерпением ждали представления и даже заниматься не могли из-за этого как следует. Каждый день мы пробовали надевать лошадиную шкуру и ходить в ней для тренировки¹. Лица то и дело подшивала под шкуру куски ваты, так что лошадь в конце концов сделалась гладенькая, упитанная. Для того чтобы лошадиные уши не висели, как лопухи, Костя придумал вставить внутрь пружинки, и уши стали торчать кверху как полагается. Ещё Костя придумал привязать к ушам ниточки. Он незаметно дергал эти ниточки, и лошадь шевелила ушами, как настоящая.

Наконец наступил долгожданный день представления.

Мы незаметно принесли лошадиную шкуру и спрятали позади сцены. Потом мы увидели Ваню Пахомова. Костя отозвал его в сторону и говорит:

— Слушай, Ваня, перед тем как выходить на сцену

¹ Для тренировки; тренировка — занятие, упражнение в каком-нибудь деле, игре, спорте.

ну и драться с головой, ты зайди за кулисы. Там будет стоять приготовленная для тебя лошадь. Ты на эту лошадь садись и выезжай на сцену.

— А что это за лошадь? — спрашивает Вáня.

— Это не твоя забота. Лошадь хорошая. Садись на неё, и она повезёт тебя куда надо.

— Не знаю, — говорит Вáня. — Мы ведь без лошади репетировали¹.

— Чудак! — говорит Шишкин. — С лошадью ведь гораздо лучше. Даже у Пушкина написано, что Руслан ездил на лошади. Как там написано: «Я еду, еду, не свищу, а как наеду, не спущу!» На чём же он едет, если не на лошади. И в «Родной речи» у нас есть картинка, там Руслан нарисован на лошади.

— Ну ладно, — говорит Вáня. — Мне и самому неловко ходить по сцене пешком. Витязь — и вдруг без лошади.

— Только ты никому не говори, а то весь эффект² пропадёт, — говорит Кóстя.

— Хорошó.

И вот, когда публика начала собираться, мы незаметно пробрались за кулисы, приготовили лошадиную шкуру и стали ждать. Ребята суетились, бегали по сцене, проверяли декорации. Наконец раздался последний звонок и начались выступления ребят. Нам всё хорошо было видно и слышно: и как читали стихи и как делали физкультурные упражнения. Мне очень понравились физкультурные упражнения. Ребята делали их под музыку, чётко, ритмично, все, как один. Недаром тренировались две недели подряд. Потом занавес закрылся, на сцене быстро установили фанерную голову с открывающимся ртом, Игорь Грачёв спрятался за неё. Тут появился Вáня. На голове у него был блестящий шлем, сделанный из картона, в

¹ Репетировали (репетировать) — учили, готовили к выступлению.

² Эффект — неожиданное впечатление.

рука́х деревя́нное копьё, вы́крашенное серебряной краской.

Вáня подошёл к нам и говорит:

— Ну, где же ва́ша ло́шадь?

— Сейча́с, — говорим мы.

Бы́стро влѣзли в ло́шадину́ю шку́ру — и перед ним появился конь.

— Садись, — говорю я.

Вáня залѣз мне на́ спину и усѣлся. Тут я почувствовал, что коня́м не сладко живѣтся на свѣте. Под тяже́стью Вáни я согну́лся в три поги́бели¹ и покре́пче вцепи́лся в по́яс Ши́шкина, чтоб была́ опора. Тут как раз и за́навес откры́лся.

— Но! Поѣхали! — скомáндовал Вáня, то есть Руслан.

Мы с Ши́шкиным затопали прямо́ на сцѣну. Ребя́та в за́ле встрѣтили нас дру́жным смѣхом. Видно, наш конь понра́вился. Мы поѣхали прямо́ к головѣ.

— Тпру! Тпру! — зашипѣл Руслан. — Куда́ вас понесло́? Чуть на го́лову не наѣхали! Осади́ наза́д!

Мы попятились наза́д.

В за́ле раздался грóмкий смех.

— Да не пя́тьтесь наза́д! Вот чу́даки! — ругáл нас Вáня. — Повернитесь и выезжа́йте на середину́ сцѣны. Мне стихи́ на́до чита́ть.

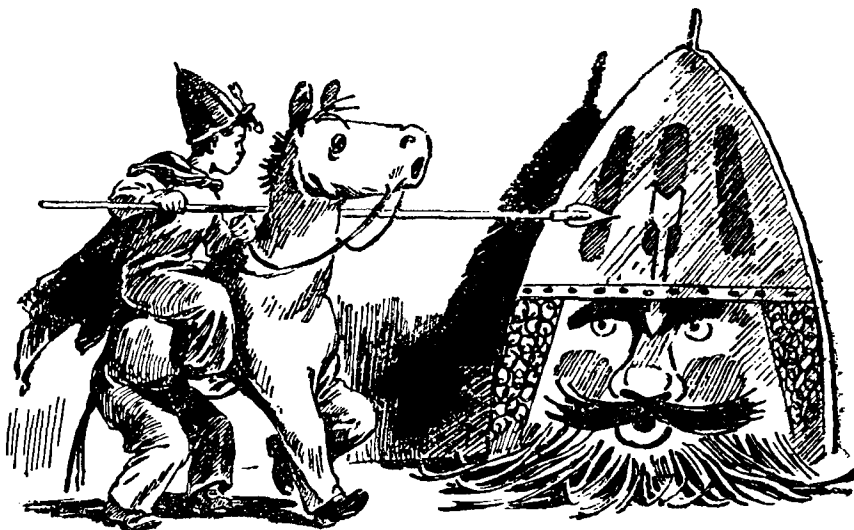
Мы поверну́лись и выѣхали на середину́ сцѣны. Тут Вáня заговорил замогильным го́лосом:

О по́ле, по́ле, кто тебя́
Усе́ял мёртвыми костя́ми?

Он до́лго чита́л э́ти стихи́, завывáя на все лады́, а Ши́шкин в э́то вре́мя дѣргал за ниточки, и конь наш шевели́л уша́ми, что о́чень весели́ло зрите́лей. Нако́нец Вáня ко́нчил свой мо́ноло́г² и прошепта́л:

¹ Согну́лся в три поги́бели — о́чень си́льно согну́лся.

² Мо́ноло́г — речь, кото́рую произно́сит актѣр, обраща́ясь к зрите́лям или размышля́я вслух.

— Ну, тепёрь к головé подъезжайте.

Мы поверну́лись и поехали к головé. Не доезжая до неё шаговъ пяти, Шишкин начал хрипéть, упираться нога́ми и становиться на дыбы́. Я то́же стал брыкаться, чтоб показáть, б́удто конь испугáлся головы́ великána. Тут Руслан стал пришпóривать коня́, то есть, по́просту говоря́, бить меня́ каблукáми по бока́м. Тогда́ мы подъехали к головé. Руслан принялся щекотáть ей нóздри копьём. Тут головá как раскрóет рот да как чихнёт! Мы с Шишкиным отскочили, за́вертели́сь по всей сцéне, б́удто нас отнесло́ вётром. Руслан да́же чуть не свалился с коня́. Шишкин наступил мне на но́гу. От боли́ я запры́гал на одной но́жке и стал хромáть. Ва́ня снова́ стал пришпóривать меня́. Мы о́пять поскака́ли к головé, а она́ принялась на нас дуть, и нас снова́ понесло́ в сто́рону. Так мы налетáли на неё нёсколько раз, наконец я взмолился.

— Конча́йте, — говорю́, — скорéй, а то я не вы́держу. У меня́ и так уже́ нога́ боли́т!

Тогда́ мы подско́чили к головé в послéдний раз, и Ва́ня трéснул её копьём с такой́ си́лой, что с неё

посыпалась краска. Голова упала, представление окончилось, и конь, хромая, ушёл со сцены. Ребята дружно захлопали в ладоши. Ваня соскочил с лошади и побежал кланяться публике, как настоящий актёр.

Шйшкин говорит:

— Мы ведь тоже представляли на сцене. Надо и нам поклониться публике.

И тут все увидели, что на сцену выбежал конь и стал кланяться, то есть просто кивать головой. Всем это очень понравилось, в зале поднялся шум. Ребята принялись ещё громче хлопать в ладоши. Мы поклонились и убежали, а потом снова выбежали и опять стали кланяться. Тут Володя сказал, чтоб скорей закрывали занавес. Занавес сейчас же закрыли. Мы хотели убежать, но Володя схватил коня за уши и сказал:

— Ну-ка, вылезайте! Кто это тут дурачится?

Мы вылезли из лошадиной шкуры.

— А, так это вы! — сказал Володя. — Кто вам разрешил здесь баловаться?

— Разве плохой конь получился? — удивился Шйшкин.

— Коня-то вы хорошо смастерили, — сказал Володя. — А сыграть как следует не смогли: на сцене серьёзный разговор происходит, а конь стоит, ногами шаркает, то отставит ногу, то приставит. Где вы видели, чтоб лошади так делали?

— Ну, устанешь ведь спокойно на одном месте стоять, — говорю я. — И ещё Ваня на мне верхом сидит. Знаете, какой он тяжёлый. Где уж тут спокойно стоять!

— Надо было стоять, раз на сцену вышли. И ещё. Руслан читает стихи: «О поле, поле, кто тебя усеял мёртвыми костями?» — и вдруг в публике смех. Я думаю, почему смеются? Что тут смешного? А оказывается, конь в это время ушами захлопал!

— Ну, кони всегда шевелят ушами, когда прислушиваются, — говорит Шйшкин.

— К чему же тут понадобилось прислушиваться?

— Ну, к стихам... Он услышал, что Руслан читает стихи, и пошевелил ушами.

— Если б пошевелил, то ещё полбеды, а он ими так задвигал, будто мух отгонял.

— Это я переиграл малость, — говорит Шишкин. — Слишком сильно за верёвочку дёргал.

— «Переиграл!» — передразнил его Володя. — Вот не лезьте в другой раз без спросу на сцену.

Мы очень опечалились и думали, что нам ещё от Ольги Николаевны за это достанется, но Ольга Николаевна нам совсем ничего не сказала, и для меня это было почему-то хуже, чем если бы она как следует пробрала нас за то, что мы не послушались её.

Наверно, она решила, что мы с Шишкиным какие-нибудь такие совсем неисправимые, что с нами даже разговаривать серьёзно не стоит.

Из-за этого представления да ещё из-за шахмат я так и не взялся как следует за учёбу, и, когда через несколько дней нам выдали за первую четверть таблицы, я увидел, что у меня стоит двойка по арифметике.

Я и раньше знал, что у меня будет в четверти двойка, но всё думал, что четверть ещё не скоро кончится и я успею подтянуться, но четверть так неожиданно кончилась, что я и оглянуться не успел. У Шишкина тоже была в четверти двойка по русскому.

— И зачем это выдают таблицы перед самым праздником? Теперь у меня будет весь праздник испорчен! — сказал я Шишкину, когда мы возвращались домой.

— Почему? — спросил Шишкин.

— Ну потому, что придётся показывать дома двойку.

— А я не буду перед праздником показывать двойку, — сказал Шишкин. — Зачем я буду маме праздник портить?

— Но после праздника ведь всё равно придётся показывать, — говорю я.

— Ну что ж, после праздника, конечно, а на праздник все весёлые, а если я покажу двойку, все

бўдут скучные. Нет, пусть лучше весёлые бўдут. За-
чём я бўду огорчать маму напрасно? Я люблю маму.

— Если бы ты любил, то учился бы полўчше, —
сказал я.

— А ты-то учишься, что ли? — ответил Шйшкин.

— Я — нет, но я бўду учиться.

— Ну, и я бўду учиться.

На этом наш разговор окончился, и я решил, по
шйшкинскому примёру, показатъ табель потом, когда
праздники кончатся. Ведь бывають же такие слўчай,
когда табели ученикам выдають после праздника. Ни-
чего тут такого нету.

Глава восьмая

Наконёц наступил день, которого я давно уже с
нетерпением ждал, — день Седьмого ноября, празд-
ник Великой Октябрьской революции.

Я проснулся рано-рано и сразу подбежал к окош-
ку, чтобы взглянуть на улицу. Солнышко ещё не взо-
шло, но уже было совсем светло. Небо было чистое,
голубое. На всех домах развевались красные флаги.
На душе у меня стало радостно, будто снова насту-
пила весна. Почему-то так светло, так замечательно
на душе в этот праздник! Почему-то вспоминается
всё самое хорошее и приятное. Мечтаешь о чём-то чу-
десном, и хочется поскорей вырасти, стать сильным и
смелым, совершать разные подвиги и геройства: про-
бираться сквозь глухую тайгу, карабкаться по непри-
ступным скалам, мчаться на самолёте по голубым не-
бесам, опускаться под землю, добывать железо и
уголь, строить каналы и орошать пустыни, сажать ле-
са или работать на заводе и делать какие-нибудь но-
вые замечательные машины.

Вот какие мечты у меня. И ничего в этом удиви-
тельного нету, я думаю. Папа говорит, что в нашей
стране каждый человек всего добьётся, если только
захочет и станет как следует учиться, потому что

уже́ много лет наза́д как раз в э́тот день, Седьмо́го ноября́, мы прогна́ли капита́листов, кото́рые угнета́ли наро́д, и тепе́рь у нас всё принадле́жит наро́ду. Зна́чит, мне то́же принадле́жит всё, потому́ что я то́же наро́д.

В э́тот день па́па подарил мне волшебный фона́рь с картинками, а ма́ма подарила мне коньки́, а Ли́ка подарила мне ко́мпас, а я подарил Ли́ке разноцветные кра́ски для рисо́вания.

А пото́м мы с па́пой и Ли́кой пошли́ на заво́д, где па́па рабо́тает, а отту́да пошли́ на демонстра́цию вме́сте со все́ми рабо́чими с па́пиного заво́да. Вокру́г греме́ла му́зыка, и все пе́ли пе́сни, и мы с Ли́кой пе́ли, и нам бы́ло оче́нь ве́село, и па́па купи́л нам воздушные ша́рики: мне кра́сный, а Ли́ке зеле́ный. А когда́ мы подошли́ к са́мой большо́й пло́щади на́шего го́рода, па́па купи́л нам два кра́сных флажкá, и мы с э́тими флажкáми прошли́ ми́мо трибу́ны через всю пло́щадь.

Пото́м мы верну́лись домо́й, и ско́ро к нам ста́ли собира́ться го́сти. Пе́рвый пришёл дядя́ Шу́ра. В рука́х у него́ бы́ло два све́ртка, и мы сразу́ догада́лись, что э́то он принёс нам подарки. Но дядя́ Шу́ра сначала спроси́л, хоро́шо ли мы веде́м себя́. Мы сказа́ли, что хоро́шо.

- Ма́му слу́шаетесь?
- Слу́шаемся, — говори́м.
- А учи́тесь как?
- Хоро́шо, — говори́т Ли́ка.

И я тоже сказа́л:

— Хорошо́.

Тогда́ он подарил мне металличе́ский констру́ктор, а Ли́ке — строительные ку́бики.

Пото́м пришли́ тётя Ли́да и дядя Серёжа, пото́м тётя На́дя и дядя Юра, и ещё тётя Ни́на. Все спрашивали меня́, как я учу́сь. Я всем говори́л — хорошо́, и все да́рили мне пода́рки, так что под ко́нec у меня́ собралась це́лая ку́ча пода́рков. У Ли́ки тоже была́ це́лая ку́ча пода́рков. И вот я си́дел и смотре́л на свои пода́рки, и посте́нно у меня́ на ду́ше сде́лалось гру́стно. Меня́ нача́ла му́чить со́весть, потому́ что у меня́ по арифме́тике была́ дво́йка, а я всем говори́л, что учу́сь хорошо́. Я до́лго ду́мал над э́тим и в конце́ ко́нцов дал сам себе́ обеща́ние, что тепе́рь возьму́сь учи́ться как сле́дует и тогда́ такие слу́чай уже́ нико́гда в жи́зни бо́льше не бу́дут повто́ряться. По́сле того́ как я э́то реши́л, грусть моя́ ста́ла понемно́гу прохо́дить, и я посте́нно развесели́лся.

Восьмо́го нояб́ря тоже́ был пра́здник. Я побува́л в гостя́х у мно́гих ребя́т из на́шего кла́сса, и мно́гие ребя́та побува́ли у нас. Мы то́лько и де́лали, что игра́ли в ра́зные и́гры, а ве́чером смотре́ли на стене́ карти́ны от волшебного фона́ря. Когда́ я ложи́лся спать, то сложи́л все свои пода́рки во́зле своёй крова́ти на сту́ле. Ли́ка тоже́ сложи́ла свои пода́рки на сту́ле, а под потоло́ком над на́ми красова́лись два возду́шных ша́рика, с кото́рыми мы ходи́ли на демонстра́цию. Так приятно́ бы́ло смотре́ть на них!

На сле́дующий день, когда́ я просну́лся, то уви́дел, что возду́шные ша́рики лежа́т на полу́. Они́ сморщились и ста́ли ме́ньше. Ле́гкий газ из них вы́шел, и они́ уже́ не могли́ бо́льше взлета́ть кве́рху. А когда́ в э́тот день я верну́лся из шко́лы, то не знал, как сказа́ть ма́ме про дво́йку, но ма́ма сама́ вспо́мнила про та́бель и велела́ показáть ей. Я мо́лча вы́тащил та́бель из су́мки и о́тдал ма́ме. Ма́ма ста́ла проверя́ть, какие́ у меня́ отме́тки, и, коне́чно, сразу́ уви́дела дво́йку.

Ну вот, так я и зна́ла! — сказа́ла она́ нахму́рившись. — Все́ гуля́л да гуля́л, а тепе́рь в че́тверти двои́ка. А все́ почему́? Потому́ что ниче́го слу́шать не хоче́шь! Ско́лько раз тебе́ говори́лось, что́бы ты во́время де́лал уро́ки, но тебе́ хоть говори́, хоть нет — все́ как об сте́ну горо́хом. Мо́жет быть, ты хоче́шь на вгору́й год оста́ться?

Я сказа́л, что тепе́рь бу́ду учи́ться лу́чше и что тепе́рь у меня́ дво́йки ни за что на све́те не бу́дет, но ма́ма то́лько усмехну́лась в отве́т. Ви́дно бы́ло, что ни чу́точки не пове́рила мо́им обеща́ниям. Я проси́л ма́му подписа́ть та́бель, но она́ сказа́ла:

— Нет уж, пусть па́па подпи́шет.

Это бы́ло ху́же все́го! Я наде́ялся, что ма́ма подпи́шет та́бель и тогда́ мо́жно бу́дет не пока́зывать его́ па́пе, а тепе́рь мне предсто́яло ещѐ выслу́шивать упрѐки па́пы. Настроѐние у меня́ ста́ло тако́е плохое́, что не хоте́лось да́же де́лать уро́ки.

«Пуска́й, — ду́маю, — па́па уж отруга́ет меня́, тогда́ я бу́ду занима́ться».

Наконе́ц па́па пришѐл с рабо́ты. Я подожда́л, когда́ он пообе́дает, потому́ что по́сле обе́да он все́гда́ быва́ет добре́й, и положи́л та́бель на стол так, чтоб па́па его́ уви́дел. Па́па ско́ро заме́тил, что на столе́ во́зле него́ лежи́т та́бель, и стал смотре́ть отме́тки.

— Ну вот, досту́кался! — сказа́л он, уви́дев дво́йку. — Неужѐли тебе́ перед това́рищами не сты́дно, а?

— Бу́дто я оди́н получаю́ дво́йки! — отве́тил я.

— У ко́го же ещѐ есть дво́йки?

— У Ши́шкина.

— Почему́ же ты берѐшь приме́р с Ши́шкина? Ты бы бра́л приме́р с лу́чших ученико́в. Или Ши́шкин у вас тако́й авторите́т?

— И совсе́м не авторите́т, — сказа́л я.

— Вот ты и стал бы учи́ться лу́чше да ещѐ Ши́шкину помо́г. Неужѐли вам обо́им нра́вится быть ху́же други́х?

— Мне, — говорю, — вóвсе не нрáвится. Я ужé сам решил начать учиться лúчше.

— Ты и рáньше так говорыл.

— Нет, рáньше я так прóсто говорыл, а тепёрь я решил твёрдо взятъся.

— Что ж, посмóтрим, какáя у тебя твёрдость.

Папа подписал табель и бóльше ничего не сказа́л. Мне да́же обидно ста́ло, что он не поруга́л меня́. Наверно́, он решил, что со мной до́лго и разговáривать не́чего, раз я всегда́ то́лько обещаю́, а ничего́ не выполняю́. Поэто́му я решил на э́тот раз доказáть, что у меня́ есть твёрдость, и начать учиться как слéдует. Жаль то́лько, что в э́тот день по арифме́тике ничего́ не́ было за́дано, а то бы я, наверно́, зада́чу сам решил.

На друго́й день я спросил Ши́шкина:

— Ну как, доста́лось тебе́ от ма́мы за дво́йку?

— Доста́лось! И от тёти Зи́ны доста́лось. Уж лúчше б она́ молча́ла! У неё то́лько одни́ слова́: «Вот я за тебя́ возьму́сь как слéдует!» А как она́ за меня́ возьме́тся? Когда́-то она́ сказа́ла: «Вот я за тебя́ возьму́сь: бу́ду ка́ждый ве́чер проверять, как ты сде́лал уро́ки». А сама́ ра́за два проверила, а потóм записа́лась в драмкружо́к при клубе́ автоза́вода, и как то́лько ве́чер — её и не́ту. «Я тебя́, говори́т, за́втра проверю́». И так ка́ждый раз: за́втра да за́втра, а потóм и совсе́м ничего́. Потóм вдруг: «Ну-ка, показывай тетра́дки, отвечáй, что на за́втра за́дано». А у меня́ как раз ничего́ не сде́лано, потому́ что я уже́ отвы́к, чтоб меня́ проверяли. Сло́вом, что ни ве́чер, то её до́ма нет. Если на занятия́ драмкружка́ не на́до иди́ти, то в теа́тр пойдёт.

— Ей ведь на́до в теа́тр ходи́ть, раз она́ в теа́ральном учи́лище у́чится, — сказа́л я.

— Это я понима́ю, — говори́т Ши́шкин. — Ма́ма то́же на ку́рсах повыше́ния квалифика́ции у́чится да ещё рабо́тает, а не говори́т же она́: «Я за тебя́ возьму́сь». Ма́ма прóсто объясни́т, что на́до учиться, а е́сли и накричи́т на меня́, то я не обижа́юсь. А на тётю

Зину всегда буду обижаться, потому что если ты берешься, то берись, а если не берешься, то не берись. Я, может быть, жду, когда тётя Зина за меня возьмётся, и сам ничего не делаю. Такой у меня характер!

— Это ты просто вини с себя на другого переключиваешься, — сказал я. — Переменял бы характер.

— Вот ты бы и переменял. Будто ты лучше моего учишься!

— Я буду лучше учиться, — говорю я.

— Ну, и я буду лучше, — ответил Шишкин.

Через несколько дней наш преподаватель физкультуры Григорий Иванович сказал, что спортивный зал у нас уже оборудован для игры в баскетбол и кто желает, может записаться в баскетбольную команду. Все ребята обрадовались и стали записываться. Мы с Шишкиным, конечно, тоже хотели записаться, но Григорий Иванович не записал нас.

— В баскетбольной команде может играть только тот, кто хорошо учится, — сказал он нам.

Шишкин очень расстроился. Он давно уже ждал, когда можно будет играть в баскетбол, и вот теперь, когда другие ребята будут играть, нам, как говорится, приходилось оставаться за бортом. Я лично не очень огорчился, потому что решил начать учиться лучше и во что бы то ни стало добиться, чтоб меня приняли в баскетбольную команду.

В этот же день Ольга Николаевна сказала, что многие наши ребята уже подтянулись и стали учиться успешнее. Лучшее всего дело обстояло в первом звене. У них не было ни одной двойки, а троек было всего две. Ольга Николаевна сказала, что когда они исправят эти тройки, то звено выполнит своё обещание учиться только на пятёрки и четвёрки. Хуже всего дело обстояло в нашем звене, так как у нас были две двойки — моя и шишкинская.

Юра сказал:

— Вот! Мы с вами в хвосте оказались! Надо что-нибудь придумать, как из этого положения выпутаться.

— Это всё они, вот эти двое! — сказал Лёня Астафьев и показal на нас с Шйшкиным. — Что ж это вы, а? Всё звено позорите! Все ребята стараются, а им хоть кол на голове тешй¹, ничего не помогает! Ты, Малеев, почему плохо учишься?

Тут все на меня набросились:

— Ты что, не понимаешь, что надо учиться лучше?

— Не понимаю, о чём разговор! — сказал я. — Я уже сам решил учиться лучше, а тут снова-наово разговор происходит!

— Решил, так надо учиться! А у тебя какие отметки? — спросил Алик Сорokin.

— Так отметки у меня за прошлое, а решил я только позавчера, — говорю я.

— Эх, ты! Будто не мог раньше решить!

— Постойте, ребята, не надо собраться, — сказала Ольга Николаевна. — Отстающим надо помочь. В вашем звене есть хорошие ученики. Надо выделить кого-нибудь в помощь Шйшкину и Малееву.

— Можно мне помогать Малееву? — спросил Вaня Пахомов.

— А я буду помогать Шйшкину, — сказал Алик Сорokin. — Можно?

— Конечно, можно, — сказала Ольга Николаевна. — Это очень хорошо, что вы хотите помочь товарищам. Но Витя и Костя сами должны побольше работать. Ты, Витя, наверно, если не можешь решить задачу, так сейчас же спрашиваешь папу или маму?

— Нет, — говорю я. — Я теперь папу никогда не спрашиваю. Зачем я буду отрывать его от работы? Я просто иду к товарищу и спрашиваю.

— Ну, это всё равно. Я хочу сказать, что нужно самому добиваться. Если посидишь над задачей как следует да разберёшься сам, то кое-чему научишься, а если каждый раз за тебя задачи будет кто-нибудь

¹ Кол на голове тешй — так говорят об упрямом, непослушном человеке. Кол — короткий шест, палка с острым концом. Тешй (тесать) — руби, срезай.

другой делать, то сам их решать ты никогда не научишься. Для того и задают задачи, чтоб ученик привычался самостоятельно думать.

— Хорошо, — говорю я. — Теперь я буду сам.

— Вот-вот, постарайся. Только в крайнем случае, если увидишь, что задачи тебе не осилить¹, обращай за помощью к товарищу или ко мне.

— Нет, — говорю я. — Мне кажется, теперь я осилю сам, а уж если никак не осилю, тогда пойду к Ване.

— Если желание будет, то осилишь, — сказала Ольга Николаевна.

Глава девятая

Пришёл я домой и сразу взялся за дело. Такая решимость меня одолела², что я даже сам удивился. Сначала я задумал сделать самые трудные уроки, как Ольга Николаевна нас учила, а потом взяться за то, что полёгче. Как раз в этот день была задана задача по арифметике. Недолго думая я раскрыл задачник и принялся читать задачу:

«В магазине было 8 пил, а топоров в три раза больше. Одной бригаде плотников продали половину топоров и три пилы за 84 рубля. Оставшиеся топоры и пилы продали другой бригаде плотников за 100 рублей. Сколько стоит один топор и одна пила?»

Сначала я совсем ничего не понял и начал читать задачу во второй раз, потом в третий... Постепенно я понял, что тот, кто составляет задачи, нарочно запутывает их, чтоб ученики не могли сразу решить. Написано: «В магазине было 8 пил, а топоров в три раза больше». Ну и написали бы просто, что топоров было 24 штуки. Ведь если пил было 8, а топоров было в три раза больше, то каждому ясно, что топоров бы-

¹ Не осилить — здесь: не решить, не справиться.

² Решимость меня одолела — стал смелым, уверенным в своих силах.

ло 24. Нечего тут и огорд городить! И ещё «Однóй бригаде плотников продали половину топоров и 3 пилы за 84 рубля». Сказали бы просто: «Продали 12 топоров». Будто не ясно, раз топоров было 24, то половина будет 12. И вот всё это продали, значит, за 84 рубля. Дальше опять говорится, что оставшиеся пилы и топоры продали другой бригаде плотников за 100 рублей. Какие это оставшиеся? Будто нельзя сказать по-человечески? Если всего было 24 топора, а продали 12, то и осталось, значит, 12. А пил было всего-навсего 8; 3 продали одной бригаде, значит, другой бригаде продали 5. Так бы и написали, а то запугают, запугают, а потом небось говорят, что ребята бестолковые — не умеют задачи решать!

Я переписал задачу по-своему, чтоб она выглядела попроще, и вот что у меня получилось:

«В магазине было 8 пил и 24 топора. Одной бригаде плотников продали 12 топоров и 3 пилы за 84 рубля. Другой бригаде плотников продали 12 топоров и 5 пил за 100 рублей. Сколько стоит одна пила и один топор?»

Переписавши задачу, я снова прочитал её и увидел, что она стала немножко короче, но всё-таки я не мог додуматься, как её сделать, потому что цифры путались у меня в голове и мешали мне думать. Я решил как-нибудь подсократить задачу, чтоб в ней было поменьше цифр. Ведь совершенно неважно, сколько было в магазине этих самых пил и топоров, если в конце концов их все продали. Я сократил задачу, и она получилась вот такая:

«Одной бригаде продали 12 топоров и 3 пилы за 84 рубля. Другой бригаде продали 12 топоров и 5 пил за 100 рублей. Сколько стоит один топор и одна пила?»

Задача стала короче, и я стал думать, как бы её ещё сократить. Ведь неважно, кому продали эти пилы и топоры. Важно только, за сколько продали. Я подумал, подумал — и задача получилась такая:

«12 топоров и 3 пилы стоят 84 рубля.

12 топоров и 5 пил стоят 100 рублей.

Сколько стоит один топор и одна пила?»

Сокращать больше было нельзя, и я стал думать, как решить задачу. Сначала я подумал, что если 12 топоров и 3 пилы стоят 84 рубля, то надо сложить все топоры и пилы вместе и 84 поделить на то, что получилось. Я сложил 12 топоров и 3 пилы, получилось 15. Тогда я стал делить 84 на 15, но у меня не поделилось, потому что получился остаток. Я понял, что произошла какая-то ошибка, и стал искать другой выход. Другой выход нашёлся такой: я сложил 12 топоров и 5 пил, получилось 17, и тогда я стал делить 100 на 17, но у меня опять получился остаток. Тогда я сложил все 24 топора между собой и прибавил к ним 8 пил, а рубль тоже сложил между собой и стал делить рубль на топоры с пилами, но деление всё равно не вышло. Тогда я стал отнимать пилы от топоров, а деньги делить на то, что получилось, но всё равно у меня ничего не получилось. Потом я ещё пробовал складывать между собой пилы и топоры по отдельности, а потом отнимать топоры от денег, и то, что осталось, делить на пилы, и чего я только не делал, никакого толку не выходило. Тогда я взял задачу и пошёл к Ване Пахомову.

— Слушай, — говорю, — Ваня, 12 топоров и 3 пилы вместе стоят 84 рубля, а 12 топоров и 5 пил стоят 100 рублей. Сколько стоит один топор и одна пила? Как, по-твоему, нужно сделать эту задачу?

— А как ты думаешь? — спрашивает он.

— Я думаю, нужно сложить 12 топоров и 3 пилы и 84 поделить на 15.

— Постой! Зачем тебе складывать пилы и топоры?

— Ну, я узнаю, сколько было всего, потом 84 разделю на сколько всего и узнаю, сколько стоила одна.

— Что «одна»? Одна пила или один топор?

— Пила, — говорю, — или топор.

— Тогда у тебя получится, что они стоили одинаково.

— А они разве не одинаково?

— Конечно, не одинаково. Ведь в задаче не говорится, что они стоили поровну. Наоборот, спрашивается, сколько стоит топор и сколько пила отдельно. Значит, мы не имеем права их складывать.

— Да их, — говорю, — хоть складывай, хоть не складывай, всё равно ничего не выходит!

— Вот поэтому и не выходит.

— Что же делать? — спрашиваю я.

— А ты подумай.

— Да я уже два часа думал!

— Ну, присмотришься к задаче, — говорит Вáня. — Что ты видишь?

— Вижу, — говорю, — что 12 топоров и 3 пилы стоят 84 рубля, а 12 топоров и 5 пил стоят 100 рублей.

— Ну, ты замечаешь, что в первый раз и во второй топоров куплено одинаковое количество, а пил на две больше?

— Замечаю, — говорю я.

— А замечаешь, что во второй раз заплатили на 16 рублей дороже?

— Также замечаю. В первый раз заплатили 84 рубля, а во второй раз — 100 рублей. 100 минус 84 будет 16.

— А как ты думаешь, почему во второй раз заплатили на 16 рублей больше?

— Это каждому ясно, — ответил я, — купили две лишние пилы, вот и пришлось заплатить лишних 16 рублей.

— Значит, 16 рублей заплатили за две пилы?

— Да, — говорю, — за две.

— Сколько же стоит одна пила?

— Раз две 16, то одна, — говорю, — 8.

— Вот ты и узнал, сколько стоит одна пила.

— Тьфу! — говорю. — Совсем простая задача! Как это я сам не догадался?!

— Постой, тебе ещё надо узнать, сколько стоит топор.

— Ну, это уж пустяк, — говорю я. — 12 топоров и 3 пилы стоят 84 рубля. 3 пилы стоят 24 рубля.

84 минус 24, будет 60. Значит, 12 топоров стоят 60 рублей, а один топор — 60 поделить на 12, будет 5 рублей.

Я пошёл домой, и очень мне было досадно, что я не сделал эту задачу сам. Но я решил в следующий раз обязательно сам сделать задачу. Хотя пять часов буду сидеть, а сделаю.

На следующий день нам по арифметике ничего не было задано, и я был рад, потому что это не такое уж большое удовольствие задачи решать.

«Ничего, — думаю, — хоть один день отдохну от арифметики».

Но всё вышло совсем не так, как я думал. Только я сел за уроки, вдруг Лика говорит:

— Витя, нам тут задачу задали, я никак не могу решить. Помогй мне.

Я только поглядел на задачу и думаю:

«Вот будет история, если я не смогу решить! Срáзу весь авторитет пропадёт».

И говорю ей:

— Мне сейчас очень некогда. У меня тут своих уроков полно. Ты поди погуляй часика два, а потом придёшь, я помогу тебе.

Думаю:

«Пока она будет гулять, я тут над задачей подумаю, а потом объясню ей».

— Ну, я пойду к подружке, — говорит Лика.

— Иди, иди, — говорю, — только не приходи слишком скоро. Часа два можешь гулять или три. В общем, гуляй сколько хочешь.

Она ушла, а я взял задачник и стал читать задачу:

«Мальчик и девочка рвали в лесу орехи. Они сорвали всего 120 штук. Девочка сорвала в два раза меньше мальчика. Сколько орехов было у мальчика и девочки?»

Прочитал я задачу, и даже смех меня разобрал. «Вот так задача! — думаю. — Чего тут не понимать? Ясно, 120 надо поделить на 2, получится 60. Значит, девочка сорвала 60 орехов. Теперь нужно узнать,

ско́лько ма́льчик: 120 от-
нять 60, то́же бу́дет 60...
То́лько как же э́то так?
Получа́ется, что они́ сорва́-
ли по́ровну, а в зада́че ска́-
зано, что де́вочка сорвала́
в два ра́за ме́ньше оре́хов.
«Ага́! — ду́маю. — Зна́чит,
60 на́до поде́лить на 2, по-
лучи́тся 30. Зна́чит, ма́ль-
чик сорва́л 60, а де́вочка
30 оре́хов». Посмотре́л в
отве́т, а там: ма́льчик 80,
а де́вочка 40.

— Позво́льте! — говори́ю. — Как же э́то? У меня́
получа́ется 30 и 60, а тут 40 и 80.

Стал проверять — всего́ сорва́ли 120 оре́хов. Если
ма́льчик сорва́л 60, а де́вочка 30, то всего́ получа́ет-
ся 90. Зна́чит, непра́вильно! Сно́ва стал де́лать зада́-
чу. Опя́ть у меня́ получа́ется 30 и 60! Отку́да же в от-
ве́те беру́тся 40 и 80? Пря́мо заколдо́ванный круг по-
луча́ется!

Вот ту́т-то я и задума́лся. Чита́л зада́чу раз де́-
сят подря́д и ника́к не мог найт́и, в че́м здесь за-
гво́здка.

«Ну, — ду́маю, — э́то третьекла́ссникам задаю́т та-
кие зада́чи, что и четверокла́ссник не мо́жет решит́! Как же они́ у́чатся, бе́дные?»

Стал я ду́мать над э́той зада́чей. Сты́дно мне бы́ло
не решит́ её. Вот, ска́жет Ли́ка, в четве́ртом кла́ссе,
а для тре́тьего кла́сса зада́чу не смог решит́! Стал я
ду́мать ещё уси́леннее. Ниче́го не выхо́дит. Сижу́ и не
зна́ю, что де́лать. В зада́че говори́тся, что всего́ оре́-
хов бы́ло 120, и вот на́до разделе́ть их так, чтоб у
одно́го бы́ло в два ра́за бо́льше, чем у друго́го. Если б
тут бы́ли какие-нибуду́ другие ци́фры, то ещё мо́жно
бы́ло бы что-нибуду́ придума́ть, а тут ско́лько ни дели́
120 на 2, ско́лько ни отнима́й 2 от 120, ско́лько ни
умножа́й 120 на 2, всё равно́ 40 и 80 не получи́тся.

С отчаяния я нарисовал в тетрадке ореховое дерево, а под деревом мальчика и девочку, а на дереве 120 орехов. И вот я рисовал эти орехи, рисовал, а сам всё думал и думал. Только мысли мои куда-то не туда шли, куда надо. Сначала я думал, почему мальчик нарвал вдвое больше, а потом догадался, что мальчик, наверно, на дерево влез, а девочка снизу рвала, вот у неё и получилось меньше. Потом я стал рвать орехи, то есть просто стирал их резинкой с дерева и отдавал мальчику и девочке, то есть пририсовывал орехи у них над головой. Потом я стал думать, что они складывали орехи в карманы. Мальчик был в курточке, я нарисовал ему по бокам два кармана, а девочка была в передничке. Я на этом передничке нарисовал один карман. Тогда я стал думать, что, может быть, девочка нарвала орехов меньше потому, что у неё был только один карман. И вот я сидел и смотрел на них: у мальчика два кармана, у девочки один карман, и у меня в голове стали появляться какие-то проблески. Я стёр орехи у них над головой и нарисовал им карманы, оттопыренные, будто в них лежали орехи. Все 120 орехов теперь лежали у них в трёх карманах: в двух карманах у мальчика и в одном кармане у девочки, а всего, значит, в трёх. И вдруг у меня в голове, будто молния, блеснула мысль: «Все 120 орехов надо делить на три части! Девочка возьмёт себе одну часть, а две части останутся мальчику, вот и будет у него вдвое больше!» Я быстро поделил 120 на 3, получилось 40. Значит, одна часть 40. Это у девочки было 40 орехов, а у мальчика две части, значит, 40 помножить на 2, будет 80! Точно как в ответе. Я чуть не подпрыгнул от радости и скорей побежал к Ване Пахомову, рассказать ему, как я сам додумался решить задачу.

Выбегаю на улицу, смотрю — идёт Шышкин.

— Слушай, — говорю, — Костя, мальчик и девочка рвали в лесу орехи, нарвали 120 штук, мальчик взял себе вдвое больше, чем девочка. Что делать, потвоему?

— Надава́ть, — говори́т, — ему́ по шее, чтоб не обижáл де́вочек!

— Да я не про то спра́шиваю! Как им разделить, чтоб у него́ бы́ло вдво́е бо́льше?

— Пусть де́лят, как са́ми хотя́т. Чего́ ты ко мне приста́л! Пусть по́ровну де́лят.

— Да нельзя́ по́ровну. Это зада́ча така́я.

— Какáя ещё зада́ча?

— Ну, зада́ча по арифме́тике.

— Тьфу! — говори́т Ши́шкин. — У меня́ морская сви́нка подо́хла, я её то́лько позавчера́ купи́л, а он тут с зада́чами лезет!

— Ну, прости́, — говори́ю, — я не знал, что у тебя́ такое́ горе.

И побежа́л да́льше.

Прибегáю к Ва́не.

— Слу́шай, — говори́ю, — вот какáя зада́ча мудре́ная: ма́льчик и де́вочка сорва́ли 120 оре́хов. Ма́льчик взял себе́ вдво́е бо́льше. На́до делить на три ча́сти. Пра́вильно я догада́лся?

— Пра́вильно, — говори́т Ва́ня. — Одну́ часть возьме́т де́вочка, две ча́сти — ма́льчик, вот у него́ и бу́дет вдво́е бо́льше.

— Это я сам догада́лся, — говори́ю я. — Пони́маешь, замудри́ли зада́чу, ду́мали, никто́ не догада́ется, а я всё-таки догада́лся.

— Ну, молоде́ц!

— Тепе́рь я всегда́ бу́ду сам зада́чи решáть, — сказа́л я.

— Постара́йся. Самому́ всегда́ лу́чше: бо́льше то́лку, — говори́т Ва́ня.

Побежа́л я о́брáтно домóй. Вдруг навстрéчу Юра Каса́ткин.

— Слу́шай, Юра, — говори́ю я. — Оди́н ма́льчик и одна́ де́вочка рва́ли в лесу́ оре́хи...

— Да ну тебя́ с твои́ми оре́хами! Ты лу́чше скажи́, почему́ ты не занима́ешься, а всё по у́лицам бе́гаешь?

— Я занима́юсь, че́стное сло́во!

— Ты это оставь! Весь класс назад тянешь! Ты и ещё этот твой Шйшкин.

— Чёстное слóво, я занимаюсь, а у Шйшкина морская свинка сдохла. А ты куда идёшь?

— Я шёл к тебе, хотел посмотреть, как ты занимаешься, а тебя дома нет, вот я и вижу, как ты уроки делаешь.

— Ну, чёстное-пречёстное слóво, я делал задачу, а она у меня вышла, и я только на минуточку пошёл к Ване, чтоб рассказать. Вот идём ко мне, посмотришь.

Мы пошли ко мне, и я стал показывать ему задачу про мальчика и девочку.

— Да ведь это для третьего класса задача! — говорят Юра.

— А это я нарочно повторяю прошлогóдные задачи, — говорю я. — В прошлом году я невáжно по арифметике учился, вот и хочу теперь наверстать.

— Это ты хорошо придумал. Будешь знать предыдущее, дальше легче будет учиться.

Юра ушёл. Скоро вернулась Лика, я сейчас же принялся объяснить ей задачу. Нарисовал дерево с орехами, и мальчика с двумя карманами, и девочку с одним карманом.

— Вот, — говорит Лика, — как ты хорошо объясняешь! Я сама ни за что не догадалась бы!

— Ну, это пустяковая задача. Когда тебе надо, ты мне говори, я тебе всё объясню в два счёта.

И вот я как-то совсем неожиданно из одного человека превратился в совсем другого. Раньше мне самому помогали, а теперь я сам мог других учить. И главное, у меня ведь по арифметике была двóйка!

Глава десятая

На другой день, когда я проснулся, то увидел в окно, что уже наступила зима. На дворе выпал снег. Всё побелело вокруг: и земля и крыши, а деревья

стояли как кружевные — все веточки облепило снегом. Я хотел сейчас же пойти покататься на конёчках, которые подарила мне мама, но нужно было идти в школу, а после школы я сначала засёл за уроки, а потом стал делать задачи по Ликиному задачнику. Я задумал перерешать все задачи для третьего класса. Там было много простых задач, и я щёлкал их, как будто семечки, но попадались и такие, над которыми приходилось ломать голову. Только это теперь меня не пугало. Я поставил себе за правило не двигаться дальше, пока не решу задачи. Конечно, я в один день не решил всех задач, а сидел над ними недели две или три. На коньках я ходил кататься только по вечерам, когда становилось совсем темно. Зато когда я перерешал все задачи для третьего класса, то я очень поумнел и уже мог без посторонней помощи решать задачи для четвертого класса, которые давала нам Ольга Николаевна. В задачнике для четвертого класса было много задач, которые были похожи на задачи для третьего класса, только они были сложнее, но теперь я уже умел распутывать сложные задачи. Мне даже интереснее было решать те задачи, которые посложней. Я уже не боялся арифметики, как раньше. С меня как будто свалилась какая-то тяжесть, и жить мне стало легко. Ольга Николаевна была довольна моими успехами и ставила мне хорошие отметки. Ребята больше не упрекали меня. И мама и папа были рады, что я стал хорошо учиться. Меня приняли в баскетбольную команду, и я через день тренировался с ребятами по два часа. А когда тренировки не было, я катался на коньках, ходил на лыжах, играл с ребятами в хоккей — было что делать.

А Шышкин, вместо того чтобы взяться как следует за учёбу, купил разных морских свинок, белых крыс, черепах. Одних ежей у него было три штуки! И он с ними по целым дням возился, кормил их, ухаживал за ними, а они у него часто болели и дохли. И ещё он достал где-то Лобзика. Этот Лобзик был

обыкновенный бездомный щенок, то есть, если сказать по правде, то совсем не щенок, а уже довольно большая собака, но ещё, видно, молодая, не совсем ещё взрослая: мохнатая такая, чёрного цвета, и уши у неё висели, как лопухи. Он её встретил где-то на улице и поманил за собой, и привёл домой, и выдумал ей имя «Лобзик», хотя Лобзик — это совсем неподходящее для собаки имя, потому что лобзик — это такая маленькая пилочка для выпиливания по дереву. Но Шышкин не знал, что такое лобзик, и вообразил, будто это собачье имя.

Понятно, что со всеми этими делами Шышкину вовсе не до занятий было, и он садился делать уроки после того, как мама ему раз двадцать напомнит. Вот мать придёт с работы и спросит:

— Ты уроки сделал?

— Нет ещё. Сейчас буду делать.

— Садись сейчас же.

— Сейчас, сейчас, мамочка, вот только покормлю черепашку.

Мать займётся своими делами, а он покормит черепашку и вспомнит, что хотел смастерить клетку для морской свинки, и начнёт возиться с клеткой. Через некоторое время мать опять про уроки вспомнит:

— Когда же ты будешь делать уроки?

— Сейчас.

— Когда же «сейчас»? Ты всё время говоришь «сейчас», а сам ни с места.

— Ну сейчас! Надо же клетку сделать.

— Клетку? Да тут тебе на три дня работы! Прекрати это и садись делать уроки.

— Ладно, — с сожалением говорит Шышкин. — Завтра клетку доделаю. Сейчас только принесу ежам водички и буду делать уроки.

Он берёт кружку и отправляется за водой для ежей. Потом начинает проверять, есть ли вода у других животных. Потом обнаруживается, что один из ежей куда-то исчез, и Шышкин начинает искать его

по всему дому. Через полчаса мать опять про уроки спросит.

— Сейчас, — говорит Шíšкин. — Вот только найду ежа. Еж куда-то запропастился.

И так всё время. То одно, то другое, то третье. Если мать уйдёт на занятия, он и не подумает за уроки взяться, а ждёт, когда время придёт уже ложиться спать, тогда он только начинает что-нибудь делать. Конечно, у него всё получалось на скорую руку, кое-как, он ничего не выучивал как следует, но всё-таки ему удавалось получать как-то тройки, иногда даже четвёрки. Впрочем, это бывало редко. Больше всего он боялся русского языка и почти всегда выезжал на подсказке. Правда, никакой пользы ему от этой подсказки не было. Когда в классе должны были писать диктант или сочинение, то Шíšкин заранее был уверен, что напишет на двойку, и решил в такие дни совсем не приходить в школу. И вот однажды, когда Ольга Николаевна сказала, что завтра мы будем писать диктант, Шíšкин на следующее утро притворился больным и сказал маме, что у него болит голова. Мама разрешила ему не ходить в этот день в школу и сказала, что позовёт врача, как только вернётся с работы. Но когда она вернулась, Шíšкин сказал, что голова у него уже не болит, так что никакого врача не нужно было вызывать. Мама написала в школу записку, что Кóстя пропустил по болезни, и всё обошлось благополучно. В другой раз, когда мы в классе должны были писать сочинение, Шíšкин снова придумал, что у него болит голова, и мама опять разрешила ему не ходить в школу, но когда она вернулась с работы, ей показалось странным, что Кóстя и на этот раз быстро выздоровел. Но тогда она ещё ни о чём не догадалась и снова написала в школу записку, что он был болен. Когда же это случилось в третий раз, она стала догадываться, что Кóстя её обманывает, чтоб не ходить в школу.

Кóстя сначала не признавался, но мама сказала, что сама пойдёт в школу и выяснит, в чём дело.

Кóстя уви́дел, что мать всё равно́ своего́ добьётся, и во всём ей призна́лся.

Когда́ ма́ма услы́шала, что он всё это придумы́вал для того́, чтобы́ уви́ливать от занятый, она́ стра́шно рассерди́лась. Это случи́лось как раз в тот день, когда́ Ши́шкин привёл домо́й Лóбзика. Ма́ма всегда́ серди́лась на Кóстю за то, что он прино́сит домо́й ра́зных живóтных и вóзится с ними, вмéсто того́ чтоб дéлать уро́ки. По́тому Кóстя зарáнее спря́тал Лóбзика в чула́не, чтоб ма́ма не замети́ла его́ сра́зу. И вот, как раз когда́ Кóстя призна́лся и ма́ма рассерди́лась, Лóбзик вы́лез из чула́на и пришёл пря́мо в ко́мнату.

— А это ещё что такое? — закрича́ла ма́ма, уви́дев Лóбзика.

— Это ниче́го... Это так прóсто, соба́ка, — пролепета́л Ши́шкин.

— Соба́ка? — закрича́ла ма́ма. — Сейча́с же прогоня́ её! Развёл це́лый зве́рынец в до́ме! То́лько и дéлаешь, что с ра́зными зве́рыми вóзишься, занима́ться совсе́м не хочешь! Сейча́с же уноси́ всех зве́рей отсю́да! И крыс, и мышéй, и ежа́ — всех уноси́! И соба́ку э́ту гоня́, дово́льно я с тобо́й наму́чилась.

Нéчего дéлать, Кóстя со слезáми на глаза́х поше́л раздава́ть сво́их зве́рей знако́мым ребя́там и ро́здал всех, то́лько одно́го ежа́ у него́ никто́ не хоте́л брать. Тогда́ он пришёл с э́тим ежом ко́ мне и рассказа́л; что́ у него́ произошло́ до́ма. Я то́же не хоте́л брать ежа́, потому́ что мы́ши, кото́рых он нам подаря́л, расплоди́лись во мно́жестве, и не́сколько мышéй посели́лось в комо́де, к тому́ же э́тот ёж был како́й-то вя́лый, наве́рно больно́й. Но Ши́шкин сказа́л, что ёж совсе́м не больно́й, а нахо́дится в оцепене́нии, так как ежи́ обы́чно погружа́ются на́ зиму в спя́чку, и вот э́тот ёж, зна́чит, то́же уже́ погружа́лся в спя́чку. Тогда́ я согласи́лся взять ежа́, а Ши́шкин сказа́л, что весно́й, когда́ ёж пробуди́тся от спя́чки, он заберёт его́ о́братно к себе́.

То́лько Лóбзика Кóстя не хоте́л нико́му отдава́ть

и решил спрятать его от мамы на чердаке. Он устроил ему подстилку на дымоходе, а чтоб Лобзик не убежал, привязал его за ошейник верёвкой к стропилу. На чердаке было холодно, но дымоход был тёплым, и Лобзик не очень мёрз, хотя если сказать по правде, то ему иногда сильно доставалось и от жары и от холода в одно и то же время. В сильный мороз дымоход почему-то всегда был очень горячий, поэтому с одной стороны Лобзика пробирал холод, а с другой стороны он поджаривался как будто на сковородке. Костя очень беспокоился, как бы Лобзик не отморозил себе уши или не схватил воспаление лёгких. Он тайком приносил Лобзику на чердак еду и сам пропадал на чердаке всё свободное время, чтобы Лобзику не было скучно. Когда мамы не было дома, он приводил Лобзика домой и играл с ним, а к тому времени, когда мама должна была прийти с работы, вводил его обратно на чердак. Сначала всё шло хорошо, но однажды он забыл увести Лобзика из дому вовремя, или, может быть, мама вернулась с работы раньше обычного, не знаю точно, только Шышкин, как говорится, попался на месте преступления. Мама увидела Лобзика.

— Опять эта собака здесь! — закричала она. — Так вот почему у тебя не хватает времени заниматься! Я ведь тебе велела прогнать её, а ты снова привёл!

Тут Шышкин признался, что не послушался маму и Лобзик всё это время жил у него на чердаке, а он заботился о нём и кормил его, потому что он его очень любит и не может выгнать его на мороз, так как Лобзик совсем одинокий, бездомный пёс.

— Если бы ты стал делать уроки исправнее, я разрешила бы тебе оставить Лобзика. Но ты ведь ничего слушать не хочешь! — сказала мама.

— Как же я могу делать уроки? — ответил Шышкин. — Я вот сяду заниматься, а сам думаю, как там Лобзик на чердаке сидит. Ему небось одному скучно. Вот мне и не лезут уроки в голову.

Тогда мама сжалась над ним и сказала:

— Если обещаешь выполнять аккуратно все уроки днём после школы, то, так и быть, разрешу оставить тебе эту собаку.

Костя сказал, что обещает.

— Посмотрим, как ты выдержишь своё обещание, — сказала мама. — Я теперь буду проверять тебя ежедневно после работы.

Обо всём этом мне рассказал Костя, когда мы возвращались на другой день из школы.

— Зайдём ко мне, посмотришь, как я буду дрессировать¹ Лобзика, — предложил Костя. — Увидишь, какой он умный. Он уже умеет палку в зубах держать.

— По-моему, для того чтоб держать палку в зубах, большого ума не надо, — ответил я.

— Смотря для кого, — говорит Шишкин. — Тебе, конечно, для того чтоб держать палку в зубах, совсем не надо ума, а Лобзику надо.

Пришли мы к нему. Шишкин достал из буфета сахарницу и позвал Лобзика. Лобзик увидел сахарницу, подскочил и весело замахал хвостом. Видно было, что этот предмет ему уже хорошо знаком. Костя сунул ему под нос палку и сказал:

— Вот подержи палку, получишь сахару.

Лобзик отвернулся от палки и покосился на сахарницу.

— Да ты не смотри на сахарницу, держи, говорят тебе, палку! — прикрикнул Костя.

¹ Дрессировать — обучать животных исполнению каких-нибудь действий.

Лобзик всё-таки не хотёл брать палку. Тогда Костя насильно раскрыл ему пасть и сунул в неё палку, но, как только он отпустил руки, Лобзик разжал зубы, и палка упала на пол.

— Ну вот, уже забыл, чему я его вчера учил! — проворчал Костя. — Придётся повторять всё сначала.

Он снова сунул палку в пасть Лобзику, а мне велел держать Лобзика за нос так, чтоб он не мог раскрывать рот. Таким образом Лобзик подержал во рту некоторое время палку, и мы дали ему за это кусок сахара. Это упражнение мы проделали несколько раз. Лобзик постепенно понял, что после того, как он подержит в зубах палку, ему дадут сахар, и стал держать палку в зубах сам, без посторонней помощи. Правда, он норовил поскорей бросить палку и получить сахар, но в таких случаях Костя не давал ему сахара и снова заставлял держать палку.

Домой в этот день я вернулся поздно и увидел, что нарушил весь свой режим. Я решил, что летом, когда наступят каникулы, тоже заведу себе собаку и займусь дрессировкой, а сейчас, пока идут занятия, этого делать не стоит, так как дрессировка отнимает очень много времени. Я только начал учиться по арифметике как следует и вдруг опять стану получать двойки. В первую очередь нужно самому учиться, а потом уже можно учить собак.

А Шишкин всё свободное время возился с Лобзиком и выучил его не только держать палку в зубах, но и таскать её за собой. Правда, всё это Лобзик делал не даром, а за сахар, но трудился очень усердно. За какой-нибудь маленький кусочек сахара он мог тащить палку или даже целое полёно, как отсюда до Вокзального переулка.

Шишкин говорил, что выучит Лобзика не только этому, но и многому другому, только больше пока ничему не выучил, потому что ему надоело, и вообще он долго не любил заниматься одним делом, а перескакивал с одного на другое и ничего не доводил до конца.

Глава одиннадцатая

Мы давно уже собирались пойти всем классом в цирк. Володя сказал, что купит на всех билеты, и мы с нетерпением ждали этого дня. Мы уже несколько раз ходили всем классом в кино, но в цирке ещё ни разу не были. Я лично давно в цирке не был, а Шышкин был так давно, что совсем почти ничего не помнил. Помнил только, что там были какие-то звери, не то львы, не то тигры, или, может быть, лошади, и больше ничего не помнил. Он тогда был ещё совсем маленьким. Особенно нам хотелось посмотреть мотоциклиста, который ездил внутри шара из металлических прутьев. Мы давно уже видели расклёенные по городу афиши и слышали рассказы от тех, кто видел этого мотоциклиста. В огромный шар, сделанный из крепких металлических прутьев, влезает мотоциклист и начинает ездить внутри этого шара на мотоцикле. И вот нижняя половина шара отделяется от верхней и опускается вниз. Мотоциклист остаётся в верхней половине шара и продолжает ездить. Самое удивительное было то, что мотоциклист не вываливался из этой половинки шара, хотя она и висела в воздухе вверх дном. Говорили, будто, когда мотоциклист мчится внутри шара с огромной скоростью, получается какая-то центробежная сила, которая прижимает мотоцикл к шару и не позволяет ему упасть вниз. Но если скорость мотоцикла уменьшится, центробежная сила пропадёт — и мотоцикл упадёт вниз.

Некоторые ребята говорили, что всех не возьмут в цирк, потому что Володя не сможет достать на всех билеты, а возьмут только круглых отличников. Другие говорили, что возьмут всех, только Шышкина не возьмут. Третьи говорили, что совсем никого не возьмут, потому что билеты, наверно, давно уже проданы.

Наконец билеты были куплены, и мы все пошли в цирк, даже Шышкин пошёл. Явились мы задолго до начала представления, но это ничего: лучше прийти немножко раньше, чем опоздать, потому что тебя

тогда совсѣм не пúсят. Мы усѣлись на свой мѣста и принялись рассмáтривать арѣну, покрытую огромным ковром. Над нашими головами были протянуты какіе-то канаты. Вверху, под куполом цирка, висѣли трапѣции, кольца, верѣвочные лѣстницы и другіе рáзные приспособлѣния. Огромное здáние цирка постепенно наполнялось народом, так что наконец мне даже стáло казáться, что весь гóрод собрался здесь. Я решил сосчитáть, скóлько в цирке народу, досчитáл до двухсот тридцати, сбился и нáчал сначала. В это время зажглись десятки огромных ламп, и в цирке стáло светло как днѣм. Всѣ как бúдто óжило, стáло нарядным и прáздничным. Огромная толпá зрителей запестрѣла разноцвѣтными красками. Я думал, что до начала представлѣния ещё далекó, и принялся разглядывать пúблику, но тут торжественно зазвенѣли литáвры¹, посыпалась звóнкая барабáнная дробь, запиликали скрипки, закрýкали трúбы, и... вдруг на арѣну выбежало мнóжество акробáтов. Онí принялись прыгать, кувыркáться, подкидывать друг друга руками и ловить зá ноги и ходить колесом. И так у них всѣ лóвко получáлось, что кáждому, кто сидѣл в цирке, тóже хотѣлось выскочить на арѣну и начáть кувыркáться вмѣсте с акробáтами. Я тóже ужé вскочил, чтоб бежáть на арѣну, но меня удержáла Ольга Николаевна и сказа́ла, чтоб я сел, потому́ что мешáю другім смотреть. Я уви́дел, что никто не бежит на арѣну, и сел на мѣсто. Но всѣ-таки я не мог усидѣть спокойно, глядя на этиx прыгунов-акробáтов. Я гóтов был смотреть на них хоть весь вѣчер, но онí скóро убежáли, а вмѣсто них стал выступать дрессирóвщик с дрессирóванными медвѣдями.

Вот какіе лóвкие оказáлись мíшки! Онí ходили по канату, качáлись на качелях, катáлись на бóчках: бóчка кáтится, а мíшка стоит на ней во весь рост и перебирает лапами. А два медвѣдя на велосипѣдах катáлись.

¹ Л и т á в р ы — музыкальный инструмент.

После медведей выступали эквилибристы¹. Они легли на землю, ноги подняли кверху и стали подбрасывать ногами какие-то разноцветные деревянные тумбы. Они крутили их, вертели, перебрасывали ногами друг другу. Иной человек руками того не сделает, что они выделывали ногами.

Потом выступали дрессированные собачки. Они прыгали, кувыркались, ходили на задних лапках, возили друг дружку в колясочках, играли в футбол. А одна собака была такая храбрая! Её подняли вверх, под самый купол цирка, и она прыгнула оттуда с парашютом. Потом дрессировщица сказала, что покажет собаку, которая умеет считать. И вот принесли стул, посадили на него маленькую черненькую собачку. Дрессировщица поставила перед ней три деревянные чурки и велела считать. Мы думали, как же собака будет считать, — ведь не может же она

¹ Эквилибристы — цирковые артисты, которые умеют ходить по проволоке, канату и сохранять равновесие (не падать) в самых трудных положениях.

разговаривать. Но собака стала лаять и пролаяла ровно три раза. Публика обрадовалась и стала хлопать в ладоши. Дрессировщица похвалила собаку, дала ей кусочек сахара, потом поставила перед ней пять чурок и снова сказала:

— Счита́й!

Собака пролаяла пять раз.

Потом дрессировщица стала показывать ей цифры, написанные на картонках. Собака каждый раз отвечала правильно.

Потом дрессировщица стала спрашивать:

— Ско́лько бу́дет два́жды два?

Собака пролаяла четыре́ раза.

— Ско́лько бу́дет три плус четы́ре?

Собака пролаяла семь раз.

— Ско́лько бу́дет де́сять отня́ть четы́ре?

Собака пролаяла шесть раз.

Мы сидели и удивлялись: да́же скла́дывать и вычитáть собака уме́ла!

Ещё выступáли жонглёры¹. Они́ жонгли́ровали тарелками и други́ми разны́ми вещáми, то есть подбрасывали их и ловили́ рука́ми. Оди́н подбрасывал сразу́ четы́ре тарелки, и други́й — четы́ре тарелки. Потóм стали́ швыря́ть эти тарелки друг дру́гу. И так это́ ловко у них получáлось! Пёрвый броса́ет второ́му, а второ́й в это́ же вре́мя пёрвому, так что тарелки всё́ вре́мя летят от одно́го челове́ка к друго́му. И ни одной тарелки не разби́ли!

И ещё там в цирке был клоун в голубых брúках, ры́жем пиджаке́ и зелёной шля́пе, и нос у него́ был краси́вый-прекрасный. Он во́все не́ был арти́стом, но де́лал то же, что и арти́сты, то́лько гораздо́ ху́же. После́ жонглёров он то́же вы́шел, принёс три полéна и стал ими́ жонгли́ровать. Но кóнчилось это́ пло́хо: он трéснул сам себя́ полéном по голове́ и ушёл. После́ медведей, котóрые ката́лись на велосипéдах, он то́же

¹ Жонглёры — цирковы́е арти́сты, котóрые уме́ют ловко подбрасывать и ловить сразу́ не́сколько предме́тов.

выехал на велосипёде, но тут же наехал на барьер, и весь его велосипёд рассыпался на кусочки. А когда выступали наездники на лошадях, он стал просить, чтоб ему дали лошадь. Только он боялся свалиться с неё и попросил, чтоб его привязали канатом. И вот сверху спустили канат и привязали его позади за пояс. Тогда он стал взбираться на лошадь по хвосту, но лошадь брыкалась. Он хотел побежать за лестницей, чтоб взобраться на лошадь по лестнице, но не смог, так как был сзади канатом привязан. Тогда он стал просить наездника, чтоб он посадил его на лошадь. Наездник стал подсаживать его, но он никак не мог вскарабкаться.

— Ну садись же! Садись на лошадь! — кричал наездник и изо всех сил толкал его снизу, а он, вместо того чтоб сесть на лошадь, сел на наездника.

И вот наездник бегает по всему цирку, а этот чудак в рыжем пиджаке на нём верхом сидит. Наездник кричит:

— Я ведь тебе говорил — садись на лошадь, а ты куда сел? Ты мне на шею сел!

Наконец его сняли с наездника и посадили на лошадь. Лошадь поскакала, а он свалился с неё, но не упал на землю, а принялся летать по цирку, расставив руки и ноги, потому что был сверху к канату привязан. Словом, это был такой человек: он всё пытался делать, но ничего у него не выходило. Он только людей даром смешил.

Самым последним номером был «Шар смелости». Во время перерыва мы никуда не ходили, а сидели на своих местах и видели все приготовления. Сначала внизу собрали из отдельных частей верхнюю половину шара. Она была такая громадная, что под ней свободно могло бы поместиться человек двадцать и ещё, наверно, место осталось бы. Потом верхнюю половину шара подняли кверху, под купол цирка, а внизу собрали такую же огромную нижнюю половину шара. В неё положили два мотоцикла и два велосипеда и всё это подняли вверх, где нижняя половина

соединилась с верхней. Внизу шара имелся люк, и из люка вниз спускалась верёвочная лестница.

Перерыв кончился. Публика снова уселась на свой места. Снова зажёгся яркий свет, и на арену вышли мотоциклисты. Они были одеты в голубые комбинезоны, на головах у них были надеты круглые шлемы, как у лётчиков. Их было трое: двое мужчин и одна женщина. Они остановились у края арены, и публика приветствовала их громкими аплодисментами. Заиграла музыка, и вот они, гордые и смелые, с высоко поднятой головой, стали подниматься по лестнице вверх; Один за другим они пролезли в люк и очутились внутри шара. Потом они закрыли люк изнутри крышкой и стали ездить внутри шара на велосипедах. Пока велосипед ездил с небольшой скоростью, он описывал небольшие круги внизу шара, но как только скорость становилась больше, он взбирался всё выше и выше, и велосипедисты вместе с велосипедом держались наклонно, так что непонятно было, почему они не падают. Они ездил по одному и по двое, и женщина ездил не хуже мужчин.

Потом один мотоциклист завёл мотоцикл. Раздался грохот, будто пулемётная пальба. Мотоциклист понёсся внутри шара с огромной скоростью. Он перелетал со своим мотоциклом то вниз, то вверх, причём мотоцикл становился почти вверх ногами, и мы всё время боялись, что мотоциклист вывалится из своего сиденья, но он не вывалился. Другой мотоциклист тоже завёл свой мотоцикл и помчался вдогонку за первым мотоциклистом. Шум, грохот, пальба! Вторым мотоциклист опустился на дно шара и остановился, а первый мотоциклист продолжал ездить в верхней половине шара.

И вот нижняя половина шара отделилась и стала медленно опускаться вниз, а мотоциклист так и остался ездить вверх. Когда нижняя половина шара опустилась на землю, мотоциклист и девушка вылезли из неё, а первый мотоциклист всё ездил и ездил в верхней половине шара. Если бы он остановился,

центробежная сила пропала бы — и он упал бы вниз. Теперь для него единственным спасением было всё мчаться и мчаться с прежней скоростью. Затаив дыхание мы смотрели на него. Вдруг я подумал: «А что, если мотор испортится или остановится хотя бы на минуту? Скорость сейчас же уменьшится, и мотоцикл со страшной силой вылетит из шара и полетит вниз».

По временам мне казалось, что мотор начинает дёлать перебои, но всё обошлось благополучно. Нижнюю половину шара снова подняли вверх. Мотоциклист замедлил скорость и стал кружиться в нижней половине шара. Круги становились всё меньше и меньше. Наконец он остановился, вылез из люка и стал спускаться по лестнице вниз. Тысячи зрителей приветствовали его аплодисментами.

На этом представление кончилось, и было так жалко уходить из цирка, так жалко, что и сказать нельзя. Я решил: когда вырасту, буду каждый день ходить в цирк. Ну, если не каждый день, то хотя бы раз в неделю. Мне это никогда не надоест!

Глава двенадцатая

На другой день я зашёл к Шишкину, чтоб узнать, чем кормить ежа, потому что ёж раздумал погружаться в спячку. Ночью он проснулся и принялся бродить по комнате, шуршал какими-то бумажками и никому не давал спать. Когда я пришёл, то увидел, что Шишкин лежит на полу посреди комнаты, ноги задрал кверху, а в руках у него чемодан.

— Ты чего на полу валяешься? — спрашиваю я.

— Это я решил сделаться эквилибристом, — говорит он. — Сейчас буду вертеть чемодан ногами.

Он поднял чемодан руками и старался подхватить его ногами, но это ему никак не удавалось.

— Мне бы, — говорит, — его только ногами подхватить. Ну-ка, помоги, возьми чемодан и положи мне на ноги.

Я взял чемодан и положил ему на ноги. Некоторое время он держал его на вытянутых ногах, потом стал потихоньку поворачивать, но тут чемодан соскользнул и полетел на пол.

— Нет, — сказал Шишкин, — так ничего не выйдет! Надо разуться, а то ботинки слишком скользкие.

Он снял ботинки, снова лёг на спину и поднял ноги вверх. Я опять положил ему чемодан на ноги.

— Вот теперь, — сказал Костя, — совсем другое дело!

Он опять стал пытаться повернуть его ногами, но тут чемодан снова полетел вниз и больно стукнул его по животу. Шишкин схватился за живот и задохнулся.

— Ох, ох! — говорит. — Так и убиться можно! Этот чемодан слишком тяжёлый. Лучше я что-нибудь другое буду вертеть, полёгче.

Стали мы искать что-нибудь другое, полёгче. Ничего не нашли. Тогда он снял с дивана подушку, свернул её, как будто трубку, и обвязал потуже верёвкой, словно любительскую колбасу.

— Ну вот, — говорит, — подушка мягкая, если и упадёт, то не ударит больно.

Он снова лёг на пол, и я положил ему эту «колбасу» на ноги. Он опять попробовал её вертеть, но у него всё равно ничего не вышло.

— Нет, — сказал он, — лучше я сначала буду учиться ловить её ногами, как тот эквилибрист в цирке. Ты бросай её издали, а я буду подхватывать её на ноги.

Я взял подушку, отошёл в сторону —

и как брошу! Подушка полетела, но не попала ему на ноги, а попала по голове.

— Ах ты, растяпа! — закричал Шийшкин. — Не видишь, куда бросаешь? На ноги надо бросать!

Тогда я взял подушку и бросил ему на ноги. Костя задрогал ногами, но всё-таки не смог её удержать. Так я бросал подушку раз двадцать, и ему удалось один раз её подхватить ногами и удержать.

— Видал? — закричал он. — Прямо как у настоящего эквилибриста вышло!

Я тоже решил попробовать, лёг на спину и стал ловить подушку ногами. Только мне ни разу не удалось её поймать. Наконец я выбился из сил. Спина у меня болела, будто на мне кто-нибудь верхом ездил.

— Ну ладно, — говорит Шийшкин, — на сегодня упражнений с подушкой довольно. Давай упражняться со стульями.

Он сел на стул и стал постепенно наклонять его назад, чтоб он стоял только на двух задних ножках. Вот он наклонял его, наклонял, наконец стул опрокинулся, Шийшкин полетел на пол и больно ушибся. Тогда я стал пробовать, не получится ли что-нибудь у меня. Но у меня получилось то же самое. Я полетел вместе со стулом на пол и набил на затылке шишку.

— Нам ещё, видно, рано такие упражнения делать, — сказал Костя. — Давай лучше учиться жонглировать.

— Чем же мы будем жонглировать?

— А тарелками, как жонглеры в цирке.

Он полёз в шкаф и достал две тарелки.

— Вот, — говорит, — ты бросай мне, а я тебе. Как только я брошу свою тарелку, ты сейчас же бросай свою мне, а мою лови, а я твою буду ловить.

— Постой, — говорю, — мы ведь сразу разобьём тарелки, и ничего не выйдет.

— Это правда, — говорит он. — Давай вот что: будем сначала одной тарелкой жонглировать. Когда научимся как следует одну ловить, начнём двумя,

потом тремя, потом четырьмя, и так у нас пойдёт, как у настоящих жонглёров.

Мы стали швырять одну тарелку и сейчас же разбили её. Потом взяли другую и тоже разбили.

— Нет, это не годится, — сказал Шийшкин. — Так мы перебьём всю посуду, и ничего не выйдет. Надо достать что-нибудь железное.

Он разыскал на кухне небольшой эмалированный тазик. Мы стали жонглировать этим тазиком, но нечаянно попали в окно. Ещё хорошо, что мы совсем не высадили стекло — на нём только получилась трещина.

— Вот так неприятность! — говорят Костя. — Надо что-нибудь придумать.

— Может быть, заклеить трещину бумагой? — предложил я.

— Нет, так ещё хуже будет. Давай вот что: вынем в коридоре стекло и вставим сюда, а это стекло вставим в коридоре. Там никто не заметит, что оно с трещиной.

Мы отковыряли от окна замазку и стали вытаскивать стекло с трещиной.

Трещина увеличилась, и стекло распалось на две части.

— Ничего, — говорит Шийшкин. — В коридоре может быть стекло из двух половинок.

Потом мы пошли и вынули стекло из окна в коридоре, но это стекло оказалось немного больше и не влезало в оконную раму в комнате.

— Надо его подрезать, — сказал Шийшкин. — Не знаешь, у кого-нибудь из ребят есть алмаз?

Я говорю:

— У Васи Ерохина есть, кажется.

Пошли мы к Васе Ерохину, взяли у него алмаз, вернулись обратно и стали искать стекло, но его нигде не было.

— Ну вот, — ворчал Шийшкин, — теперь стекло потерялось!

Тут он наступил на стекло, которое лежало на полу. Стекло так и затрещало.

Как раз в это время вернулась с работы мать.

— Это какой же дурак стекло положил на пол? — закричал Шийшкин.

— Кто же его положил? Ты же и положил, — говорю я.

— А разве не ты?

— Нет, — говорю, — я к нему не прикасался. Не нужно тебе было его на пол класть, потому что на полу оно не видно и на него легко наступить.

— Чего ж ты мне этого не сказал сразу?

— Я и не сообразил тогда.

— Вот из-за твоей несообразительности мне теперь от мамы нагоняй будет! Что теперь делать? Стекло разбилось на пять кусков. Лучше мы его склеим и вставим обратно в коридор, а сюда вставим то, что было, — всё-таки меньше кусков получится.

Мы начали вставлять стекло из кусков в коридоре, но куски не держались. Мы пробовали их склеивать, но было холодно, и клей не застывал. Тогда мы бросили это и стали вставлять стекло в комнате из двух кусков, но Шийшкин уронил один кусок на пол, и он разбился вдребезги. Как раз в это время вернулась с работы мать. Шийшкин стал ей рассказывать, что тут у нас случилось.

— Ты прямо хуже маленького! — сказала мать. — Тебя страшно одного оставлять дома! Того и гляди, чего-нибудь натворишь!

— Я вставлю, вот увидишь, — говорил Шийшкин. — Я всё из кусочков сделаю.

— Ещё чего не хватало! Из кусочков! Придётся позвать стекольщика. А это ещё что за осколки?

— Я тарелку разбил, — ответил Шийшкин.

— О-о-о! — только сказала мама.

Она закрыла глаза и приложила обе руки к вискам, будто у неё заболела вдруг голова. Потом она опустила руки и сказала:

— Убери это сейчас же — и марш заниматься! Уроки небось и не думал учить!

Мы с Костей собрали с полу осколки и отнесли их в мусорный ящик.

— У тебя мама добрая, — сказал я Косте. — Если бы я такого натворил дома, то разговору было бы на целый день.

— Не беспокойся, ещё разговор будет. Вот подожди, скоро придёт тётя Зина, она мне намылит голову¹. Ещё и тебе попадёт.

Я не стал дожидаться прихода тёти Зины и поскорее ушёл домой.

На другой день я встретил Шишкина на улице утром, и он сказал, что не пойдёт в школу, а пойдёт в амбулаторию, потому что ему кажется, будто он болен. Я пошёл в школу, и, когда Ольга Николаевна спросила, почему нет Шишкина, я сказал, что он сегодня, наверно, не придёт, так как я его встретил на улице и он сказал, что идёт в амбулаторию.

— Проведай его после школы, — сказала Ольга Николаевна.

В классе в этот день у нас был диктант. После школы я сделал сначала уроки, а потом пошёл к Шишкину. Его мама уже вернулась с работы. Шишкин увидел меня и стал делать какие-то знаки: прижимать палец к губам, мотать головой. Я понял, что мне нужно о чём-то молчать, и вышел с ним в коридор.

— Ты не говори маме, что я не был сегодня в школе, — сказал он.

— А почему ты не был? Что тебе в амбулатории сказали?

— Ничего не сказали.

— Почему?

— Да там врач какой-то бездушный². Я ему говорю, что я болен, а он говорит: «Нет, ты здоров». Я говорю: «Я сегодня так чихал, что у меня чуть голова не оторвалась», а он говорит: «Почихаешь и перестанешь».

¹ Намылит голову — здесь: накажет.

² Бездушный — не умеющий жалеть, равнодушный к горю другого человека.

— А мóжет, ты и на сáмом дéле нé был бóлен?

— Да, ну конéчно, нé был.

— Зачéм же в амбулатóрию пошёл?

— Ну, я ўтром сказáл мáме, что бóлен, а она́ гóворит: «Если бóлен, то иди́ в амбулатóрию, а я бóльше не б́ду тебе́ в шкóлу записок писáть, ты и так мнóго пропусти́л».

— Зачéм же ты сказáл мáме, что бóлен, ёсли вó-все не бóлен?

— Ну как ты не понима́ешь? Ведь Ольга Никола́евна сказáла, что сего́дня б́дет дикта́нт. Чего́ же я пойду́? Очень мне интерéсно о́пять получи́ть двóйку!

— Что же ты тепе́рь б́дешь дéлать? Ведь зáвтра Ольга Никола́евна спрóсит, почему́ ты не пришёл в шкóлу.

— Не зная́, что и дéлать! Я, навéрно, и зáвтра не пойду́ в шкóлу, а ёсли Ольга Никола́евна спрóсит, то скажи́, что я заболéл.

— Слу́шай, — говорю́ я, — ёто ведь глúпо. Лúчше ты призна́йся мáме и попроси́, чтоб она́ написáла записку.

— Ну уж не зная́ю... Мáма сказáла, что бóльше не б́дет писáть никаки́х записок, чтоб я не приучáлся прогúливать.

— Что же, — говорю́ я, — ёсли тако́й слúчай вы́шел. Ты и зáвтра не пойдёшь и послезáвтра — что же ёто полúчится? Скажи́ мáме, она поймёт.

— Ну лáдно, я скажу́, ёсли смéлости хвáтит.

На слéдующий день Ши́шкин снóва не пришёл в шкóлу, и я пóнял, что у него́ не хватило смéлости призна́ться мáме. Ольга Никола́евна спросила́ меня́ о Ши́шкине, я сказáл, что он бóлен, а когда́ она́ спросила́, чем он бóлен, я придумáл, что у него́ грипп.

Вот как по мýлости Ши́шкина я сдéлался обмáнщиком. Но не мог же я наядбедничать на него́, ёсли он проси́л никому́ не гóворить!

Глава тринадцатая

После занятий я зашёл к Шйшкину и рассказал, что мне пришлось из-за него Ольге Николаевне соврать, а он стал рассказывать, как бродил целое утро по городу, вместо того чтоб пойти в школу, потому что побоялся признаться маме, а без записки тоже не мог явиться в школу.

— Что же ты будешь делать? — спрашиваю я. — Ты и сегодня не скажешь маме?

— Не знаю. Я вот что думаю: лучше я в цирк поступлю.

— Как — в цирк? — удивился я.

— Ну, поступлю в цирк и буду артистом.

— Что же ты будешь делать в цирке?

— Ну, что... Что и все артисты делают. Выучу Лобзика считать и буду с ним выступать, как та артистка.

— А вдруг тебя не возьмут?

— Возьмут.

— А как же со школой?

— В школу совсем не буду ходить. Только ты, пожалуйста, не выдавай меня Ольге Николаевне, будь другом!

— Так мама ведь всё равно в конце концов узнает, что ты в школу не ходишь.

— Ну, пока она не узнает, а потом, когда я поступлю в цирк, я сам ей скажу, и всё в порядке будет.

— А вдруг тебе не удастся выучить Лобзика?

— Удастся. Почему не удастся? Вот мы сейчас попробуем. Лобзик! — закричал он.

Лобзик подбежал и принялся юлить вокруг.

Шйшкин достал из буфета сахарницу и сказал:

— Сейчас, Лобзик, ты будешь учиться считать. Если будешь считать хорошо, получишь сахар. Будешь плохо считать — ничего не получишь.

Лобзик увидел сахарницу и облизнулся.

— Погоди облизываться. Облизываться будешь потом.

Шішкін вінул из сáхарницы дэсяць куско́в сáхару и сказа́л:

— Будем сна́чала учи́ться счита́ть до десяти́, а пото́м и да́льше пойдём. Вот у меня́ дэсяць куско́в сáхару. Смотри́, я бу́ду счита́ть, а ты постарáйся запо́мнить.

Он на́чал выкла́дывать перед Лóбзиком на табу́рэт кускі́ сáхару и грóмко счита́л: «Оди́н, два, три...» И так до десяти́.

— Вот відишь, всего́ дэсяць куско́в. По́нял? Лóбзик завиля́л хвостóм и потянúлся к сáхару.

Кóстя щёлкнул его́ по носу и сказа́л:

— Научи́сь сна́чала счита́ть, а пото́м тяни́сь к сáхару!

Я говорю́:

— Как же он мо́жет научи́ться срáзу до десяти́? Этому́ и ребя́т не срáзу учат.

— Тогда́, мо́жет, научи́ть его́ сна́чала до пяти́ и́ли до трёх?

— Конéчно, — говорю́, — до трёх ему́ бу́дет лёгче.

— Ну, дава́й тогда́ сна́чала до двух, — говори́т Кóстя. — Ему́ тогда́ совсе́м легко́ бу́дет.

Он убра́л со скаме́йки весь сáхар и оста́вил то́лько два кусóчка.

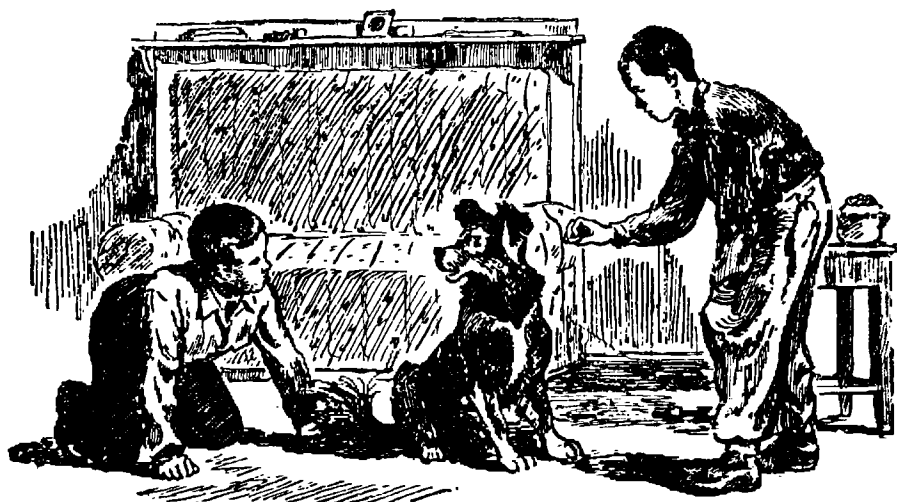
— Смотри́, Лóбзик, сейча́с здесь то́лько два ку́ска — оди́н, два, вот відишь? Если я заберу́ оди́н, то оста́нется оди́н. Если положу́ обратнó, то опя́ть бу́дет два. Ну, отвечáй, ско́лько здесь сáхару?

Лóбзик привста́л, помаха́л хвостóм, пото́м сел на за́дние ла́пы и облизну́лся.

— Как же ты хо́чешь, чтоб он отвéтил? — сказа́л я. — Ка́жется, он у нас ещё говори́ть не вы́учился по-человéчески.

— За́чем по-человéчески? Пусть говори́т по-собáчьи, как та собáка в цёрке. Га́у! Га́у! Понима́ешь, Лóбзик, «га́у-га́у» — э́то зна́чит «два». Ну, говори́ «га́у-га́у»!

Лóбзик мо́лча погла́дывал то на меня́, то на Шішкина.

— Ну, чего же ты молчишь? — сказал Шішкин. — Может быть, не хочешь сахара?

Вместо ответа Лобзик снова потянулся к сахару.

— Нельзя! — закричал Шішкин строго.

Лобзик в испуге попятился и принялся молча облизываться.

— Ну, говори «гау-гау»! Говори «гау-гау»! — приставали мы к нему оба.

— Не понимает! — воскликнул с досадой Шішкин. — Надо его как-нибудь раззадорить. Слушай, сейчас я буду дрессировать тебя, а он пусть смотрит и учится.

— Как это ты будешь дрессировать меня? — удивился я.

— Очень просто. Ты становишься на четвереньки и лай по-собачьи. Он посмотрит на тебя и выучится.

Я опустился рядом с Лобзиком на четвереньки.

— Ну-ка, отвечай: сколько здесь сахара? — спросил меня Шішкин.

— Гау! Гау! — ответил я громко.

— Молодец! — похвалил меня Шішкин и сунул мне в рот кусок сахара.

Я принялся грызть сахар и нарочно громко хрустел, чтоб Лобзику стало завидно. А Лобзик с завистью смотрел на меня, и у него даже потекли слюнки.

— Ну, смотри, Лобзик, теперь здесь остался один кусок сахара. Гау — один. Понимаешь? Ну, отвечай: сколько здесь сахара?

Лобзик нетерпеливо фыркнул, зажмурился и стал стучать по полу хвостом.

— Ну, отвечай, отвечай! — твердил Шишкин.

Но Лобзик никак не мог догадаться, что ему нужно лаять.

— Эх ты, бестолковый! — сказал ему Шишкин и снова обратился ко мне: — Ну, отвечай ты!

— Гау! — закричал я, и опять кусок сахара очутился у меня во рту.

Лобзик только облизнулся и фыркнул.

— Сейчас мы его раззадорим, — сказал Шишкин.

Он снова положил на табурет кусок сахара и сказал:

— Вот, кто первый ответит, тот и получит сахар. Ну, считайте.

— Гау! — закричал я.

— Вот молодец! — похвалил Шишкин. — А ты остолоп.

Он взял кусок сахара, медленно поднес к носу Лобзика, пронес мимо и сунул мне в рот. Я опять громко зачавкал и захрустел сахаром. Лобзик облизнулся, чихнул и смущенно затряс головой.

— Ага, завидно стало! — обрадовался Шишкин. — Кто лает, тот и сахар получает, а кто не лает, тот сидит без сахара.

Он снова положил перед Лобзиком кусок сахара и сказал:

— Считай теперь ты.

Лобзик облизнулся, затряс головой, встал, потом сел, фыркнул.

— Ну, считай, считай, иначе не получишь сахара!

Лобзик как-то напрягся, подался назад и вдруг как залает.

— Пóнял! — закричáл Шíшкин и брóсил ему́ кусо́к са́хару.

Лóбзик на лету́ подхватíл са́хар и проглотíл в два счёта.

— Ну́-ка, счита́й ещё́ раз! — закричáл Шíшкин.

— Гаф! — отвéтил Лóбзик.

И сно́ва кусо́к са́хару полетéл ему́ в рот.

— Ну́-ка, ещё́ разбóчек.

— Гаф!

— Пóнял! — обра́довался Шíшкин. — Тепéрь у нас пойдёт нау́ка.

В э́то вре́мя верну́лась мать Шíшкина.

— Почему́ са́харница на столé? — спросíла она́.

— Это я взял немно́го са́хару, чтоб вы́учить счита́ть Лóбзика.

— Ещё́ что вы́думал!

— Да ты то́лько послу́шай, как он умеет счита́ть.

Шíшкин положи́л перед Лóбзиком кусо́к са́хару и сказа́л:

— Ну́-ка, покажи́, Лóбзик, ма́ме, как ты умеешь счита́ть.

— Гаф! — отвéтил Лóбзик.

— И э́то всё? — спросíла ма́ма.

— Всё, — сказа́л Шíшкин.

— Не мно́гому же он у вас научíлся!

— А что ты хочешь? Ведь Лóбзик — не человек. Сейча́с он научíлся до одно́го счита́ть, потóм мы научим его́ до двух, потóм — до трёх, а там, гляди́шь, он и все ци́фры вы́учит.

— Гляди́шь, придётся мне от тебя́ са́харницу прятать, — сказа́ла ма́ма.

— Я ведь не для себя́ беру́, — обíделся Шíшкин. — Я для нау́ки.

— «Для нау́ки!» — усмехну́лась ма́ма. — А свои́ уро́ки ты сде́лал?

— Нет ещё́, сейча́с бу́ду де́лать.

— Ты ведь обеща́л, что к моему́ приходу́ у тебя́ всегда́ бу́дут уро́ки сде́ланы.

— Бúдут, бúдут! Это я тóлько сего́дня забы́л из-за Лóбзика.

— Ну, смотри́ же! Если не бúдешь уро́ки де́лать во́время, то не разреши́ тебе́ брать са́хар и са́харни-цу спря́чу.

Мы с Кóстей засе́ли де́лать уро́ки вме́сте, потому́ что он ведь да́же не знал, что за́дано, а на друго́й день приня́лись продо́лжа́ть обуча́ние Лóбзика.

— На́до учи́ть его́ не тóлько са́хар счита́ть, а чтоб он понима́л ци́фры, — сказа́л Кóстя.

Мы взя́ли кусо́чек карто́на, написа́ли на нём ци́фру «о́дин» и показа́ли Лóбзику.

— Вот э́то, Лóбзик, ци́фра «о́дин». Все́ равно́, что о́дин кусо́к са́хару, — сказа́л Ши́шкин. — Ну, говори́: кака́я это ци́фра?

— Гаф! — отве́тил Лóбзик.

— Молоде́ц! Это он сра́зу по́нял, — обра́довался Ши́шкин. — Тепе́рь перейде́м к ци́фре «два».

Он положи́л перед Лóбзиком два кусо́ка са́хару и сказа́л:

— Счита́й!

— Гаф! — отве́тил Лóбзик.

— Непра́вильно! Ты говори́шь — о́дин, а тут два. Что ну́жно отве́тить?

— Гаф! — сно́ва отве́тил Лóбзик.

— «Гаф»! — передразни́л его́ Кóстя. — Где же тут «гаф», когда́ здесь «гаф-га́ф»? У тебя́ на плеча́х что: голова́ или коча́н капу́сты?

— Гаф! — отве́тил Лóбзик.

— Зала́дила сорóка Якова́ одно́ про вся́кого!¹ Где ты тут ви́дишь о́дин? — закрича́л Ши́шкин.

Лóбзик в испу́ге да́же попя́тился.

— Ты не кричи́, — говори́ю я. — С соба́кой на́до ве́жливо обра́щаться, потому́ что она́ бúдет боя́ться и ничему́ не на́учится.

¹ Зала́дила сорóка Якова́ одно́ про вся́кого — погово́рка о постоянном, надо́евшем повто́рении одно́го и того́ же.

Шіішкин снóва принялся объяснять Лóбзику, что одін — это одін, а два — это два.

— Ну, счита́й! — приказáл он ему́.

— Гаф! — снóва тьявкнул Лóбзик.

— Ещё раз! Ещё! — подсказáл я.

Лóбзик покосился на меня. Я закива́л головой и заморгáл глазами. Тогда он несмéло тьявкнул ещё раз.

— Вот тепёрь — два! — обра́довался Шіішкин и бросил ему́ кусок сáхару. — Ну-ка, счита́й ещё раз.

Лóбзик снóва прола́ял одін раз.

— Ещё раз! Ещё! — зашептáл я снóва.

— А ты не подскáзывай ему́! — говорит Шіішкин. — Он сам дóлжен знать. Отвечáй, Лóбзик!

Лóбзик прола́ял ещё раз.

— Правильно! — сказа́л Шіішкин. — Тóлько ты дóлжен ла́ять два рáза подря́д.

Он снóва застáвил его́ счита́ть. Лóбзик и на этот раз прола́ял раз, а потóм уви́дел, что мы от него́ ещё чего́-то ждём, и прола́ял вторóй раз. Постепенно мы доби́лись, что он ла́ял два рáза подря́д, и перешли́ к цифре «три». Заня́тия пошли́ так успе́шно, что в этот день мы вы́учили все циф́ры до десяти́, но когда́ ста́ли на друго́й день повто́рять, то оказа́лось, что у Лóбзика всё в голове́ перепу́талось. Когда́ показыва́ли ему́ цифру «три», он отвечáл, что это четы́ре, или пять, или де́сять. Когда́ показывали де́сять, он говори́л, что это два, корóче говоря́ — молóл рáзную чепуху́. Кóстя зли́лся, крича́л на Лóбзика и вообража́л, что это он назло́ ему́ отвеча́ет неправильно. Иногда́ Лóбзик отвечáл правильно, но, навёрно, это получа́лось случайно́, а Кóстя говори́л:

— Вот видишь, отве́тил правильно — значит, зна́ет, какáя это циф́ра, а спроси́ его́ в друго́й раз, ни за что не отве́тит.

Он подозрева́л, что Лóбзику прóсто надоело́ учи́ться и он нарóчно даёт неправильные отве́ты, чтоб к нему́ не пристава́ли. Вот, напримёр, Кóстя показыва́ет ему́ цифру «пять», а Лóбзик отвеча́ет, что это четы́ре.

— Да не четы́ре, Лóбзик, посмотри́ хороше́нько, — говори́т ла́сково Кóстя.

Лóбзик сно́ва отвеча́ет, что э́то четы́ре.

— Ну, не глупи́, Лóбзик, ты же сам ви́дишь, что э́то не четы́ре, — уговáривает его́ Кóстя.

«Четы́ре», — упря́мо тверди́т Лóбзик.

— Дура́к! — начина́ет серди́ться Кóстя. — Счита́й пра́вильно, тебе́ говоря́т!

«Четы́ре», — отвеча́ет Лóбзик.

— Вот я дам тебе́ четы́ре ра́за по шее, тогда́ узна́ешь, как злить челове́ка! Вот скажи́ ещё раз четы́ре, я тебе́ покажу́!

«Четы́ре», — о́пять повто́ряет Лóбзик.

— Ты ви́дишь, что он со мной де́лает? — кипяти́лся Кóстя.

Он берёт цифру «четы́ре» и показы́вает Лóбзику:

— Ну, а э́то, по-тво́ему, кака́я цифра?

Лóбзик отвеча́ет, что э́то пять.

— Вот ви́дишь! — крича́л Кóстя. — Когда́ ему́ показы́вали пять, так он всё вре́мя тверди́л, что э́то четы́ре, а когда́ показáли четы́ре, он говори́т, что э́то пять! А ты говори́шь, что он э́то не назло́ мне де́лает! Я зна́ю, почему́ он на меня́ зли́тся. Утром я неча́янно наступи́л ему́ на ла́пу, так он запóмнил и тепе́рь мстит мне.

Я не знал, хитри́л Лóбзик и́ли не хитри́л, но́ было́ ясно, что из на́шей дрессиро́вки ника́кого́ то́лку не вы́шло. Мо́жет быть, мы с Ши́шкиным бы́ли плохи́е учителя́, а мо́жет быть, сам Лóбзик был никуда́шный учени́к, неспособный к арифме́тике.

— Мо́жет быть, лу́чше призна́ться ма́ме да иди́ти в шко́лу? — сказа́л я Кóсте.

— Нет, нет! Я не могу́! Тепе́рь я уже́ сто́лько прогуля́л. Ма́ма как узна́ет, так и не зна́ю, что с нею́ бу́дет. Шу́точка — де́ло! Если б я о́дин день прогуля́л.

— Тогда́, мо́жет быть, расска́зать Ольге Никола́евне и посоветова́ться с ней? — предложи́л я.

— Нет, мне сты́дно говоря́ть Ольге Никола́евне.

— Ну, ёсли тебѣ стыдно, то, мо́жет быть, я рас-
скаж́у ей?

— Ты? Выдава́ть меня́ пойдёшь? Зна́ть теб́я не
хоч́у бо́льше!

— За́чем, — говорю́, — выдава́ть? Во́все я не со-
бира́юсь теб́я выдава́ть. Ты сам говор́ишь, что тебѣ
стыдно, ну я бы и сказа́л, чтоб тебѣ стыдно не́ было.

— «Стыдно не́ было!» — передразни́л меня́ Ши́ш-
кин. — Да мне в два́дцать раз стыднёй бу́дет, ёсли ты
ска́жешь! Молча́л бы лу́чше, ёсли ниче́го не мо́жешь
приду́мать умне́й!

— Что же де́лать? — спра́шиваю я. — С Ло́бзи-
ком ниче́го не вы́шло. В цирк тебѣ всё равно́ не посту-
пи́ть. Или ты, мо́жет быть, ещё́ наде́ешься Ло́бзика
вы́учить?

— Нет, на него́ я уже́ не наде́юсь. По-мо́ему,
Ло́бзик — это́ и́ли отча́янный плут, и́ли кру́глый осёл.
Всё равно́ из него́ ника́кого то́лку не бу́дет. Мне на́до
друѓую соба́ку доста́ть. Или вот что: лу́чше я акро-
ба́том ста́ну.

— Как же ты акроба́том ста́нешь?

— Ну, бу́ду кувырка́ться и на рука́х ходи́ть. Я уже́
прóбовал, и у меня́ немно́жко получа́ется, то́лько я
не могу́ всё вре́мя вверх нога́ми сто́ять. На́до, чтоб
снача́ла меня́ кто́-нибудь за́ ноги держа́л, а потóм
я и сам смогу́. Вот подержи́ меня́ за́ ноги, я по-
прóбую.

Он встал на четверёньки, я по́днял его́ за́ ноги
квѣрху, и он стал ходи́ть на рука́х по ко́мнате, но ско́-
ро ру́ки у него́ уста́ли и подогну́лись. Он упáл и уда́-
рился голова́й о́б пол.

— Это́ ниче́го, — сказа́л Ши́шкин, подня́вшись и
потира́я уши́бленную го́лову. — Постепенно́ ру́ки у
меня́ окре́пнут, и тогда́ я смогу́ ходи́ть без посторо́н-
ней по́мощи.

— Но ведь на акроба́та до́лго учи́ться на́до, —
говорю́ я.

— Ниче́го, ско́ро зи́мние кани́кулы. Я ка́к-нибудь
дотяну́ до кани́кул.

— А после каникул что будешь делать? Ведь зимние каникулы скоро кончатся.

— Ну, а там как-нибудь дотяну́ до летних каникул.

— Это долго тянуть придётся.

— Ничего́.

Странный это был человек. На всё у него́ был один ответ: «Ничего́». Стоило ему́ придумать какое-нибудь дело, и он уже воображал, что дело сделано. Но я-то видел, что всё это пустая затея и все его́ мечты через несколько дней разлетятся, как дым.

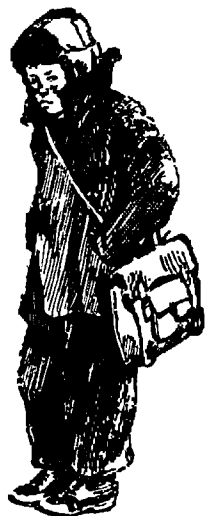
Глава четырнадцатая

Костины мама и тётя вóвсе не догадывались, что он в школу не ходит. Когда его́ мама приходила с работы, она́ первым долгом проверяла его́ уроки, а у него́ всё оказывалось сделано, потому́ что каждый раз я приходил к нему́ и говорил, что задано. Шйшкин так боялся, чтоб мама не догадалась о его́ проделках, что стал делать уроки да́же исправнее, чем когда ходил в школу. Утром он брал сумку с книжками и вместо школы отправлялся бродить по городу. Дома он не мог оставаться, так как тётя Зина занималась во второй смене и уходила в училище поздно. Но шататься без толку¹ по улицам тоже было опасно. Однажды он чуть не встретился с нашей учительницей английского языка́ и поскорей свернул в переулок, чтоб она́ не увидела его́. В другой раз он увидел на улице соседку и спрятался от неё в чужое парадное. Он стал бояться ходить по улицам и забирался куда-нибудь в самые отдалённые кварталы́ города, чтоб не встретить когó-нибудь из знакомых. Ему́ всё время казалось, что все прохожие на улице смотрят на него́ и подозревают, что он нарочно не пошёл в школу. Дни в это время были морозные,

¹ Шататься без толку — ходить без всякого дела.

и шататься по улицам было холодно, поэтому он иногда заходил в какой-нибудь магазин, согревался немножко, а потом шёл дальше.

Я чувствовал, что всё это получилось как-то нехорошо, и мне было не по себе. Шйшкин ни на минуту не выходил у меня из головы. В классе пустое место за нашей партой всё время напоминало мне о нём. Я представлял себе, как, пока мы сидим в тёплом классе, он крадётся по городу совсем один, точно вор, как он прячется от людей в чужие подьезды, как заходит в какой-нибудь магазин, чтоб погреться. От этих мыслей я стал рассеянным в классе и плохо слушал уроки. Дома я тоже всё время думал о нём. Ночью никак не мог уснуть, потому что мне в голову лезли разные мысли, и я старался найти для Шйшкина какой-нибудь выход. Если б я рассказал об этом Ольге Николаевне, то Ольга Николаевна сразу вернула бы Шйшкина в школу, но я боялся, что тогда все считали бы меня ябедой. Мне очень хотелось поговорить об этом с кем-нибудь, и я решил поговорить с Лйкой.

— Слушай, Лйка, — спросил я её. — У вас в классе девочки выдают друг дружку?

— Как это — выдают?

— Ну, если какая-нибудь ученица чего-нибудь натворит, то другая ученица скажет учительнице? Был у вас в школе такой случай?

— Был, — говорит Лйка. — Недавно Петрова сломала на окне гортензию, а Антонина Ивановна подумала на Сидорову и хотела наказать её, сказала, чтоб родители пришли в школу. Но я видела, что это Петрова сломала гортензию, и сказала об этом Антонине Ивановне.

— Зачем же ты сказала? Значит, ты у нас ябеда!

— Почему ябеда! Я ведь правду сказала. Если б

не я, Антонина Ивановна наказала бы Сидорову, которая совсем не виновата.

— Всё равно ябеда, — говорю я. — У нас ребята не выдаёт друг друга.

— Значит, ваши ребята сваливают один на другого.

— Почему сваливают!

— Ну, если б ты в классе сломал гортензию, а учительница подумала на другого...

— У нас, — говорю, — гортензии не растут. У нас в классе кактусы.

— Всё равно. Если бы ты сломал кактус, а учительница подумала на Шишкина, и все бы молчали, и ты бы молчал, значит, ты свалил бы на Шишкина.

— А у Шишкина разве языка нету? Он бы сказал, что это не он, — говорю я.

— Он мог сказать, а его всё-таки подозревали бы.

— Ну и пусть подозревали бы. Никто же не может доказать, что это он, раз это не он.

— У нас в школе не такой порядок, — говорит Лика. — Зачем нам, чтоб кого-нибудь напрасно подозревали? Если кто виноват, сам должен признаться, а если не признаётся, каждый имеет право сказать.

— Значит, у вас там все ябеды.

— Совсем не ябеды. Разве Петрова поступила честно? Антонина Ивановна хочет вместо неё другую наказать, а она сидит и молчит, рада, что на другую подумали. Если б я тоже молчала, значит, я с ней заодно. Разве это честно?

— Ну ладно, — говорю я. — Этот случай совсем особенный. А не было у вас в школе такого случая, чтоб какая-нибудь девочка не явилась в школу, а дома говорила, что в школе была?

— Нет, у нас такого случая не было.

— Конечно, — говорю я. — Разве у вас, девчонок, такбе может случиться! У вас там все примерные ученицы.

— Да, — говорит Лика, — у нас класс хороший. А разве у вас был такой случай?

— Нет. У нас, — говорю, — нет. Тако́го слúчая ещё не́ было.

— А почему́ ты спрашиваешь?

— Так прóсто. Интереснó узнать.

Я перестал разговáривать с Ликой, а сам всё время думал о Шйшкине. Мне очень хотелось посоветоваться с мамой, но я боялся, что мама сейчас же сообщит об этом в школу, и тогда всё пропало. А мама и сама заметила, что со мной что-то неладное творится. Она так внимáтельно поглядывала на меня иногда, будто знала, что я о чём-то хочу поговорить с ней. Мама всегда знает, когда мне нужно что-то сказать ей. Но она никогда не требует, чтоб я говорил, а ждёт, чтоб я сам сказал. Она говорит: если что-нибудь случилось, то гораздо лучше, если я сам признаюсь, чем если меня заставят это сделать. Не знаю, как это мама догадывается. Наверно, у меня просто лицо такое, что на нём всё как будто написано, что у меня в голове. И вот я так сидел и всё поглядывал на маму и думал, сказать ей или не сказать, а мама тоже нет-нет да и взглянет на меня, словно ждёт, чтоб я сказал. И мы долго так переглядывались с ней и оба только делали вид: я — будто книжку читаю, а она — будто рубашку шьёт. Это, наверно, было бы смешно, если бы мне в голову не лезли грустные мысли о Шйшкине.

Наконец-то мама не вытерпела и, усмехнувшись, сказала:

— Ну, докладывай, что у тебя там?

— Как это — докладывай? — притворился я, будто не понимаю.

— Ну говори, о чём хочешь сказать.

— О чём же я хочу сказать? Ни о чём я не хочу сказать, — стал я выкручиваться¹, а сам уже чувствую, что сейчас же обо всём расскажу, и рад, что мама сама об этом заговорила, потому что легче

¹ В ы к р ú ч и в а т ь с я — здесь: оправдываться, стараться выйти из неприятного положения.

ска́зать, когда́ тебя́ спра́шивают, чем когда́ не спра́шивают во́все.

— Бúдто я не ви́жу, что ты о чём-то хóчешь ска́зать! Ты ужé три дня хóдишь как в во́ду опу́щенный и вообража́ешь, что никто́ э́того не замеча́ет. Ну, говори́, говори́! Всё равно́ ведь ска́жешь. Чтó-нибудь в шко́ле случи́лось?

— Нет, не в шко́ле, — говори́ю. — Да нет, — говори́ю, — в шко́ле.

— Что, о́пять небóсь получи́л двóйку?

— Ничего́ я не получи́л.

— Что же с тобо́й случи́лось?

— Да э́то не со мной во́все. Со мной ничего́ не случи́лось.

— С кем же?

— Ну, с Ши́шкиным.

— А с ним что же?

— Да не хóчет учи́ться.

— Как — не хóчет?

— Ну, не хóчет — и всё!

Тут я уви́дел, что проговори́лся, и подúмал: «Ба́тюшки, что же я де́лаю? А вдруг ма́ма за́втра же пойдёт в шко́лу и ска́жет учи́тельнице!»

— Что же, Ши́шкин уро́ков не де́лает? — спроси́ла ма́ма. — Дво́йки получи́ает?

Я уви́дел, что не совсе́м ещё́ проговори́лся, и ска́зал:

— Не де́лает. По ру́сскому у него́ двóйка. Совсе́м не хóчет по ру́сскому учи́ться. У него́ с тре́тьего клáсса запúщено.

— Как же он в четвёртый-то клáсс перешёл?

— Ну, не зна́ю, — говори́ю. — Он к нам из друго́й шко́лы перевёлся. В тре́тьем клáссе у нас не учи́лся.

— Почему́ же учи́тельница не обрати́т на него́ внима́ния? Его́ подтяну́ть на́до.

— Так он, — говори́ю, — хитрый, как лиси́ца! Что на́ дом за́дано, спи́шет, а когда́ в клáссе дикта́нт или сочи́нение, не придёт во́все.

— А ты бы занялся с ним. Ведь думаешь о товарище, огорчаешься из-за него, а помочь не хочешь.

— Поможешь, — говорю, — ему, когда он сам не хочет заниматься!

— Ну, ты растолкуй ему, что учиться надо, действуй на него. Ты вот сумел взяться за дело сам, а ему помощь нужна. Попадётся ему хороший товарищ, и он выправится, и из него настоящий человек выйдет.

— Разве я ему плохой товарищ? — говорю я.

— Значит, не плохой, если думаешь о нём.

Мне стало очень стыдно, что я не сказал маме всей правды, поэтому я поскорей оделся и пошёл к Шišкину, чтоб поговорить с ним как следует.

Странное дело! Почему-то именно в эти дни я по настоящему подружился с Шišкиным и по целым дням думал о нём. Шišкин тоже изо всех сил привязался ко мне. Он скучал по школьным товарищам и говорил, что теперь, кроме меня, у него никого не осталось.

Когда я пришёл, Костя, его мама и тётя Зина сидели за столом и пили чай. Над столом горела электрическая лампочка под большим голубым абажуром, и от этого абажура вокруг было как-то сумрачно, как бывает летним вечером, когда солнышко уже зашло, но на дворе ещё не совсем стемнело. Все очень обрадовались моему приходу. Меня тоже усадили за стол и стали угощать чаем с баранками. Костина мама и тётя Зина принялись расспрашивать меня о моей маме, о папе, о том, где он работает и что делает. Костя молча слушал наш разговор. Он опустил в стакан с чаем половину баранки. Баранка постепенно разбухала в стакане и становилась всё толще и толще. Наконец она раздулась почти во весь стакан, а Костя о чём-то задумался и как будто совсем позабыл о ней.

— О чём это ты там задумался? — спросила его мама.

— Так просто. Я думаю о моём папе. Расскажи о нём что-нибудь.

— Что же рассказывать? Я тебе уже всё рассказала.

— Ну, ты ещё расскажи.

— Вот любит, чтоб ему об отце рассказывали, а сам ведь и не помнит его совершенно, — сказала тётя Зина.

— Нет, я помню.

— Что же ты можешь помнить? Ты был грудным младенцем, когда началась война и твой папа ушёл на фронт.

— Вот помню, — упрямо повторил Шышкин. — Я помню: я лежал в своей кроватке, а папа подошёл, взял меня на руки, поднял и поцеловал.

— Не можешь ты этого помнить, — ответила тётя Зина. — Тебе тогда три недели от роду было.

— Нет. Папа ведь приходил с войны, когда мне уже год был.

— Ну, тогда он забежал на минутку домой, когда его часть проходила через наш город. Тебе про это мама рассказывала.

— Нет, я сам помню, — обиженно сказал Костя. — Я спал, потом проснулся, а папа взял меня на руки и поцеловал, а шинель у него была такая шершавая и колючая. Потом он ушёл, и я больше ничего не помню.

— Ребёнок не может помнить, что с ним в год было, — сказала тётя Зина.

— А я помню, — чуть ли не со слезами на глазах сказал Костя. — Правда, мама, я помню? Вот пусть мама скажет!

— Помнишь, помнишь, — успокоила его мама. — Уж если ты запомнил, что шинель была колючая, значит, всё хорошо помнишь.

— Конечно, — сказал Шышкин. — Шинель была колючая, и я помню и никогда не забуду, потому что это был мой папа, который на войне погиб.

Шышкин весь вечер был какой-то задумчивый.

Я так и не поговорил с ним, о чём хотел, и скоро ушёл домой.

В эту ночь я долго не мог заснуть, всё думал о Шийкине. Как было бы хорошо, если бы он учился исправно, ничего бы такого с ним не произошло! Вот я, например: я ведь тоже неважно учился, а потом взял себя в руки и добился, чего хотел. Всё-таки мне было, конечно, легче, чем Шийкину: у меня есть отец. Я всегда люблю брать с него пример. Я вижу, как он добивается чего-нибудь по своей работе, и тоже хочу быть таким, как он. А у Шийкина отца нет. Он погиб на войне, когда Костя был совсем маленьким. Мне очень хотелось помочь Косте, и я стал думать, что если бы начать с ним как следует заниматься, то он может выправиться по русскому языку, и тогда учёба у него пойдёт успешно.

Я размышлялся об этом и решил, что буду заниматься с ним каждый день, но тут же вспомнил, что о занятиях нечего и мечтать, пока он не вернётся в школу.

Я принялся думать, как бы уговорить его, но мне стало понятно, что уговоры тут не помогут, так как Костя слабохарактерный и теперь уже не решится признаться матери.

Мне стало ясно, что с Костей надо действовать твёрдо. Поэтому я решил пойти к нему завтра после школы и поговорить серьёзно. Если он не захочет признаться матери и не вернётся в школу по своей воле, то я пригрожу, что не буду больше врать Ольге Николаевне и не стану его защищать, потому что от этого для него получается только вред. Если он не поймёт, что это для него же пользы, то пусть обижается на меня. Ничего! Я перетерплю, а потом он сам увидит, что я не мог поступить иначе, и мы снова подружимся с ним. Как только я это решил, у меня на душе стало легче, и мне сделалось стыдно, что я до сих пор ничего не сказал маме. Я тут же хотел встать и рассказать обо всём, но было поздно и все давно уже спали.

Глава пятнадцатая

На друго́й день всё вы́шло не так, как я ожида́л. Я хоте́л после уро́ков зайти́ к Ши́шкину и в послед́ний раз серьёзно погово́рить с ним. Но так как я всем говори́л в шко́ле, что Ши́шкин бо́лен, то всё на́ше звено́ реши́ло навести́ть больно́го товари́ща. Сейча́с же после уро́ков я помча́лся к Ши́шкину, чтоб предупреди́ть его́. Прибега́ю к нему́. Он уви́дел меня́ и говори́т:

— Зна́ешь, я могу́ уже́ вверх нога́ми стоя́ть! Ну́жно стать у стёнки, переверну́ться и держа́ться нога́ми за стёнку.

— Некогда, — говори́ю, — сейча́с вверх нога́ми стоя́ть. Ложи́сь скорее́ в постель.

— Заче́м?

— Ну, ты ведь бо́лен.

— Как — бо́лен?

— Да я ведь всем говори́л в шко́ле, что ты бо́лен. Сам ведь проси́л!

— Ну, проси́л!

— А тепе́рь вот сейча́с к тебе́ ребята́ придут.

— Да что ты!

Тут он моментально нырну́л¹ в постель, как был, в оде́жде, в боти́нках, и накры́лся одея́лом.

— Что же мне говори́ть ребята́м? — спра́шивает.

— Что ж говори́ть? Говори́, что бо́лен. Бо́льше говори́ть не́чего.

Скоро́ пришли́ ребята́. Они́ раздели́сь в коридоре́ и вошли́ в ко́мнату. Ши́шкин натяну́л одея́ло до са́мого подбородка́ и с беспоко́йством поглядывал на ребята́.

Реба́та говори́т:

— Здравствуй, Ши́шкин!

— Здравствуйте, ребята́! — говори́т он.

А го́лос у него́ тако́й сла́бый-сла́бый! Ну́ прямо настоя́щий больно́й!

¹ Моментально нырну́л — здесь: очень бы́стро спря́тался, лёг.

- Вот зашли тебя навестить, — сказал Юра.
- Спасибо, ребята, садитесь.
- Ну, как ты себя чувствуешь? — спросил Вáня.
- Да так...
- Лежишь?
- Лежy вот.
- Скучно тебе небось лежать всё время? — спрашивает Лёня.
- Скучно.
- Ты один весь день?
- Один. Мама на работе. Тётя в училище.
- Мы теперь будем к тебе приходить почаще. Ты извини, что мы не приходили: думали — ты скоро вы- здоровеешь и сам придёшь.
- Ничего, ребята, ко мне Витя каждый день при- ходит.
- Мы к тебе тоже будем каждый день приходить, хочешь? — предложил Слава.
- Хочу, — говорит Шйшкин.
- Не мог же он сказать — не хочу!
- А что у тебя болит? — спросил Юра.
- Всё болит: и руки и ноги...
- Что ты? И даже ноги?
- Да. И голова.
- И что? Всё время болит?
- Нет, не всё. То пройдёт, пройдёт, а потом как заболит, заболит!
- У нас в квартире у одного мальчика тоже вот так всё болело. У него ревматизм был, — сказал Вá- ся Ерóхин. — Может быть, и у тебя ревматизм?
- Может быть, — говорит Шйшкин.
- А доктор что говорит? — спросил Вáня.
- Ну, что он говорит!.. Что ему говорить? Ну, высу- нь язык, говорит. Скажи «а», говорит.
- А какая болезнь — не говорит?
- Болезнь эта вот... как её?.. Апендикóкс.
- Что же это за болезнь такая — апендикóкс?
- Сам не знаю, — пожал Шйшкин плечами.
- А чем тебя лечат?

— Лекарством.
— Каким?
— Не знаю, как называется. Микстура.
— Горькая или сладкая?
— Горькая! — сказал Шишкин и скрочил такую физиономию, будто на самом деле микстуры попробовал.

— Когда я был больно́й, мне то́же миксту́ру дава́ли. Ох, и го́рьковую! Я не хоте́л пить, — сказа́л Дми́тра Бала́кирев.

— Я то́же не хочу́.

— Нет, ты лу́чше пей, скорей попра́вишься.

— Я и то пью.

— Это ниче́го, что го́рьковая, — сказа́л Ле́ня. — Ты вы́пей миксту́ры, а пото́м ло́жку са́хару в рот.

— Хорошо́.

— А об уро́ках не беспоко́йся. Вот начнёшь попра́вляться, мы тебе́ бу́дем уро́ки носить и бу́дем помога́ть учи́ться. Ты наго́нишь.

— Ниче́го, нагоню́! — говори́т Ши́шкин.

Тут я заме́тил, что из-под одея́ла вы́совывается нога́ Ши́шкина в боти́нке. Я испуга́лся. Ду́маю: вдруг кто́-нибудь из ребя́т заме́тит! Но ребя́та разгово́ривали с ним и не замеча́ли боти́нка. Я подоше́л потихо́ньку и накры́л одея́лом боти́нок.

— Ну, ребя́та, — говори́ю, — он пока́ ещё сла́бый, так что вы не утомля́йте его́. Иди́те себе́ домо́й.

Ребя́та ста́ли проща́ться:

— Ну, до свиданья́. Выздо́равливай, попра́вляйся. Мы к тебе́ за́втра зайдём.

Ребя́та ушли́. Ши́шкин вскочи́л с постели́ и запры́гал по ко́мнате.

— Вот как всё хорошо́ вы́шло! — закрича́л он. — Никто́ не догада́лся. Всё в по́рядке!

— Ну, не́чего ра́доваться! — сказа́л я. — Мне с то́бой ну́жно серьё́зно погово́рить.

— О че́м?

— О том, что тебе́ на́до в шко́лу верну́ться.

— Я и сам знаю, что надо, а как я теперь могу? Ты же сам видишь, что не могу.

— Ничего я не вижу! Я решил сегодня с тобой в последний раз поговорить: если ты завтра же не придёшь в школу, то я сам скажу Ольге Николаевне, что ты не больной вовсе.

— Зачем? — удивился Костя.

— Затем, что тебе надо учиться, а не гулять. Всё равно из тебя никакого акробата не выйдет.

— Почему не выйдет? Посмотри, как я уже научился вверх ногами стоять!

Он подошёл к стенке и стал вверх ногами.

Тут отворилась дверь, и вошёл Лёня.

— Послушай, — говорит, — я перчатки забыл... А это что? Послушай, ты чего вверх ногами стоишь?

Шишкин вскочил на ноги и растерянно остановился.

— Так вот ты какой больной! — воскликнул Лёня.

— Честное слово, больной! — сказал Шишкин и покраснел, как варёный рак.

Он забхал и заковылял к постели.

— Брось притворяться! Говорил, руки-ноги болят, а сам тут вверх ногами ходишь!

— Честное слово, болят!

— Ну, не ври, не ври! И когда ты успел одеться? Ты, значит, одетый в постели лежал?

— Ну ладно, я тебе открою секрет, только ты поклянись, что никому не скажешь.

— Зачем я буду клясться?

— Ну, тогда я ничего не скажу.

В это время в коридоре слышались чьи-то шаги. Дверь приоткрылась, в комнату заглянул Ваня и сказал:

— Ты скоро, Лёня? Мы тут тебя все ждём.

— Ну-ка, иди сюда, Ваня! Он, оказывается, вовсе не болен!

— Не болен? — удивился Ваня и вошёл в комнату.

— Кто не болен? — слышался из коридора голос Юры.

Юра тоже вошёл в комнату, а за ним остальные ребята.

— Да вот он, Шишкин, не болен, — ответил Лёня.

— Как так?

— Да вот так: вхожу, а он тут вверх ногами стоит!

— Что же это такое? — заговорили ребята. — Зачем ты нас обманывал?

— Это я так просто, ребята... — стал оправдываться Шишкин. — Я просто пошутил.

— Что это ещё за шутки такие?

— Вот такие вот шутки! — развёл Костя руками.

— Мы о нём беспокоились, — говорит Ваня, — всем звеном пришёл навестить, а он тут, оказывается, шутки шутит: больным притворяться вздумал!

— Я больше не буду, ребята, вот увидите... — пролепетал Шишкин.

— А почему ты в школу не ходишь? — спросил Юра. — Ты нарочно решил притворяться больным, чтоб не ходить в школу!

— Я вам всё расскажѹ, ребята, только вы не сердитесь. Я не хотѣл обманѹть вас. Прѣсто я решил циркачѣм стать.

— Как ѣто циркачѣм? — удивились все.

— Ну, поступлю в цирк и бѹду цирковѣм акробатѣм.

— Ты что, рехнулся?¹

— И ничѹть не рехнулся.

— Кто же тебѹ возьмѣт в цирк? — спросил Вѹня.

— А откѹда, ты дѹмаешь, цирковѣе артисты берутся?

— А почему же ты все-таки в шкѣлу не хѣдишь?

— Не хочѹ бѣльше учѣться. Я и так ужѣ все зѹаю.

— Как — все?

— Ну, все, что нѹжно цирковѣму артисту.

— Что же ты дѹмаешь, цирковѣй артист мѣжет неучем быть?

— Почему — неучем? Кое-чему я ужѣ вѹучился.

— «Вѹучился!» А пѣшешь с ошѣбками! Нѹдосначала окѣнчить шкѣлу, а потѣм идѣти в цирковѣе училище. Цирковѣй артист тѣже дѣлжен быть образованным. Ты бы сначала посоветовался с Ольгой Николаѣвной, — сказал Юра.

— Бѹдто я не зѹаю, что Ольга Николаѣвна скажет! — отвѣтил Шѣшкин.

— По-мѣему, ребята, он не дѣло затѣял, — сказал Игорь. — Пусть перестѹнет выдѹмывать и являѣтся зѹвтра в шкѣлу.

— А ѣсли зѹвтра же не явится, мы скажем Ольге Николаѣвне, — заявил Юра.

— Ну, и бѹдете ябеды! — отвѣтил Шѣшкин.

— Не бѹдем, — сказал Юра. — Раз мы предупредили тебѹ, знѹчит, не ябеды.

— Вот попробѹй, не придѣ зѹвтра в шкѣлу, тогда узнаѣешь! — сказал Игорь. — Нѣчего тебѣ гуляѣть. Нѹдо учѣться.

¹ Рехнулся (рехнѹться) — сошел с ума, лишилсѹ ра-зума.

Тут снова послышались шаги в коридоре, и кто-то постучал в дверь. Шийкин, вместо того чтобы отворить, юркнул, как мышь, в постель и накрылся одеялом. Я отворил дверь и увидел Ольгу Николаевну.

— О, да тут всё звенó! — сказала Ольга Николаевна, входя в комнату. — Решили навестить больного товарища?

Все ребята молчали, и никто не знал, что сказать.

Костя смотрел на Ольгу Николаевну во все глаза и изо всех сил натягивал на себя одеяло, будто решил закутаться в него с головой. Ольга Николаевна подошла к нему:

— Что ж это ты, Костя, расхворался у нас? Что у тебя болит?

— Ничего у него не болит! — сказал Юра. — Он вообще не болен.

— Как — не болен?

— Ну, не болен, и всё!

Шийкин увидел, что теперь уже всё равно всё пропало. Он вышел из-под одеяла, уселся на кровати и, свесив голову вниз, стал смотреть на пол. Ольга Николаевна обвела взглядом ребят, увидела меня и сказала:

— Почему же ты, Витя, говорил мне, что Костя болен?

От стыда я не знал куда деваться.

— Почему же ты молчишь? Ты мне неправду сказал?

— Это не я сказал. Это он сказал, чтоб я сказал. Я и сказал.

— Значит, Костя просил тебя обмануть меня?

— Да, — пролепетал я.

— И ты обманул?

— Обманул.

— И ты думаешь, хорошо сделал?

— Но он ведь просил меня!

— Ты думаешь, что оказал ему хорошую услугу, обманывая меня?

— Нет.

— Почему же ты это сделал?
— Ну, я думал, что нельзя же товарища выдавать!
— Как — выдавать? Это врагу нельзя выдавать, а я разве ваш враг?

Я не знал, что сказать, и молча смотрел на пол.

— Не думала я, что мой ученики считают меня врагом! — сказала Ольга Николаевна.

— Мы не считаем, Ольга Николаевна, — сказал Ваня. — Разве мы считаем?

— Почему же никто не сказал мне?

— Да ведь никто и не знал. Мы только сегодня пришли, и вот всё выяснилось.

— Ну хорошо, об этом поговорим после... Почему же ты, Костя, не ходил в школу?

— Я боялся, — пробормотал Костя.

— Чего ты боялся?

— Что вы записку от мамы спросите.

— Какую записку?

— Ну, записку, что я пропустил, когда был диктант.

— Почему же ты пропустил, когда диктант был?

— Боялся.

— Чего?

— Двойку получить боялся.

— Значит, ты нарочно пропустил, когда писали диктант, а потом не приходил, потому что у тебя не было записки от матери?

— Да.

— Что же ты думал делать, когда решил не ходить в школу? — спросила Ольга Николаевна.

— Не знаю.

— Но ведь какие-то планы у тебя были?

— Какие у меня планы!

— Он решил сделаться цирковым акробатом, — сказал Юра.

— В цирковую школу без семилетнего образования не берут. Да ещё там надо лет пять учиться. Не мог же ты сразу стать цирковым артистом! — сказала Ольга Николаевна.

— Не мог, — согласился Шйшкин.

— Вот видишь. Не обдумав ничего, так сразу и решил не ходить в школу. Разве так можно?

Шйшкин молчал.

— Что же ты теперь думаешь делать?

— Не знаю.

— А ты подумай.

Шйшкин помолчал, потом взглянул на Ольгу Николаевну исподлобья и сказал:

— Я хочу вернуться в школу!

— Что ж, это самое лучшее, что ты мог придумать. Только условие: ты должен дать обещание, что исправишься и будешь хорошо учиться.

— Я теперь буду хорошо, — сказал Шйшкин.

— Ну, смотри. Завтра с утра приходи в школу, а я попрошу директора, чтоб он разрешил тебе продолжать учиться.

— Я приду.

Ольга Николаевна сказала нам всем, чтобы мы шли домой делать уроки.

Костя увидел, что она не собирается уходить, и сказал:

— Ольга Николаевна, я хочу вас попросить: не говорите маме!

— Почему? — спросила Ольга Николаевна.

— Я теперь буду хорошо учиться, только не говорите!

— Значит, ты хочешь продолжать обманывать маму? И ещё хочешь, чтобы я тебе помогала в этом?

— Я не буду больше обманывать маму. Мне так не хочется огорчать её!

— А если мама узнает, что мы с тобой вместе обманывали её? Ведь она будет огорчена ещё больше. Правда?

— Правда.

— Вот видишь, надо маме сказать. Но так как ты обещаешь взяться за учёбу как следует, то я попрошу маму, чтобы она не очень сердилась на тебя.

— Я обещаю.

— Вот и договорились, — сказала Ольга Николаевна. — А сейчас бері книги, и будем заниматься.

Я ушёл домой вместе с ребятами и не знаю, что было дальше.

Глава шестнадцатая

И вот на другой день Шішкин явился в класс. Он не знал, как себя вести, и смущённо поглядывал на ребят, но, видя, что его никто не стыдит, он успокоился и сел рядом со мной. Пустое место за нашей партой заполнилось, и я почувствовал облегчение, будто у меня в груди тоже что-то заполнилось и стало на своё место.

Ольга Николаевна ничего не сказала Шішкину, и уроки шли, как обычно, своим порядком. На перемене к нам пришёл Володя, ребята стали рассказывать ему про этот случай. Я думал, что Володя станет стыдить Шішкина, а Володя вместо этого стал стыдить меня.

— Ты ведь знал, что твой товарищ поступает неправильно, и не помог ему исправить ошибку, —

сказал Володя. — Надо было поговорить с ним серьёзно, а если бы он тебя не послушался, надо было сказать учительнице, или мне, или ребятам. А ты от всех скрывал.

— Будто я с ним не говорил! Я сколько раз ему твердил об этом! Что я мог сделать? Он ведь сам решил не ходить в школу.

— А почему решил? Потому что плохо учился. А ты помог ему учиться лучше? Ты ведь знал, что он плохо учится?

— Знал, — говорю. — Это всё у него из-за русского языка. Он всегда у меня русский списывал.

— Вот видишь, если б ты по-настоящему заболел о своём друге, то не давал бы ему списывать. Настоящий друг должен быть требовательным. Какой же ты товарищ, если мирисься с тем, что твой друг поступает нехорошо? Такая дружба ненастоящая — это ложная дружба.

Все ребята начали говорить, что я ложный друг, а Володя сказал:

— Давайте после уроков соберёмся, ребята, и поговорим обо всём.

Мы решили собраться после уроков, но как только занятия кончились, Ольга Николаевна подозвала меня и Шейкина и сказала:

— Костя и Витя, зайдите сейчас к директору. Он хочет поговорить с вами.

— А о чём? — испугался я.

— Вот он вам и расскажет о чём. Да вы идите, не бойтесь! — усмехнулась она.

Мы пришли в кабинет директора, остановились на пороге и сказали:

— Здравствуйте, Игорь Александрович!

Игорь Александрович сидел за столом и что-то писал.

— Здравствуйте, ребята! Заходите и садитесь вот на диван, — сказал он, а сам продолжал писать.

Мы всё-таки боялись сесть, потому что диван стоял очень близко возле директора, и поэтому остались

у двери. Там нам казалось безопаснее. Игорь Александрович кончил писать, снял очки и сказал:

— Садитесь. Чего же вы стоите?

Мы подошли и сели. Диван был кожаный, блестящий. Кожа была скользкая, и я всё время съезжал с дивана, потому что сел с краю, а усесться на нём как следует я не решался. И так я мучился в продолжение всего разговора — а разговор получился длинный! — и от такого сидения устал больше, чем если бы всё это время стоял на одной ноге.

— Ну, расскажи, Шишкин, как это тебе пришло в голову стать прогульщиком? — спросил Игорь Александрович, когда мы сели.

— Не знаю, — чуть слышно ответил Шишкин.

— Гм! — сказал Игорь Александрович. — Кто же об этом может знать, как ты думаешь?

— Н-не знаю, — снова пролепетал Шишкин.

— Может быть, по-твоему, я знаю?

Шишкин исподлобья взглянул на Игоря Александровича, чтоб узнать, не шутит ли он, но лицо у директора было серьёзное. Поэтому он снова ответил:

— Не знаю.

— Что это, братец, у тебя на всё один ответ: «Не знаю». Уж если разговаривать, то давай разговаривать серьёзно. Ведь я не просто из любопытства спрашиваю тебя, почему ты не ходил в школу.

— Так просто. Я боялся, — ответил Шишкин.

— Чего же ты боялся?

— Я боялся диктанта и пропустил, а потом боялся, что Ольга Николаевна спросит записку от матери, вот и не приходил.

— Почему же ты боялся диктанта? Что он, такой страшный?

— Я боялся получить двоек.

— Значит, ты плохо готовился по русскому языку?

— Плохо.

¹ Прогульщиком (прогульщик) называют человека, который не явился на работу без уважительной причины.

— Почему же ты плохо готовился?
— Мне трудно.
— А по другим предметам тебе тоже трудно учиться?

— По другим легче.
— Почему же по русскому трудно?
— Я отстал. Не знаю, как слова писать.
— Так тебе подогнать надо, а ты, наверно, мало по русскому занимаешься?

— Мало.
— Почему же?
— Ну, он у меня не идет. Историю я прочитаю или географию — и уже знаю, а тут как напишу, так обязательно ошибки будут.

— Вот тебе и нужно побольше по русскому заниматься. Надо делать не только то, что легко, но и то, что трудно. Если хочешь научиться, то должен и потрудиться. Вот скажи, Малеев, — спросил Игорь Александрович меня, — ты ведь не успеваешь раньше по арифметике?

— Не успеваешь.
— А теперь стал лучше учиться?
— Лучше.
— Как же это у тебя вышло?
— А я сам захотел. Мне Ольга Николаевна сказала, чтоб я захотел, и я захотел и принялся добиваться.

— И добился-таки?
— Добился.
— Но тебе ведь сначала было, наверно, трудно?
— Сначала было трудно, а теперь мне совсем легко.

— Вот видишь, Шышкин! Возьми пример с Малеева. Сначала будет трудно, а потом, когда одолеешь трудность, будет легко. Так что берись за дело, и у тебя все выйдет.

— Хорошо, — сказал Шышкин, — я попробую.
— Да тут и пробовать нечего. Надо сразу брать, и дело с концом.

— Что это, братец, у тебя на всё один ответ: «Не знаю».

— Ну, я попытаюсь, — ответил Шíšкин.

— Это всё равно, что попробовать, — сказал Игорь Александрович. — Вот и видно, что у тебя нет силы воли. Чего ты боишься? У тебя есть товарищи. Разве они не помогут тебе? Ты, Малеев, ведь друг Шíšкина?

— Да, — говорю я.

— Ну, так помоги ему подтянуться по русскому языку. Он очень запустил этот предмет, и ему одному не справиться.

— Это я могу, — говорю, — потому что сам был отстающим и теперь знаю, с какого конца нужно братья за это дело.

— Вот-вот! Значит, попробуешь? — улыбнулся Игорь Александрович.

— Нет, — говорю, — и пробовать не буду. Сразу начну заниматься с ним.

— Хорошо. Это мне нравится, — сказал Игорь Александрович. — У тебя общественная работа есть?

— Нету, — говорю.

— Вот это и будет твоё общественная работа на первое время. Я советовался с Ольгой Николаевной, и она сказала, что ты сумеешь помочь Шíšкину. Уж если ты сам себе сумел помочь, то и другому поможешь. Только отнесись к этому делу серьёзно.

— Я буду серьёзно, — ответил я.

— Следй, чтоб он все задания выполнял самостоятельно, вóвремя, чтобы всё доводил до конца. За него ничего делать не надо. Это будет плохая помощь с твоей стороны. Когда он научится работать сам, у него появится и сила воли, и твоё помощь ему уже будет не нужна. Понятно это тебе?

— Понятно, — сказал я.

— А ты, Шíšкин, запомни, что все люди должны честно трудиться.

— Но я ведь ещё не трудюсь... не тружусь, — пролепетал Шíšкин.

— Как так не трудишься? А учёба разве не труд? Учёба для тебя и есть самый настоящий труд. Взрос-

лые рабóтают на заводах и фáбриках, в колхóзах и совхóзах, стрóят электростáнции, соединяют канáлами рéки и моря, орошáют пустыни, насаждáют лесá. Вíдишь, как мнóго дел!.. А дéти учатся в шкóлах, чтóбы в бóдущем стать образованными и, в свою óчередь, принести нáшей рóдине как мóжно бóльше пóльзы. Рáзве ты не хочешь приносить рóдине пóльзу?

— Хочу.

— Вот вíдишь! Но, мóжет быть, ты дúмаешь, достáточно сказáть прóсто «хочу»? Нáдо быть стóйким, упóрным, без упóрства ты ничегó не достíгнешь.

— Я бóду тепérь упóрным.

— Вот хорошó, — сказáл Игорь Алексáндрович. — Нáдо быть чéстным. А рáзве ты чéстен? Ты обмáнывал мать, обмáнывал учíteльницу, обмáнывал своих товáрищей.

— Я бóду чéстным тепérь.

— Постарáйся, — сказáл Игорь Алексáндрович. — Но éто ещё не всё. Нáдо любíть своих товáрищей.

— Рáзве я не люблó их? — удивíлся Шíшкин.

— Где же любíшь! Брóсил их всех и решíл без них обóйтись. Рáзве éто любóвь?

— Но я ведь скучáл по ним! — чуть ли не со слезáми на глазáх восклíкнул Шíшкин.

— Ну хорошó, что хоть скучáл, но бóдет ещё лóчше, ёсли ты бóдешь чóвствовать, что без товáрищей тебе не прожítь, чтоб дáже в гóлову не приходíло бросáть их.

— Я бóду бóльше любíть, — сказáл Шíшкин.

— Что же ты дéлал, голóбчик, покá не ходíл в шкóлу? — спросíл его Игорь Алексáндрович.

Мы рассказáли, как учíли Лóбзика считáть. Игорь Алексáндрович очень заинтересовáлся éтим и подрóбно расспрáшивал, как мы éто дéлали.

— Да рáзве же мóжно научíть собáку считáть, как человекá? — сказáл наконéц он.

— А как же считáла та собáка в цíрке?

Игорь Алексáндрович засмеялся:

— Та собáка вóвсе не умéла считáть. Её в́учили

только лаять и останавливаться по сигналу. Когда собака пролаёт столько раз, сколько нужно, дрессировщик даёт ей незаметный для публики сигнал, и собака перестаёт лаять, а публике кажется, что собака сама лает, сколько нужно.

— Какой же сигнал даёт дрессировщик? — спросил Костя.

— Ну, он незаметно кивает головой, или машет рукой, или потихоньку щёлкает пальцами.

— Но наш Лобзик иногда считает правильно и без сигнала, — сказал Костя.

— Собаки очень наблюдательны, — сказал Игорь Александрович. — Ты сам незаметно для себя можешь кивать головой или делать какое-нибудь движение телом как раз в то время, когда Лобзик пролаёт столько раз, сколько нужно, вот он подмечает это и старается угадать. Но так как твои телодвижения очень неуловимы, то он и ошибается часто. Для того чтобы он лаил правильно, приучите его к какому-нибудь определённомu сигналу, например щёлкайте пальцами.

— Я возьмусь за это, — сказал Костя. — Только я сначала подтянусь по русскому языку, а потом буду учить Лобзика.

— Вот правильно! А когда у нас будет вечер в школе, можете выступить со своей дрессированной собакой.

Мы так боялись, что Игорь Александрович придумает для нас какое-нибудь наказание, но он, видно, и не собирался наказывать нас, а хотел только объяснить нам, что надо учиться лучше.

Глава семнадцатая

Когда мы вышли из кабинета директора, то увидели, что Володя и все ребята дожидались нас в коридоре. Они моментально окружили нас и стали спрашивать:

— Ну что? Что вам Игорь Александрович сказа́л? Что вам бу́дет?

— Прости́л. Тепе́рь уже́ ниче́го не бу́дет, — отве́тил я.

— Ну вот и хорошо́! — обра́довался То́ля. — Пойде́мте в пионе́рскую ко́мнату, погово́рим. На́до погово́рить.

Мы все гу́рью́ пошли́ в пионе́рскую ко́мнату. Ши́шкин воше́л последи́м.

— Иди́, иди́, Ши́шкин, не бо́йся! — говори́л Юра. — Никто́ тебя́ руга́ть не бу́дет.

Мы се́ли вокру́г стола́, и Воло́дя сказа́л:

— Тепе́рь погово́рим, ребя́та, как помо́чь Ши́шкину. Он пло́хо учи́лся и в конце́ концов доше́л до того́, что совсе́м переста́л ходи́ть в шко́лу. Но мы все то́же виновáты в э́том. Мы не обраща́ли внима́ния на то, как он учи́тся, и не помогли́ ему́ во́время.

— Мы, коне́чно, то́же виновáты, — отве́тил Ва́ня. — Но и Ши́шкин до́лжен пони́ть, что на́до учи́ться лу́чше. Если он не возме́тся тепе́рь, то э́то о́пять мо́жет пло́хо ко́нчиться.

— Пра́вда, Ши́шкин, то́лько ты не обижа́йся, э́то о́пять мо́жет пло́хо ко́нчиться, — сказа́л Юра. — А мы помо́жем тебе́, че́стное сло́во! Все́, что на́до, сде́лаем.

— А как помога́ть? — сказа́л Ле́ня Аста́фьев. — Мы ведь ему́ помо́щника вы́делили. Ви́дно, Али́к Со́рокин пло́хо занима́лся с ним, раз такие́ результа́ты.

— Мо́жет быть, вы и не занима́лись совсе́м? — спроси́л Воло́дя Али́ка.

— Почему́ «не занима́лись»? Мы занима́лись! — отве́тил Али́к.

— Ско́лько же раз вы занима́лись?

— Ну, я не по́мню. Ра́за два и́ли три.

— Ра́за два и́ли три? — удиви́лся Юра. — Да ты до́лжен был ка́ждый день занима́ться с ним, а не ра́за два и́ли три. Сам обеща́л на собра́нии. Мы тебе́ э́то де́ло дове́рили, а ты не оправда́л дове́рия!

— Как же я мог оправда́ть дове́рие? — сказа́л Али́к. — К нему́ приде́шь, а его́ до́ма нет. Или при-

дѣшь, а он говорит: «Я сегодня не в настроении заниматься». Ну, я и бросил.

— Ишь ты, «бросил»! — сказал Юра. — Ты должен был на звенѣ поставитъ вопросъ, чтобъ звенѣ помогло. Шішкин у нас неорганизованный. Ты вот хорошо учишься, о себѣ позаботился, а о товарище позаботиться не захотѣл... Ну ладно, я тоже виноватъ, что не проверил тебя.

— Я теперь буду хорошо заниматься с Шішкиным, — сказал Алик. — Я шахматами увлекся, поэтому так и вышло.

— Нет, — отвѣтил Володя, — больше мы тебѣ этого дѣла не доверим.

— Теперь я буду с Шішкиным заниматься, — сказал я. — Мне Игорь Александрович велѣл.

— Что ж, — сказал Володя, — раз тебѣ Игорь Александрович назначил, то и мы тебѣ на это дѣло выделим. Правда, ребята?

— Конечно, — согласились ребята. — Пусть занимается, раз Игорь Александрович сказал.

Сбор кончился, и мы вышли на улицу. Шішкин по дорогѣ долго молчалъ, всё думал о чѣм-то, потомъ сказалъ:

— Вот, оказывается, какой я скверный! Никакой у меня силы воли нет! Ни к чему я не способный. Ничего из меня путного¹ не выйдет!

— Нет, почему же? Ты не такой уж скверный, — попробовал я утѣшить его.

— Нет, не говори, я знаю. Только я сам не хочу быть такимъ. Я исправлюсь. Вот ты увидишь. Честное слово, исправлюсь! Только ты уж, пожалуйста, помоги мне! Тебѣ ведь Игорь Александрович велѣл. Ты не имѣешь права отказываться!

— Да я и не отказываюсь, — говорю я. — Только ты меня слушайся. Давай начнемъ заниматься с сегодняшнего же дня. После обѣда я придѣ к тебѣ, и начнемъ заниматься.

¹ Путного (путный) — дельного, хорбшого, полѣзного.

После обеда я сейчас же отправился к Шйшкину и ещё на лестнице услышал собачий лай. Захожу в комнату, смотрю — Лобзик уже сидит на стуле и лает, а Костя щёлкает пальцами у него перед самым носом.

— Это, — говорит, — я его приучаю к сигналу, как Игорь Александрович учил. Давай немножко занимаемся с Лобзиком, а потом начнём делать уроки. Всё равно ведь Лобзика учить надо.

— Э, брат, — говорю я, — сам сказал, что с Лобзиком начнёшь заниматься после того, как исправишься по русскому языку, и уже передумал.

— Кончено! — закричал Шйшкин. — Пошёл вон, Лобзик! Вот, даже смотреть на него не стану, пока не исправлюсь по русскому. Скажи, что я тряпка, если увидишь, что я занимаюсь с Лобзиком. Ну, с чего мы начнём?

— Начнём, — говорю, — с русского.

— А нельзя ли с географии или хотя бы с арифметики?

— Нет, нет, — говорю. — Я уж на собственном опыте знаю, кому с чего начинать надо. Что нам по русскому задано?

— Да вот, — говорит, — суффиксы «очк» и «ечк», и ещё мне Ольга Николаевна задала повторить правило на безударные гласные и сделать упражнение.

— Вот с этого ты и начнёшь, — сказал я.

— Ну ладно, давай начнём.

— Вот и начинай. Или, может быть, ты думаешь, что я с тобой буду это упражнение делать? Ты всё будешь делать сам. Я только проверять тебя буду. Надо приучаться всё самому делать.

— Что ж, хорошо, — вздохнул Шйшкин и взялся за книгу.

Он быстро повторил правило и принялся делать упражнение. Это упражнение было очень простое. Нужно было списать примеры и вставить в словах пропущенные буквы. Вот Шйшкин писал, писал, а

я в это время учил географию и делал вид, что не обращаю на него внимания. Наконец он говорит:

— Готово!

Я посмотрел... Батюшки! У него там ошибок целая куча! Вместо «горá» написал «гарá», вместо «весёлый» — «висёлый», вместо «тяжёлый» — «тижёлый».

— Ну-ну! — говорю. — Нароботал же ты тут!

— Что, очень много ошибок сделал?

— Да не так чтоб уж очень много, а если сказать по правде, порядочно.

— Ну вот! Я так и знал! Мне никогда удачи не будет! — расстроился Костя.

— Здесь не в удаче дело, — говорю я. — Надо знать, как писать. Ты ведь учил правило?

— Учил.

— Ну, скажи: что в правиле говорится?

— В правиле? Да я уж и не помню.

— Как же ты учил, если не помнишь?

Я заставил его снова прочитать правило, в котором говорится о том, что безударные гласные проверяются ударением, и сказал:

— Вот ты написал «тижёлый». Почему ты так написал?

— Наверно, «тежёлый» надо писать?

— А ты не гадай. Знаешь правило — пользуйся правилом. Измени слово так, чтоб на первом слого было ударение.

Шышкин стал изменять слово «тяжёлый» и нашёл слово «тяжесть».

— А! — обрадовался он. — Значит, надо писать не «тижёлый» и не «тежёлый», а «тяжёлый».

— Верно, — говорю я. — Вот теперь возьми и сделай упражнение снова, потому что ты делал его и совсем не пользовался правилом, а от этого никакой пользы не может быть. Всегда надо думать, какую букву писать.

— Ну ладно, в другой раз я буду думать, а сейчас пусть так останется.

— Э, брáтец, — говорю, — так не годится! Уж если ты обеща́л слúшаться меня, слúшайся.

Шйшкин со вздо́хом принялся де́лать упражне́ние снова. На э́тот раз он о́чень спешил. Бúквы у него лепи́лись в тетра́дке и вкривь и вкось, ва́лились на́бок, подскáкивали кве́рху и заезжа́ли вниз. Ви́дно бы́ло, что ему́ уже́ надо́ело занима́ться.

Тут к нам пришёл Юра. Он уви́дел, что мы занима́емся, и сказа́л:

— А, занима́етесь! Вот э́то хоро́шо! Что вы тут де́лаете?

— Упражне́ние, — говорю. — Ему́ Ольга Никола́евна задала́.

Юра загляну́л в тетра́дь.

— Что же ты тут пи́шешь? На́до писа́ть «зуб», а ты написа́л «зуп».

— А како́е тут пра́вило? — спра́шивает Шйшкин. — У меня́ пра́вило на безуда́рные гласные, а э́то ра́зве безуда́рная гласная?

— Тут, — говорю, — тако́е пра́вило, что на́до внима́тельно спи́сывать. Смотри́, что в кни́жке написа́но? «Зуб»!

— Тут то́же есть пра́вило, — сказа́л Юра. — На́до изме́нить сло́во так, что́бы по́сле согласной, кото́рая слы́шится неясно, сто́яла гласная бúква. Вот изме́ни сло́во.

— Как же я могу́ его́ изме́нить? Зуб так и бу́дет зуб.

— А ты подúмай. Что у тебя́ во рту?

— У меня́ во рту зу́бы, и язы́к ещё́ есть.

— Про язы́к тебя́ никто́ не спра́шивает. Вот ты изме́нил сло́во: бы́ло «зуб», ста́ло «зу́бы». Что слы́шится: «б» и́ли «п»?

— Конечно́, «б»!

— Зна́чит, и писа́ть на́до «зуб».

В э́то вре́мя пришёл Ва́ня. Он уви́дел, что мы занима́емся, и то́же сказа́л:

— А, занима́етесь!

— Занима́емся, — говорю́м.

— Молодцы! За это вам весь класс скажет спасибо.

— Ещё чего не хватало! — ответил Шíšкин. — Каждый ученик обязан хорошо учиться, так что спасибо тут не за что говорить.

— Ну, это я так просто сказал. Весь класс хочет, чтоб все хорошо учились, а раз вы учитесь, значит, всё будет хорошо.

Тут опять отворилась дверь, и вошёл Вáся Ерóхин:

— А, занимаётесь! — говорит.

— Что это такое? — говорю я. — Каждый приходит и говорит: «А, занимаётесь!» — будто мы первый раз в жизни занимаемся, а до этого и не учились вообще!

— Да я не про тебя говорю, я про Шíšкина, — ответил Вáся.

— А Шíšкин что? Будто он совсем не учился? У него по всем предметам не такие уж плохие отметки, только по русскому...

— Ну, не сердись, я так просто сказал. Я думал, что он не занимается, а он занимается, вот я и сказал.

— Мог бы хоть что-нибудь другому сказать. Будто других слов нет на свете!

— Откуда же я знал, что это вас так обидит? Помоему, ничего тут обидного нет.

Тут снова отворилась дверь, и на пороге появился Алик Сорóкин.

— Сейчас тоже, наверно, скажет: «А, занимаетесь!» — прошептал Шíšкин.

— А, занимаётесь! — улыбнулся Алик Сорóкин.

Мы все чуть от смеха не лопнули.

— Чего вы смеётесь? Что я такого смешного сказал? — смутился Алик.

— Да ничего. Мы не над тобой смеёмся, — ответил я. — А ты чего пришёл?

— Так просто. Думал, может, моя помощь понадобится.

— Мбжет быть, и шахматы с собой захватил? — спросил я.

— Ах я, растяпа! Забыл шахматы захватить! Вот бы мы и сыграли тут!

— Нет, ты уж с шахматами лучше уходи отсюда подальше, — сказал Юра. — Пойдёмте домой, ребята, не будем им мешать заниматься.

Ребята ушли.

— Это они приходили проверить, учимся мы или нет, — сказал Костя.

— Ну и что же? — говорю я. — Ничего тут обидного нет.

— Что же тут обидного? Я и не говорю. Ребята хорошие, заботливые.

— А Ольга Николаевна сказала маме, что ты не ходил в школу? — спросил я Костю.

— Сказала. И маме сказала и тете Зине сказала! Знаешь, какая мне за это была головомойка! Ох, и стыдили меня — век помнить буду! Но ничего! Я и то рад, что всё теперь кончилось. Я так мучился, пока не ходил в школу. Чего я только не передумал за эти дни! Все ребята как ребята: утром встанут — в школу идут, а я как бездомный щенок таскаюсь по всему городу, а в голове мысли разные. И маму жалко! Разве мне хочется её обманывать? А вот обманываю и обманываю и остановиться уже не могу. Другие матери гордятся своими детьми, а я такой, что и гордиться мною нельзя. И не видно было конца моим мученьям: чем дальше, тем хуже!

— Что-то я не заметил, чтоб ты так мучился, — говорю я.

— Да что ты! Конечно, мучился! Это я только так делал вид, будто мне всё нипочём, а всё-таки мучился...

— За чём же ты делал вид?

— Да так. Ты придёшь, начнёшь укорять меня, а мне, понимаешь, стыдно, вот я и делаю вид, что всё хорошо, будто всё так, как надо. Ну, теперь конец этому, больше уже не повторится. Как будто буря

надо мной пронеслась, а теперь всё тихо, спокойно. Мне только надо стараться учиться получше.

— Вот и старайся, — сказал я.

— Я и то уже начал стараться.

Глава восемнадцатая

На следующий день Ольга Николаевна проверила упражнение, которое задала Косте на дом, и нашла у него ошибки, каких даже я не заметил. Пропущенные буквы в словах он написал в конце концов правильно, потому что я за этим следил, а ошибок наделал просто при списывании. То букву пропустит, то не допишет слово, то вместо одной буквы другую напишет. Вместо «кастриоля» у него получилась «карюля», вместо «опилки» — «окилки».

— Это у тебя от невнимательности, — сказала Ольга Николаевна. — А невнимательность оттого, что ещё нет, наверно, охоты заниматься как следует. Сразу видно, что ты очень торопишься. Спешись, как бы поскорей отделаться от уроков.

— Да нет, я не очень спешу, — сказал Костя.

— Как же не спешись? А почему у тебя буквы такие некрасивые? Посмотри: и косые и кривые, так и валяются на стороны. Если б ты старался, то и писал бы лучше. Если ученик делает урок прилежно, с усердием, то обращает внимание не только на ошибки, но и на то, чтобы было аккуратно, красиво написано. Вот и сознайся, что охоты у тебя ещё нет.

— У меня есть охота, только вот не хватает силы воли, чтоб заставить себя усидчиво заниматься. Мне всё хочется сделать поскорей почему-то. Сам не знаю почему!

— А потому, что ты ещё не понял, что всё достигается лишь упорным трудом. Без упорного труда не будет у тебя и силы воли и недостатков своих не исправишь, — сказала Ольга Николаевна.

С тех пор по Костиной тетрадке можно было

наблюдать, как он боролся со своей слабой волей. Иногда упражнение у него начиналось красивыми, ровными буквами, на которые просто приятно было смотреть. Это значило, что вначале воля у него была сильная и он садился за уроки с большим желанием начать учиться как следует, но понемногу воля его слабела, буквы начинали приплясывать, нелезть друг на дружку, валиться из стороны в сторону и постепенно превращались в какие-то непонятные кривульки, даже трудно было разобрать, что написано. Иногда получалось наоборот: упражнение начиналось кривулками. Сразу было видно, что Косте хотелось как можно скорее покончить с этим неинтересным делом, но по мере того как он писал, воля его крепла, буквы становились стройнее, и кончалось упражнение с такой сильной волей, что казалось, будто начал писать один человек, а кончил совсем другой.

Но всё это было полбеды. Главная беда была — это ошибки. Он по-прежнему делал много ошибок, и, когда был диктант в классе, он опять получил двойку. Все ребята надеялись, что Костя на этот раз получит хоть тройку, так как все знали, что он взялся за учёбу серьёзно, и поэтому все были очень огорчены.

— Ну-ка, расскажи, Витя, как вы занимаетесь с Костей, — сказал Юра на перемене.

— Как занимаемся? Мы хорошо занимаемся.

— Где же хорошо? Почему он до сих пор не исправился?

— Я же не виноват, что так получается! Я с ним каждый день занимаюсь.

— Почему же до сих пор нет никаких сдвигов?

— Я же не виноват, что нет сдвигов! Просто ещё мало времени прошло.

— Как — мало времени? Уже две недели прошло. Просто ты не умеешь заставить Шишкина работать по-настоящему. Придётся тебя сменить. Вот мы попросим Ольгу Николаевну, чтоб она выделила вместо тебя Ваню Пахомова. Он сумеет заставить Шишкина работать побольше.

— Ну, уж это извините! — говорю я. — Меня сам Игорь Александрович назначил. Вы не имеете права меня сменять.

— Ничего. Завтра мы поговорим с Ольгой Николаевной. Думаешь, если тебя Игорь Александрович назначил, так на тебя и упрáвы нет?

— Уступй, Малеев, — сказа́л Лёня Аста́фьев. — Все́ равно́ Ольга Николаевна смéнит тебя́. Ты не спра́вился. Ва́ня лу́чше тебя́ бу́дет занима́ться.

— Конечно́, лу́чше, — сказа́л Юра.

— Это ещё неизвёстно, — говорю́ я.

— Ну что ты спóришь? Сам видишь, какие резуль-
та́ты.

Тут и други́е ребята́ ста́ли говори́ть, чтоб я усту-
пи́л, но я заупря́мился, как козе́л:

— Нет, пусть меня́ Ольга Николаевна сменяет, а сам я не уступлю́.

— Ну, и смéнит тебя́ Ольга Николаевна. Тебе́ же ху́же бу́дет, — сказа́ли ребята́.

Не знаю́, почему́ меня́ такое́ упрямство одолело. Я и сам чу́ствовал, что не на́до настаивать, раз вы́шло такое́ де́ло и Ши́шкин получи́л дво́йку. Если б на моём ме́сте был кто́-нибудь други́й, мо́жет быть, все́ бы́ло бы совсе́м не так, а ина́че. Ну что ж, ниче-
го́ не поде́лаешь!

В э́тот день мы с Ши́шкиным бы́ли о́чень огор-
чены́.

— Мы занима́емся с тобо́й сегóдня в послéдний раз. Завтра Ольга Николаевна, наве́рно, смéнит меня́, — сказа́л я, когда́ пришёл к нему́ по́сле школы́.

— А мо́жет быть, Ольга Николаевна и не смéнит, — сказа́л Кóстя.

— Да нет, — говорю́. — Все́ равно́ от меня́, вид-
но, ма́ло то́лку. Наве́рно, я не уме́ю учи́ть. Мне то́лько обидно, что Игорь Александрович бу́дет недово́лен. Я обеща́л ему́ подтяну́ть тебя́, а тут видишь, что вы́шло. И ещё он сказа́л, что э́то мне как общественная рабо́та. Зна́чит, я с общественной рабо́той не спра́вился и не бу́дет у меня́ ника́кого авторите́та.

— А может быть, это всё и не ты виноват? Может быть, это я сам виноват? — сказал Костя. — Надо мне было лучше учиться. Ты знаешь, я тебе открою секрет: это я сам виноват. Я всегда спешил, торопился, вот и писал плохо и делал много ошибок. Если бы я не торопился, то учился бы лучше.

— Почему же ты торопился?

— Ну, я тебе открою секрет: мне хотелось каждый раз поскорей окончить уроки и учить Лобзика.

— И ты его учил?

— Учил.

— А, — говорю. — То-то у тебя буквы то такие, то этакие. Значит, ты писал, а сам думал не о том, что пишешь, а о своём Лобзике.

— Ну, вроде этого. Я и о том думал и о другом. Поэтому, наверно, такие результаты.

— Результаты, — говорю я, — никаких результатов нет. За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. Надо было одного зайца ловить.

— Ну одного зайца-то я поймал.

— Какого?

— Ну, Лобзика-то я выучил. Сейчас увидишь. Лобзик, иди сюда!

Лобзик подбежал к нему. Костя показал ему табличку с цифрой «три».

— Ну-ка, скажи, Лобзик, какая это цифра?

Лобзик пролаял три раза.

— А это?

Костя показал ему цифру «пять». Лобзик пролаял пять раз.

— Видишь, я потихоньку щёлкаю пальцами, и он знает, когда нужно останавливаться.

— Как же ты этого добился? — спросил я.

— Сначала он никак не хотел понимать сигнала. Тогда я стал делать так: как только он пролает столько раз, сколько нужно, я бросаю ему сахар, или кусочек колбасы, или хлеба и в это же время щёлкаю пальцами. Лобзик бросается ловить подачку

и перестаёт лаять. Так я приучал его несколько дней, а потом попробовал только щёлкать пальцами и ничего не давал. Лобзик всё равно останавливался, так как привык вместе со звуком щёлканья получать что-нибудь вкусное. Как услышит щелчок, так сейчас же перестаёт лаять и ждёт, чтоб я ему чего-нибудь дал. Сначала я щёлкал громко, но постепенно приучил к тихим щелчкам.

— Ну вот, — говорю, — значит, ты, вместо того чтоб самому выучиться, собаку выучил!

— Да, — говорят, — у меня всё как-то шиворот-навыворот¹ получается. Безвольный я человек. Ну, теперь уже всё равно я его выучил и буду сам как следует заниматься. Больше ничто мне мешать не будет, вот увидишь!

— Увижу, — говорю. — Только теперь уже не я это увижу, а Ваня.

На другой день Костя собрал все упражнения, которые ему задавала на дом Ольга Николаевна, и понёс в школу. Он показал всё это Ольге Николаевне и сказал:

— Ольга Николаевна, вот это все упражнения, которые вы мне задавали. Вот тут вот, смотрите, хорошие, а вот тут плохие. Это, если я делал упражнение плохо, Витя заставлял меня переделывать снова. Скажите, разве он плохо со мной занимался?

— Я знаю, что Витя хорошо с тобой занимается, — сказала Ольга Николаевна. — Но ты и сам должен быть старательнее. Нужно отнестись к делу ещё серьёзнее. Витя тебе помогает, но учиться за тебя ведь он не может. Ты сам должен учиться.

— Я сам буду учиться, Ольга Николаевна, только разрешите, чтоб Витя помогал мне. Он уже столько времени потратил со мной.

— Хорошо, пусть помогает. Я вижу, что Витя добросовестно занимается с тобой. Скоро каникулы, вот вы вместе зайдёте ко мне в первый же день.

¹ Шиворот-навыворот — не так, как надо.

Я тебе дам задание на каникулы, а Вите расскажу, как заниматься с тобой, чтоб были лучшие результаты.

Мы обрадовались, когда услышали, что Ольга Николаевна согласна, чтоб я продолжал заниматься с Костей, а Костя сказал:

— Ольга Николаевна, у нас ещё есть дрессированная собака Лобзик. Разрешите нам выступить с этой собакой на новогоднем вечере.

— А что ваша собака умеет делать?

— Она арифметику знает. Умеет считать, как та собака, которую мы видели в цирке.

— Кто же её выучил?

— Мы сами.

— Ну хорошо. Приводите её на новогодний вечер. Я думаю, ребятам будет интересно посмотреть на учёную собаку.

Глава девятнадцатая

Мне было очень досадно, что Костя без меня выучил Лобзика, так как мне тоже было интересно его учить, но теперь уже всё равно ничего не поделаешь.

— Ты не горюй, — сказал Костя. — Когда-нибудь я встречу на улице ещё какую-нибудь бездомную собаку и подарю тебе, тогда ты сам сможешь её выучить.

— Самому мне неинтересно, — ответил я. — Я люблю всё в компании делать, а один я возиться не стану.

— Ну, я ведь буду помогать тебе учить её. Мы вместе будем дрессировать, и у тебя тоже будет учёная собака.

— Нет, — говорю, — это не годится. Как только появится новая собака, ты начнёшь с ней заниматься, вместо того чтобы делать уроки. Лучше отложим это дело до лета.

— Ну ладно, если не хочешь, отложим. А ребятам скажем, что Лобзик — это наш с тобой ученик. Мы

ведь начали учить его вместе. И будем вместе выступать с ним на новогоднем вечере.

— А вдруг он испугается, когда попадет на сцену? — говорю я. — Надо заранее приучить его, чтоб он не пугался людей.

— Как же его приучить?

— Надо повести его куда-нибудь, где побольше людей. Вот окончим уроки и поведем его к нам, покажем нашим, как он умеет считать.

Когда мы кончили делать уроки, Костя надел на Лобзика ошейник, привязал к ошейнику поводок, и мы отправились ко мне. Как раз в это время к нам пришли тетьа Надя и дядя Серёжа.

— Сейчас мы покажем вам учёную собаку, — сказал я. — Садитесь все на места, как в театре, и смотрите внимательно.

Мы посадили Лобзика на табурет. Костя достал из кармана таблички с цифрами и стал приказывать Лобзику считать. Лобзик лаял исправно. Тут мне в голову пришла замечательная мысль. Я не стал показывать Лобзику никакой цифры, а просто спросил:

— Ну-ка, Лобзик, сколько будет дважды два?

Лобзик пролаял четыре раза. Конечно, я вовремя щёлкнул пальцами.

Ли́ка обрадовалась:

— Ого! Он даже таблицу умножения знает!

Все хвалили нас за то, что мы так хорошо выучили собаку, а мы сказали, что будем выступать с Лобзиком на новогоднем вечере в школе.

— А у вас костюмы для выступления есть? — спросила Ли́ка.

— Ну, уж будто нельзя без костюмов, — говорю я.

— Без костюмов неинтересно, — сказала Ли́ка. — Лучше я вам разноцветные колпаки сделаю. Вы будете в этих колпаках, как два клоуна в цирке.

— Из чего же ты сделаешь колпаки?

— У меня разноцветная бумага есть. Я купила для ёлочных украшений.

— Ну, — говорю, — делай. С колпакáми дáже ещё лúчше бúдет.

— А нельзя ли Лóбзику тóже сдéлать колпáк? — спросил Кóстя.

— Нет, Лóбзик бúдет óчень смешнóй в колпакé. Лúчше я ему сдéлаю воротничóк из золотóй бума́ги.

— Лáдно, дéлай что хочешь, — говорю я.

— Тепéрь пойдём к Глéбу Скамéйкину, пока́жем ему, как наш Лóбзик умéст счита́ть, — предложил Кóстя.

Мы пошли к Глéбу, от Глéба — к Юре, от Юры — к Тóле. Везде мы показывали иску́ство Лóбзика, и за это Лóбзик получáл рáзные вку́сные вéщи. Наконéц, мы отпра́вились к Вáне Пахóмову, а у Вáниных родíteлей как раз бýли гóсти. Мы обра́довались и реши́ли, что у нас полúчится настоя́щая репети́ция. Но напрáсно мы рáдовались. Мы осрамíлись так, что не зна́ли, куда́ от стыда́ девáться. Лóбзик, вмéсто того́ чтоб отвеча́ть пра́вильно, нáчал пúтать и врать. Ни одной́ циф́ры не назва́л пра́вильно! Наконéц совсе́м перестáл отвеча́ть. А мы-то расхвáстались, что привели́ учёную соба́ку-матемáтика! Пришлóсь нам уй́ти с позóром.

— Что же это́ случы́лось с ним? — сказа́л Кóстя, когда́ мы вы́шли на у́лицу.

Он дал Лóбзику кусо́чек са́хару, но Лóбзик то́лько разгры́з его́ и тут же вы́плюнул.

— Тепéрь понятнó, — сказа́л я. — Мы прóсто обкорми́ли его́. Он объéлся, по́тому и не стара́ется отвеча́ть пра́вильно.

Кóстя сказа́л:

— А вдруг во вре́мя представлénия в шкóле така́я шту́ка случы́тся? Вот бúдет позóр на всю шкóлу! Мо́жет быть, нам лúчше не выступáть?

— Нет, — говорю, — тепéрь ужé пóздно отка́зываться. Раз взяли́сь, так нáдо до конца́ довести́.

Цéлый день наканúне Нóвого гóда Кóстя волновáлся и всё пыта́лся дрессировáть Лóбзика.

— Оставь его в покое, — сказал я. — Опять ты ему надоешь за день, а когда будет нужно, он не захочет отвечать.

— Ладно, не буду его больше трогать. Иди отдыхай, Лобзик!

Мы оставили Лобзика в покое, а сами стали готовиться к представлению. Лика приготовила нам два колпакá: мне — синий с серебряными звездочками, а Косте — зелёный с золотыми звёздами. Кроме того, она сделала нам серебряные воротники и золотые манжеты на рукава. Мы всё это примерили и остались очень довольны. Получилось прямо как два настоящих клоуна в цирке. Лобзику тоже был сделан золотой воротник.

Наконец время пришло, и мы отправились с Лобзиком в школу. Пока шло первое отделение концерта, мы сидели с Лобзиком в зале, чтоб он привыкал к публике, а потом пошли за кулисы и стали ждать своей очереди. Так мы посмотрели выступления всех ребят и ничего не пропустили. Мы заранее нарядились в свой колпак, надели Лобзику на шею воротничок. И вот занавес открылся, и все увидели, как мы с Костей вышли на сцену в своих разноцветных колпакáх. Костя шёл вперёд, за ним бежал на поводке Лобзик, а я шёл сзади, и в руках у меня был чемоданчик, где лежали все вещи, которые мы приготовили для представления. Костя посадил Лобзика на табурет посреди сцены и сказал:

— Дорогие ребята, сейчас перед вами выступит учёная собака-математик, по имени Лобзик. Пока она выучилась считать до десяти, но она будет учиться дальше, и тогда мы вам её снова покажем. Мы просим, чтоб вы вели себя тихо, потому что наш Лобзик выступает на сцене впервые и может испугаться шума.

Костя, видно, очень волновался, и голос у него дрожал. Я тоже волновался, и если бы мне пришлось говорить, то я, наверно, не смог бы сказать ни одного слова.

— Ну, начинаем представление, — закончил Кóстя.

Я достáл из чемодáна три деревя́нные чурки и поста́вил их ря́дышком на столé, так, чтоб было́ всем вид́но.

— Сейча́с Лóбзик сосчита́ет, ско́лько на столé чу́рок, — объя́вил Кóстя. — Ну, счита́й, Лóбзик!

Лóбзик прола́ял три ра́за.

Ребя́та грóмко захло́пали в ладо́ши и закрича́ли от ра́дости. Лóбзик испуга́лся, соскочил с табурéта и бро́сился бежа́ть. Кóстя догна́л его́, сунул в рот ему́ кусо́к са́хару и посади́л обрат́но на табурéт. Лóбзик приня́лся грызть са́хар. Ребя́та постепéнно ути́хли. Я достáл из чемодáна ещё́ одну́ чурку и поста́вил ря́дом с оста́льными.

— Ну, а тепе́рь ско́лько чу́рок? — спроси́л Кóстя.

Лóбзик прола́ял четы́ре ра́за.

Ребя́та сно́ва дру́жно захло́пали. Лóбзик о́пять хоте́л соскочить с табурéта, но Кóстя во́время подхва́тил его́ и сунул ему́ в рот кусо́к са́хару.

Я поста́вил на стол ещё́ три чу́рки.

— А тепе́рь ско́лько ста́ло чу́рок? — спроси́л Кóстя.

Лóбзик прола́ял семь раз.

Я достáл из чемодáна табл́ичку с цифрой «2» и показа́л пуб́лике.

— Какáя это́ цифра? — спроси́л Кóстя.

Лóбзик прола́ял два ра́за.

Мы ста́ли показыва́ть Лóбзику ра́зные циф́ры; по́том Кóстя спра́шивал:

— Ско́лько бу́дет два́жды два? Ско́лько бу́дет два́жды три? Ско́лько бу́дет три плю́с четы́ре?

Лóбзик отвеча́л пра́вильно. Ребя́та всё́ вре́мя хло́пали в ладо́ши, но Лóбзик постепéнно приви́к к аплодисме́нтам и уже́ не пуга́лся. Я то́же переста́л волну́ваться и сказа́л:

— Ребя́та, наш Лóбзик уме́ет да́же зада́чи решáть. Кто хо́чет, мо́жет зада́ть ка́кую-нибу́дь зада́чку, чтоб бы́ли небольшо́е чис́ла, и Лóбзик решит́.

Тут встал один мальчик и задал такую задачу: «Бутылка и пробка стоят 10 копеек. Бутылка на 8 копеек дороже пробки. Сколько стоит бутылка и сколько пробка?»

— Ну, Лобзик, — говорю, — подумай и реши задачу.

Конечно, Лобзику нечего было думать. Это я говорил так, чтобы самому подумать. Я быстро решил задачу: пробка стоила 2 копейки, бутылка 8 копеек, а вместе 10 копеек.

— Ну, Лобзик, говори: сколько стоит пробка? — спросил я.

Лобзик пролаял два раза.

— А бутылка?

Лобзик пролаял восемь раз.

Ну и крик тут поднялся!

— Неправильно! — кричали ребята. — Собака ошиблась!

— Почему неправильно? — говорю я. — Вместе ведь стоят 10 копеек. Значит, бутылка 8 копеек, а пробка 2.

— Как же? Ведь в задаче сказано, что бутылка на 8 копеек дороже пробки. Если пробка стоит 2 копейки, то бутылка должна стоить 10 копеек, а они вместе стоят 10 копеек, — объяснили ребята.

Тут я сообразил, что ошибся, и говорю:

— Слушай, Лобзик, ты ошибся. Подумай хорошенько и реши задачу правильно.

Конечно, это мне самому надо было подумать, а не Лобзику, но я сказал:

— Подождите, ребята, сейчас он подумает и решит правильно.

— Пусть думает, — закричали ребята. — Не надо его торопить. Для собаки эта задача, конечно, трудная.

Я стал думать: «Если бутылка на 8 копеек дороже пробки, то пробка, значит, стоит 2 копейки, а бутылка 10. Но в таком случае они вместе будут стоить 12 копеек, а в задаче сказано, что вместе они стоят

10 копеек. Если же пробка стоит 2 копейки, а бутылка 8 копеек, то выходит, что бутылка всего на 6 копеек дороже». Прямо затмение на меня нашло! Что это за задача такая? Не задача, а какой-то заколдованный круг!

— Подождите ещё, ребята, — говорю я. — Ему ещё немного надо подумать. Сейчас он решит.

— Ничего, пусть думает! — закричали ребята. — Собака ведь не человек. Не может же она сразу.

«Да, — думаю, — тут и человек не может сразу решить, не то что собака!»

Стал снова думать.

— Эх ты, чудак! — прошептал Костя. — Пробка ведь стоит копейку!

Тут я сообразил, в чём дело: пробка стоит копейку, а бутылка на 8 копеек дороже, значит, 9, а вместе — 10.

— Есть! — закричал я. — Внимание! Сейчас Лобзик ответит правильно.

Ребята затихли.

— Ну, отвечай, Лобзик, сколько стоит пробка?
Лобзик пролаял один раз.

— Ура! — закричали ребята.

— Тише, — говорю я. — Ещё не вся задача. Пусть теперь скажет, сколько стоит бутылка.

Лобзик пролаял девять раз. Ну и шум тут поднялся! Ребята хлопали в ладоши и громко кричали.

— Вот так собака! — говорили они. — Хоть ошиблась, но в конце концов решила задачу правильно.

На этом представление окончилось.

Глава двадцатая

И вот наступил Новый год и начались зимние каникулы. Во всех домах красовались нарядные ёлки. Настроение у всех было весёлое, праздничное. У нас с Костей тоже было праздничное настроение, но мы решили не только гулять во время каникул, а и заниматься. В первый же день мы пошли к Ольге Николаевне и получили у неё задание на каникулы.

У Кости появилась такая охота к учёнию, что он согласен был учиться по целым дням, но я решил, что мы будем работать по два часа в день, остальное время гулять, отдыхать или книжки читать. Так мы занимались с ним каждый день, и Костя начал понемногу выправляться. Когда каникулы кончились, у нас вскоре был диктант, и Костя получил за него тройку. Он был так рад, будто это была не тройка, а самая настоящая пятёрка.

— Чего ты так радуешься? — сказал я ему. — Тройка не такая уж замечательная отметка.

— Ничего, сейчас для меня хороша и тройка. Я уже давно тройки по письму не получал. Но я на этом не успокоюсь. Вот увидишь, в следующий раз получу четвёрку, а там и до пятёрки доберусь.

— Конечно, доберёшься, — сказал ему Юра. — Но ты сейчас ещё о пятёрке не думай, а скорей

получай четверку, тогда у нас в классе ни одного трючника не будет.

— Не беспокойся, — ответил Костя, — всё будет в порядке. Теперь уже класс не будет за меня краснеть. Я теперь понял, что каждый должен бороться за честь своего класса. Я и то уже поборолся как следует, а теперь уже совсем немножко осталось.

Ольга Николаевна тоже была рада, что Шешкин стал лучше учиться.

— Пора вам, ребята, включаться в общественную работу, — сказала она нам. — Все что-нибудь делают на общую пользу, только вы ничем не заняты.

— Теперь мы тоже возьмем какую-нибудь работу, — говорю я.

— Возьмем, — говорит Костя. — Я уже давно хочу работать в стенгазете, да меня все не выбирают в редколлегия.

— Правда, — говорю я. — Пусть нас выберут в редколлегия стенгазеты.

— В редколлегия вам еще рано. Там должны работать самые авторитетные ребята, — сказала Ольга Николаевна.

— Ну, все равно, мы и на какую-нибудь другую работу согласны, — говорит Костя. — Если хотите, пусть нас выберут в санкомиссию. Я уже был в санкомиссии, когда учился во втором классе. Мне очень нравилось ходить и всем приказывать, чтоб мыли руки и чтоб у всех были чистые уши.

— Санкомиссия у нас уже выбрана. Если хотите, я вам дам очень интересную работу. Нужно организовать классную библиотеку. Будете выдавать ребятам книги.

— А где взять книги? — спрашиваю я.

— Книги возьмем в школьной библиотеке. А шкаф я вам достану.

— Я возьмусь, — говорит Костя. — Я люблю книги читать.

— Я тоже, — говорю, — возьмусь.

— Вот и хорошо. Постарайтесь быть хорошими библиотечкарями. Берегите книги, следите, чтоб ребята тоже бережно обращались с книгами.

Мы пошли к нашей библиотечкарше Софье Ивановне, сказали, что мы теперь тоже будем библиотечкарями в четвертом классе и нам нужны книги.

— Вот и хорошо, — сказала Софья Ивановна. — Книжки для четвертого класса у меня есть. Вы сейчас их возьмете?

Она дала нам целую стопку книг для четвертого класса, и мы перетащили их в наш класс. Книг было много, штук сто, но когда мы поставили их в шкаф на полки, то нам показалось мало, потому что они заняли всего три полки, а три полки остались пустые.

— Может быть, нам из дому принести еще книжек, чтоб было побольше? — сказал Костя. — Я могу штук пять принести или шесть.

— Я тоже, — говорю, — могу принести штук пять, но этого мало. На три полки не хватит.

— А что, если у ребят попросить? Может быть, у кого-нибудь есть старые книжки, которые уже прочитаны. Пусть принесут для библиотечки.

Мы поговорили об этом с Ольгой Николаевной.

— Что же, скажите ребятам, может быть, ребята откликнутся на вашу просьбу, — сказала Ольга Николаевна.

На другой день мы объявили ребятам, что теперь у нас будет своя классная библиотечка, только книг у нас еще не очень много, и кто хочет, пусть принесет для библиотечки хоть по одной книжке.

На эту просьбу откликнулись все ребята, и каждый принес кто книгу, кто две, а многие принесли и больше.

Книг получилось так много, что весь шкаф целиком заполнился. Мы хотели тут же начать выдавать книги ребятам, но Ольга Николаевна сказала, что нужно сначала сделать журнал. Мы взяли толстую тетрадь и в эту тетрадь записали каждую книгу под

пóмером. Тепéрь, ёсли нúжно бýло отыскáть какúю-нибудь кнйгу, то мóжно бýло не рытьсá на пóлках, а посмотрётъ по журнáлу.

Кóстя рáдовался, что тепéрь в нáшей библиотéчке такóй поря́док. Осóбенно емú прáвилось, что все пóлки зánяты кнйгами.

— Тепéрь как раз хорошó! — говорыл он. — Ни прибáвить ничегó нельзá, ни убáвить.

Он то и дéло отворял шкаф и любовáлся на кнйги.

Нéкоторые кнйжки бýли ужé стáренькие. У нéкоторых ёле держáлись переплёты йли оторвалйсь стрáницы. Мы рeшйли взять такйе кнйжки домóй, чтоб починйть. И вот, сдéлав все урóки, мы пошлй с Кóстей ко мне, потому́ что у меня дóма был клей, и взялйсь за дéло. Лйка увйдела, что мы починйем кнйжки, и тóже захотéла нам помогáть.

Осóбенно мнóго вознй у нас бýло с переплётáми. Кóстя всё врéмя ворчáл.

— Ну вот! — говорыл он. — Не знáю, что ребáта дéлают с кнйжкáми. Бьют друг дрúга по головé, что ли?

— Ктó же ёто дерётсá кнйжкáми? — сказáла Лйка. — Вот ещё вйдумал. Кнйги вóвсе не для тогó.

— Почемú же переплёты отрывáются? Ведь ёсли я бýду сидётъ спокóйно и читáть, рáзве переплёт оторвётсá?

— Конéчно, не оторвётсá.

— Вот об ётом я и говорю. Или вот смотрйте: стрáница оторвалась! Почемú она́ оторвалась? Навёрно, ктó-то сидёл да дёргал за лйстик, вмéсто тогó чтоб читáть. А зачём дёргал, скажйте, пожáлуйста? Вот дёрнуть бы егó зá волосы, чтоб не пóртил кнйг! Тепéрь стрáничкá вйпадет и потерйетсá, ктó-нибудь стáнет читáть и ничегó не поймёт. Кудá ёто годйтсá, спрáшивáю я вас?

— Вёрно, — говорйм, — нйкудá не годйтсá.

— А вот ёто кудá годйтсá? — продолжáл крйчáть он. — Смотрйте, собáка на шeстй ногáх нарисóвана! Рáзве ёто прáвильно?

— Конечно, неправильно, — говорит Лика. — Собака должна быть на четырёх ногах.

— Эх, ты! Да разве я о том говорю?

— А о чём?

— Я говорю о том, что разве правильно в книжках собак рисовать?

— Неправильно, — согласилась Лика.

— Конечно, неправильно! А на четырёх она ногам или на шести, в этом разницы нет, то есть для книжки, конечно, нет, а для собаки есть. Вообще в книжках ничего не надо рисовать — ни собак, ни кошек, ни лошадей, а то один нарисует собаку, другой кошку, третий ещё что-нибудь придумает, и получится в конце концов такая чепуха, что и книжку невозможно будет читать.

Он взял резинку и принялся стирать собаку. Потом вдруг как закричит:

— А это что? Рожу какую-то нарисовали, да ещё чернилами!

Он принялся стирать рожу, но чернила въелись в бумагу, и кончилось тем, что он протёр в книге дырку.

— Ну, если б знал, кто это нарисовал, — кипятился Шишкин, — я бы ему показал! Я бы его этой книжкой — да по голове!

— Ты ведь сам говорил, что книжками нельзя бить по голове, — сказала Лика. — От этого переплеты отскакивают.

Костя осмотрел книгу со всех сторон.

— Нет, — говорит, — эта книжка выдержит, у неё переплёт хороший.

— Ну, — говорю я, — если все библиотекари будут бить читателей по головам книжками, то переплетов не напасёшься!

— Надо же учить как-нибудь, — сказал Костя. — Если у нас будут такие читатели, то я и не знаю, что будет. Я не согласен, чтоб они государственное имущество портили.

— Надо будет объяснить ребятам, чтоб они бережно обращались с книжками, — говорю я.

— А вы напишите плакат, — предложила Лика.
— Вот это дельное предложение! — обрадовался Костя. — Только что написать?

Лика говорит:

— Можно написать такой плакат: «Осторожней обращай с книгой. Книга не железная».

— Где же это ты видела такой плакат? — спрашиваю я.

— Нигде, — говорит, — это я сама придумала.

— Ну, и не очень умно, — ответил я. — Каждый без плаката знает, что книга железная не бывает.

— Может быть, написать просто: «Береги книгу, как глаз». Коротко и ясно, — сказал Костя.

— Нет, — говорю, — мне это не нравится. При чём тут глаз? И потом, не сказано, почему нужно беречь книгу.

— Тогда нужно написать: «Береги книгу, она дорого стоит», — предложил Костя.

— Тоже не годится, — ответил я, — есть книжки дешёвые, так их рвать нужно, что ли?

— Давайте напишем так: «Книга — твой друг. Береги книгу», — сказала Лика.

Я подумал и согласился:

— По-моему, это подойдёт. Книга — друг человека, потому что книга учит человека хорошему. Знает, её нужно беречь, как друга.

Мы взяли бумагу, краски и написали плакат.

На другой день мы повесили этот плакат на стене рядом с книжным шкафом и начали выдавать ребятам книжки.

Выдавая кому-нибудь из учеников книгу, Костя говорил:

— Смотри, чтоб никаких собак, ни рож, ни чертей в книге не было.

— Как это?

— Ну, возьмёшь да нарисуешь в книге какую-нибудь загогулину.

— Зачем же я стану рисовать?

— Будто я знаю! Моё дело предупредить, чтоб

ни рож, ни собак. Это книжка общественная. Если б это была твоя собственная книга, тогда пожалуйста, рисуй, но даже в собственной книжке не надо ничего рисовать, потому что после тебя она достанется твоему младшему брату, или сестре, или товарищу дашь почитать. Так что моё дело предупредить, а если ты не будешь слушаться, то потом я не так с тобой буду разговаривать.

— Ну ладно, сказал — и хватит.

Но Костя не унимался, и каждому, кто брал книжки, он растолковывал в отдельности, почему надо бережно обращаться с книгами.

После уроков он, пригорюнившись, сидел возле шкафа и с грустью смотрел на поредевшие ряды книг на полках.

— Эх, — горевал он. — Снова книг мало стало! Так хорошо было! Шкаф был полнехонек, а теперь хоть бери и опять где-нибудь доставай книг.

— Что ж тут такого? — утешал его я. — Ведь ребята прочитают и принесут книги обратно.

— Принесут! Принести-то они принесут, да что толку! — ответил Костя. — Они одни книжки принесут, а другие взамен их возьмут. Вот никогда и не соберёшь всех книг обратно.

— Зачем же их собирать? Ведь книги для того, чтоб читать, а не для того, чтоб на полках стоять.

Я взял и себе книжку, чтоб почитать дома.

— Как? — говорит Костя. — И ты берёшь? И так книжек мало осталось.

— Да я, — говорю, — быстренько прочитаю и принесу.

Тогда и он взял себе книжку.

— Ну ничего, — утешал он сам себя. — Будет на одну книжку меньше. Всё равно их мало осталось.

С тех пор мы с Костей имели свободный доступ к книгам и стали много читать. Костя так увлёкся, что читал даже на улице. Возьмёт из библиотечки книжку, идёт по улице и читает. Кончилось это тем, что он налетел на фонарный столб и набил на лбу

шійску. После́ этого он перестал читать на улице и читал только дома.

К библиотечной работе он относился серьёзно, и постепенно у него даже характер переменился. Он стал аккуратным, более организованным и не таким рассеянным, как был раньше. К ребятам он относился требовательно. Если кто-нибудь приходил за книжкой с грязными руками, он начинал «пилить» его:

— Как тебе не стыдно? Почему у тебя такие грязные руки?

— Ну, испачкались. Тебе-то какое дело?

— Как — какое дело? Ты ведь за книжкой пришёл?

— За книжкой.

— И ты такими руками будешь брать книжку?

— Какими же мне её ещё брать руками?

— Чистыми надо брать руками. Ты ведь своими руками книжку испачкаешь!

— Ну, я приду домой — вымою.

— Нет, голубчик, иди-ка ты лучше под кран и вымой руки, а потом я тебе дам книжку.

Если кто-нибудь брал книжку и долго не приносил, Костя делал ему выговор:

— И тебе не стыдно так долго книжку держать? Другим ребятам тоже хочется почитать, а ты держишь и держишь! Если неохота читать, то отдай книжку обратно, а потом снова возьмёшь.

— Я ведь не прочитал. Прочитаю и принесу.

— Так ты, может, до окончания веков¹ будешь читать!

— Зачем — до окончания веков? Книжка ведь выдаётся на десять дней.

— Ну, на десять дней. А ты когда взял?

— А я взял неделю назад. Ещё не прошло десяти дней.

— А тебе обязательно надо, чтобы все десять дней прошли? Десять дней — крайний срок. А ты прочитал

¹ До окончания веков — вечно, до конца жизни.

раньше и приноси раньше, никто тебе не велит все десять дней держать.

— Так говорят же тебе, что ещё не читал!

— Ну, так читай быстрей!

Если кто-нибудь слишком быстро приносил книгу, ему это тоже не нравилось:

— Послушай, когда же ты успел прочитать? Вчера только взял книжку, а сегодня уже обратно принёс! Может быть, ты и не читал её?

— Зачем же я тогда брал?

— Откуда же я знаю, зачем ты берёшь! Может быть, ты только картинки рассматриваешь.

— Что я, маленький?

— Ну ладно, рассказывай, о чём здесь написано.

— Что это ещё за экзамен?

— Ну, мне нужно проверить, читал ты или не читал.

— Не твоё это дело! Твоё дело выдавать книжки, а не проверять.

— Нет, уж если меня назначили библиотекарем, то я должен проверить. Если ты не читаешь, то тебе может быть, не нужно и давать книг. Пусть лучше кто-нибудь другой берёт, кто читает.

Приходилось ученику рассказывать содержание книжки.

Глава двадцать первая

С тех пор как Костя исправил свою двойку по русскому и мы с ним стали вести общественную работу, наш авторитет среди ребят очень повысился. Косте разрешили играть в баскетбольной команде, и он оказался очень способным игроком. Мы выбрали его капитаном своей команды. Костя очень хорошо натренировал свою команду, и мы выиграли первенство в школьном соревновании. От этого наш авторитет ещё больше увеличился, и о нашей команде написали в школьной стенгазете.

Но ещё не всё было у нас благополучно. Мы с Костей упорно продолжали заниматься по русскому языку, но он как застрял на тройке, так и не мог сдвинуться с места. Ему казалось, что после тройки он тут же сразу получит четверку, а потом и пятерку, но не тут-то было! Ольга Николаевна упорно продолжала ставить ему тройки, так что в конце концов Костя даже начал приходить в отчаяние.

— Вы понимаете, — говорил он Володе, — мне теперь уже нельзя учиться на тройку. Я библиотечарь в классе и капитан команды. Про меня в школьной стенгазете написано. А я учусь на тройку! Куда это годится?

— Потерпи ещё немного, — сказал Володя. — Надо продолжать заниматься.

— А я разве к тому говорю, чтоб не заниматься? Я всё равно буду заниматься, только мне Ольга Николаевна никогда не поставит отметки лучше, чем тройка. Она уже привыкла, что я плохо учусь. Так я и буду ехать всё время на тройке.

— Нет, — ответил Володя, — Ольга Николаевна справедливая. Когда ты будешь знать на четверку, она поставит тебе четверку.

— Ах, скорей бы она поставила! — говорил Костя. — Во всем классе один я трюбчник. Если бы не я, весь класс учился бы только на «хорошо» и «отлично». Я всему классу дело порчу!

Мы снова решительно брались за дело. Ольга Николаевна тоже занималась с Костей отдельно после уроков, и он хотя медленно, но зато верно продвигался вперед. Прошло полтора месяца с тех пор, как Костя получил тройку, и вот у него наконец появилась четверка. Это было радостное событие для всего класса.

В тот же день у нас было собрание, и Ольга Николаевна сделала сообщение об успеваемости.

— Теперь у нас в классе нет плохих отметок, — сказала она. — Мы избавились от двоек и даже от трюбков.

Она сказала, что мы с Костей очень хорошо поработали и Костя подтянулся так, что в дальнейшем сможет хорошо учиться.

— В нашей школе есть очень хорошие классы, где много отличников и хороших учеников, но такого дружного класса, как наш, где все учатся только хорошо и отлично, пока больше нет, — сказала Ольга Николаевна. — Думаю, что и другие классы последуют хорошему примеру наших учеников и добьются хорошей успеваемости. А вам, ребята, не нужно успокаиваться на достигнутом. Если вы успокоитесь и станете меньше работать, то опять можете снизить отметки.

Потом выступил вожакий Володя и сказал:

— Ребята, я напишу о вашем классе статью в школьную стенгазету, чтоб вся школа знала, как вы работаете, и чтоб другие классы могли брать с вас пример. А вы расскажите, что вам помогло добиться хороших результатов в учёбе.

— Я думаю, это оттого, что Ольга Николаевна нас хорошо учила, — сказал Ваня Пахомов.

— Ольга Николаевна у нас очень хорошая, вот это и потому, — сказал Вася Ерхин.

— В классе не всё зависит от учительницы, — сказала Ольга Николаевна. — И у хороших учителей бывают такие классы, где не все ученики учатся хорошо.

— Мы добились успехов потому, что Ольга Николаевна нас хорошо учила, и ещё потому, что все захотели хорошо учиться, — сказал Толя Дежкин.

— Вот и скажите, почему все захотели? — спросил Володя.

— Можно мне сказать? — спросил Костя. — Мне кажется, это потому, что у нас в классе между ребятами настоящая дружба. Каждый думает не только о себе, но и о своих товарищах. Это я на себе испытал. Когда я плохо учился, все ребята думали обо мне. Только я тогда был ещё очень глупый и даже обижался. А теперь я вижу, что ребята хотели мне помочь и борлись за честь всего класса.

— Ты правильно сказа́л, Ко́стя: дру́жба помогла́ ва́шему клáссу до́бьт́ся успе́хов, — сказа́л Воло́дя. — В ва́шем клáссе ребя́та по́няли, что настоя́щая дру́жба состо́ит не в том, что́бы проща́ть сла́бости сво́их това́рищей, а в том, что́бы бы́ть тре́бовательным к сво́им друзья́м.

— Позво́льте мне сказа́ть, — попро́сил я. — Вот я тепе́рь по́нял, как ну́жно относиться́ к сво́ему́ дру́гу. От него́ на́до тре́бовать, чтоб он был хоро́шим. Если он ошибáется, то на́до ему́ сказа́ть, а е́сли не ска́жешь — знач́ит, ты сам плохóй това́рищ. Это я то́же на себе́ испыта́л. Ко́стя сна́чала посту́пал непра́вильно, а я помога́л ему́ в э́том, и от э́того получи́лся оди́н то́лько вред. А пото́м я стал тре́бовательным к нему́, и тепе́рь я ему́ настоя́щий друг.

— Ты рассу́дил пра́вильно, — отве́тил Воло́дя.

Так мы разгово́ривали до́лго и задава́ли ра́зные вопро́сы, а пото́м Ко́стя сказа́л:

— Ольга Никола́евна, я хочú попро́сить вас: поста́вьте мне мою́ четвёрку в дневни́к.

— В конце́ неде́ли я бу́ду проста́влять всем отме́тки, тогда́ и тебе́ поста́влю, — отве́тила Ольга Никола́евна.

— Ну, поста́вьте се́годня, Ольга Никола́евна, мне о́чень хо́чется!

— За́чем же тебе́ так спéшно? Твоя́ четвёрка от тебя́ не уйдёт.

— Я зна́ю, что не уйдёт. Я хоте́л показáть ма́ме. Я давнó ужé обеща́л ма́ме, что у меня́ бу́дет четвёрка по ру́сскому языку́.

— Ра́зве ма́ма тебе́ без дневника́ не пове́рит? — спроси́ла Ольга Никола́евна.

— Пове́рит! — отве́тил Ко́стя. — То́лько, зна́ете, на слова́х э́то так... А когда́ в дневнике́—э́то совсе́м ина́че.

— Пра́вда, Ольга Никола́евна, поста́вьте! Ему́ о́чень хо́чется! — ста́ли проси́ть ребя́та.

Воло́дя то́же сказа́л:

— Мы все прóсим, Ольга Никола́евна! То́лько ему́, а остальным в конце́ неде́ли.

Ольга Николаевна улыбнулась.

— Ну, если все просят... — сказала она и взяла у Кости дневник.

Костя с волнением смотрел, как Ольга Николаевна поставила в его дневник четверку.

Мы с Костей вышли из школы, и я заметил, что пока мы сидели в классе, на дворе стало теплей. Мороз отпустил. С утра ещё было холодно, а теперь под крышами заплакали сосульки. Они сверкали на солнышке, как блестящие украшения на новогодней елке. В лицо нам дул ветер. Он был какой-то мягкий, тёплый и ласковый. От него пахло вот как пахнет водой у реки в жаркий день. Казалось, что этот ветер примчался к нам прямо с юга, из широких степей Казахстана, где уже наступила весна и начался сев. На душе у меня стало так хорошо, так радостно! Сердце громко стучало в груди и рвалось на простор. Хотелось куда-то мчаться или лететь. В голове теснились какие-то чудесные мысли, от которых захватывало дух, хотелось быть добрым, хорошим; хотелось сделать что-то необыкновенное, чтобы все удивились и чтобы всем стало так хорошо, как было мне.

Вот какие мысли были у меня в голове. А Костя шёл и ничего не замечал. Потом он остановился, вынул из сумки дневник и любовался на свою четверку.

— Вот она, четверка! — улыбнулся он. — Сколько я мечтал о ней! Сколько раз думал: вот получу четверку и покажу маме, и мама будет довольна мной. Я знаю, что не для мамы учусь, мама всегда говорит об этом, но всё-таки я хоть немножечко, а и для мамы учусь. Ведь ей хочется, чтоб её сын был хорошим. Я буду хорошим, вот увидишь. И мама будет гордиться мной. Ещё поднажму, и у меня будет пятёрка. Пусть тогда мама гордится. И тётя Зина пусть тоже гордится. Пусть, мне не жалко. Ведь тётя Зина тоже хорошая, хотя и пробирает меня иногда.

Он остановился, спрятал в сумку дневник и огляделся по сторонам. Потом вздохнул полной грудью.

— Ты чувствуешь? — сказал он. — Это весенний ветер! Скоро весна. Ведь сейчас уже конец февраля, а февраль — последний месяц зимы. Скоро наступит март, и придёт весна, и потекут ручейки, и зазеленеет трава, в лесах проснутся ежи и ужи и другие разные звери, и запоют птички, и зацветут цветы...

И он начал ещё что-то рассказывать про весну и про птичек, но я не запомнил, потому что как раз в это время мне в голову пришла мысль написать про всё, что с нами случилось. С тех пор я начал писать и писал чуть ли не каждый день понемногу, и, хотя я писал не обо всём, а только самое главное, я подошёл к концу, уже когда занятия в школе кончились и мы с Костей перешли в следующий класс с одними партёрками.

Вот и всё, о чём мне хотелось сказать.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	3
Глава вторая	16
Глава третья	27
Глава четвёртая	39
Глава пятая	48
Глава шестая	52
Глава седьмая	60
Глава восьмая	70
Глава девятая	77
Глава десятая	85
Глава одиннадцатая	93
Глава двенадцатая	99
Глава тринадцатая	107
Глава четырнадцатая	116
Глава пятнадцатая	124
Глава шестнадцатая	133
Глава семнадцатая	140
Глава восемнадцатая	148
Глава девятнадцатая	153
Глава двадцатая	160
Глава <u>двадцать</u> первая	168

Обложка Г. Валька

Д л я н а ч а л ь н о й ш к о л ы

Носов Николай Николаевич

ВИТЯ МАЛЕЕВ В ШКОЛЕ И ДОМА

Ответственный редактор *Г. Ф. Ермоленко*. Художественный редактор *Г. С. Вебер*. Технический редактор *З. М. Кузьмина*. Корректоры *Т. П. Лейзерович* и *В. К. Мирингоф*. Сдано в набор 15/X 1963 г. Подписано к печати 30/XII 1963 г. Формат 60×90^{1/16}—11 печ. л. (832 уч.-изд. л.). Тираж 100 000 экз.

ТП 1964 № 608. Цена 39 коп.

Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги. Москва,
Сушевский вал, 49. Заказ № 5585.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В 1964 году в серии «Школьная библиотека для нерусских школ» выходят следующие книги для начальной школы:

Мамин-Сибиряк Д. Н.
АЛЕНУШКИНЫ СКАЗКИ.

В книгу входят известные сказки: «Сказка про храброго зайца Длинные уши — Косые глаза — Короткий хвост», «Сказка про Воробья Воробейча, Ерша Ершовича и весёлого трубочиста Яшу» и др.

Маршак С.
КРУГЛЫЙ ГОД.
Стихи.

Нестайко В.
В СТРАНЕ СОЛНЕЧНЫХ ЗАЙЧИКОВ.

Повесть-сказка.
Перевод с украинского.

Осеева В.
ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО.
Рассказы.

Обращайтесь за этими книгами в свои районные и школьные библиотеки.

Эти книги по мере выхода их в свет вы сможете приобрести в магазинах Книготорга и потребительской кооперации.

Книги высылаются также по почте наложенным платежом отделом «Книга—почтой» областных, краевых и республиканских книготоргов.

Цена 39 коп.

* Н. НОСОВ * ВИТЯ МАЛЕЕВ В ШКОЛЕ И ДОМА *
